

375

8с

В 273

Великий
узбекский
поэт

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
51	10 снизу	открыта тайна	скрыта тайна
02	1 снизу	¹ Ахмед Яссави, Газзали-и кимейя-саадат	² Газзали, Ким'ейя-саадат
62	2 снизу	³Ахмед Яссави	³ Ахмед Яссави, Хикмат
65	19 сверху <i>сверху</i>	Их цель — выгода на убытке народа	Их цель, выгода — в убытке народа
71	15 сверху	воинов	волков
55	первая спуска	1943	1946
74	3 снизу	сомнения	сознательность
80	первая спуска	перев. Липкина	перев. Пеньковского
126	19 сверху	верхов	верков
134	10 сверху	являлись	не являлись
134	23 .	отвесны	отвесены

У подножья еловых лесов
 Косулей стал наш народ,
 Навьюченный мешками с солью
 Вьючным скотом стал наш народ.
 Молчалим и при ударе по голове.
 Труном стал наш народ.

35938

Талантливые акын Клыч, живший после Арстанбека и умерший
 в революцию, и другие акыны, в отличие от Арстанбека пели
 не о борьбе с вторгшимися чужеземными захватчиками,
 ате и провозом, которому подвергся пораженный кир-
 год, вспоминали прошлую свободу и свободу колониаль-
 ности о свободной родине. Клыч назвал свою
 песню выхода из нее. Великий Токтогул, жив-

АКАДЕМИЯ НАУК УзССР
 ~ ~ ~
 ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

**Великий
 узбекский
 поэт**

СБОРНИК СТАТЕЙ
 под редакцией действ. члена
 АН УзССР М. Т. Айбека

ИЗДАТЕЛЬСТВО
 АКАДЕМИИ НАУК УзССР
 Ташкент — 1948

8с(с52)
β-243

П

Кандидат истор. наук Я. Г. ГУЛЯМОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ЭПОХИ НАВОИ

Города Средней Азии в IX—X вв. (не говоря о более ранних временах) являлись центрами торговли, ремесла и культуры. В них выросли и нашли признание представители науки, литературы и искусства. Подобными культурными центрами были Мерв, Бухара, Ургенч, Нишапур, Газна, города Восточного Туркестана, Семиречья и др.

В прошлом веке в русскую науку проникло из европейского буржуазного востоковедения убеждение об особой роли иранских народов в создании древней культуры Средней Азии, несмотря на отсутствие каких-либо конкретных доказательств этой ведущей роли иранцев.

В то время в Средней Азии не были еще начаты по настоящему археологические, этнографические и антропологические исследования. В свете научных открытий последних лет выявляется подлинная картина исторического сотрудничества ряда народов в создании культуры Средней Азии, которая доказывает бессмысленность утверждений представителей расистской концепции.

Археологические раскопки на территории Фархадской ГЭС дали интересные материалы, характеризующие одинаковое состояние культурного развития как иранских, так и протюркских народов в начале нашей эры; это обстоятельство отчасти дает основание для объяснения глубоких исторических корней двуязычности народов Средней Азии в раннем средневековье. Китайский путешественник Сюан-дзян, посетивший Согдиану в VII в. н. э., указывает, что жители этой страны разговаривают на двух (иранском и тюркском, Я.Г.) языках. Это, безусловно, имело место и раньше. В середине века наблюдается неразрывное сотрудничество ираноязычного и тюркского населения Согдианы в создании той культуры, которую унаследовали в конечном счете народы Узбекистана и Таджикистана. Таким образом, нет никаких науч-

35938

Библиотека Института
Филиала АН СССР

ных данных, доказывающих преимущество одних народов перед другими как в древности, так и в средние века.

В XIII в. все культурные завоевания Средней Азии рухнули под ударами полчищ Чингиз-хана. Это бедствие постигло не только Среднюю Азию, но в равной мере и другие культурные страны Востока. Монгольские ханы стремились сделать все, что могло бы способствовать максимальному выкачиванию доходов из покоренных народов, разрушая экономическое благосостояние последних. Для укрепления своей власти ханы опирались на реакционный феодализм, поощряя его деятельность всеми способами. Широко разрасталась сеть ханако с большими вакуфными угодьями.

Однако, несмотря на тяжесть и суровость монгольского режима, покоренные народы стремились к восстановлению и развитию своей экономики и культуры.

Примером этого может служить Герат, который в 1220 г. был разорен монголами, часть населения была угнана в Моголистан, а остальные были перебиты. Лишь небольшая группа людей, около сорока человек, в основном ремесленники, скрывшаяся от монголов, вернулась в город и, несмотря на страшные лишения, не оставляла его в течение пятнадцати лет. При монгольском хане Угедее (1229—1239) в Герате была возвращена значительная партия гератских ремесленников, после чего возрождение города быстро пошло вперед.

Явное противоречие между монгольским правлением и культурно-экономическим возрождением и развитием народов Средней Азии и Ирана привело к тому, что при ханах из джагатайского дома в Мавераннахре, хулагидах в Хорасане уже создалась тревожная обстановка; согласно данным историков Рашид-ад-дина, Джувейни, Хафиз-абру и др., насилия монголов над крестьянами и ремесленниками привели к жесточайшим политическим столкновениям.

С тридцатых годов XIV в. в Хорасане возникло бурное и очень воинственное революционное движение сарбадаров. Оно распространилось и по Мавераннахру. Движущими силами восстаний сарбадаров являлись угнетенные земледельцы, городские ремесленники и рабы. Движением руководила коалиция представителей среднего слоя местной феодальной знати, городских ремесленников и низших слоев местного духовенства. Сарбадары открыто выставили требование свержения существующего режима, конфискации имущества угнетателей, установления нового — сарбадарского порядка. Согласно утверждениям первоисточников, со всех концов Ирана и Мавераннахра туда собирались крестьяне, ремесленники и рабы и, вооружаясь, вступали в ряды сарбадаров.

По сведениям историков того времени, они были „людьми честными, благодушными, храбрыми и воинственными“. Движение сарбадаров носило резко выраженный революционный характер. Само название „сарбадар“ было принято ими для выражения полной преданности делу.

Монгольский хан Тагой-Тимур из династии хулагидов обращается к вождю сарбадаров — Ходжа Яхья со следующими стихами:

Гардан биних жяфон замонро у сар Мааш,
Коре бузургро натувои кард Мухтасар
Семургвор чуи натувои кард касди коф.
Чун са'вабошу фурурез болунар
Берун куи аз думог хаели мухолро
То дар сари сарат нашавад сад хазор сар

Т. е. „Покорись страданиям и не стань мятежником, Малым не под силу дела великих, Как Симург (легендарная птица-великан), Не стремись к далеким горам (Каф), А будь маленьким, как канарейка, и сложи крылья. Выкинь из головы непосильную мечту, Чтобы над твоей головой не легли головы Сотни тысяч других...“

Ответ Ходжа Яхья последовал такой:

Гардан чаро ниҳем жафон замонро
Рози чаро шаем баҳар кори Мухтасар
Дарёу кўхро бигузоре му бигузаре
Семургвор зери пар орем хушкунтар
Ё бомурод бар сари гардуи ниҳем пой
Ё мардвор дар сари ҳимат кунем сар.

Т. е. „Зачем склонять голову перед страданиями? Зачем соглашаться на всякие низкие дела? Ододем и победим моря и горы и Как Симург перелетим через них. Или достигнем цели и будем властвовать над миром. Или мужественно положим голову за великое дело“

Авторы первоисточников описывают победы сарбадаров и в то же время умоляют бога: „О, бог, не быть нищим господами“, подразумевая под „нищими“ сарбадаров.

Сарбадары убили монгольского хана Тагой-Тимура, истребили его приближенных, образовали в Западном Хорасане собственное сарбадарское государство с центром в Сабзаваре. Правителей сарбадары избирали по их способности, и в случае надобности сменяли их другими, более способными. Это государство просуществовало самостоятельно более 40 лет.

В 1365 г. сарбадары отстояли Самарканд от захвата монголов и стали сами управлять им. Самаркандское движение

сарбадаров возглавили староста трепальщиков шерсти и студент самаркандского медресе. Только хитростью удалось Тимуру и эмиру Хусейну овладеть Самаркандом.

Мы не располагаем сведениями о внутренней социально-экономической структуре государства сарбадаров, так как авторы того времени не имели возможности обрисовать ее в объективных тонах.

В. В. Бартольд рассматривает движение сарбадаров как случайное политическое событие, происшедшее в связи с падением династии хулагидов. Это возбуждает недоумение, так как Бартольд был прекрасно знаком с длительной борьбой сарбадаров и всем ходом этого движения.

Только в последние годы Р. Н. Набиевым было дано правильное освещение этого важного исторического движения. Однако это только первый шаг, первые штрихи; требуются еще дальнейшие углубленные изыскания в этом направлении.

Мы придаем большое значение движению сарбадаров, так как оно является одним из важных звеньев сильнейшего революционного движения на мусульманском Востоке, развившегося из восстаний Маздака, Зиндикидов, Мукадды, Тараби и др.

Движение сарбадаров в условиях феодализма было прогрессивным явлением по отношению к старым порядкам. В нем видно стремление к возвышению и укреплению значения городов Хорасана и Мавераннахра.

Первые шаги Тимура, как нового могучего объединителя страны, опиравшегося не на дервишские ордена, а на термезских саидов, обнадежили сарбадаров и толкнули их на путь сотрудничества с ним. В 1381 г. государство сарбадаров добровольно вошло в состав Тимуридского государства. Но Тимур не оправдал полностью надежд сарбадаров, хотя сотрудничество последних с Тимуром существовало: даже историки Тимура восхищаются отвагой сарбадарской знати во время его походов.

Империя Тимура была насильственным объединением ряда стран и народов на территории от Средиземного моря до границ Китая. Этого Тимур добился исключительно силой оружия. Ядро военной силы Тимура составляла воинственная тюрко-монгольская родовая знать с ее большими, хорошо обученными отрядами, комплектовавшимися главным образом из барласов, сулдузов, каучин, орлатов и других племен, заинтересованных в военной добыче, а также из представителей городской знати, которая организовала воинственные, хорошо вооруженные отряды.

Кроме того, как сам Тимур, так и другие члены династии имели сильную личную дружину. Например, Султан-Хусейн имел личную нестроевую дружину из 14 тысяч человек и строевую дружину из 40 тысяч человек, которая в строю составляла центр войска. Каждому из этих воинов за службу выделялось по 40 танавов земли.

Наряду с этим, Тимур сплотил вокруг себя чрезвычайно преданную ему военную аристократию; так, например, Шериф-эддин рассказывает об эмире Ак-буга, который никогда в своей жизни не сидел спиной к той стороне, куда направлялся Тимур, и во время отдыха не решался вытягивать в этом направлении ноги.

Тимур сумел создать такую военную силу, с помощью которой он завоевал Хорезм, Золотую орду, Западный Иран Закавказье. Он скопил в своих руках громадные богатства.

В своей строительной деятельности Тимур имел целью продемонстрировать могущество своей империи и ее столицы. Его интересовала главным образом грандиозность и внешний блеск построек. Этим он хотел внушить мысль о могуществе собственной империи.

Некоторые историки с восхищением отмечают умение Тимура использовать все производительные силы других стран для увеличения великолепия собственной столицы, т. е. для постройки мавзолеев, мечетей, дворцов и садов. Для этой цели в Самарканд пригонялись сотни тысяч человек пленных ремесленников. Границы Мавераннахра были закрыты для их выезда. По словам Бартольда, «все завоевательные стремления Тимура были направлены в сторону культурной Передней Азии», и действительно, Тимур стремился держать в своих руках древний торговый путь от Трапезунда до китайской границы.

Однако Бартольд неправильно характеризует походы Тимура в степные области, оценивая их только как набеги. Тимур имел большие планы в отношении золотоордынского ханства. Недаром он так старался породнить своих престолонаследников с потомками золотоордынских ханов и с этой целью женил Джахангира на Хан-Заде-бегим; он имел намерение назначить своим преемником Мухаммед-Султана, сына Хан-Заде-бегим. Только смерть Мухаммед-Султана расстроила его планы. Тогда он назначил своим преемником Пир-Мухаммеда, второго сына Хан-Заде-бегим. Тимур хотел добиться такого положения, чтобы ханы из его собственного дома имели право претендовать на золотоордынский престол. Тимур воздвиг грандиозное здание над могилой известного Ходжа-Ахмеда Ясави, хотя и не был поклонником ордена Ясави. Этим сооружением он намере-

вался привлечь к себе симпатии степи. Словом, Тимур знал, куда и на что тратить силы и средства.

По примеру Чингиз-хана, Тимур разбил свою империю на ряд уделов. Управление уделами он вверял царевичам из собственного дома. К каждому из них он прикреплял группу опытных воинов, главным образом из рода барлас. Эти суровые воины окружали царевичей в удельных владениях и занимались грабежом местного населения. Не имея образования, не стремясь к культуре, они предавались лишь пирам, охоте и военному делу.

Тимур, завершив дела на Западе, в конце своей жизни приступил к осуществлению своих намерений покорить Китай. До этого Тимур два раза посылал в Китай посольство с подарками. Это было сделано для обеспечения далекого тыла в годы осуществления планов на Западе. Незадолго до начала похода в Китай, к Тимуру прибыло китайское посольство. Тимур намеренно оскорбил его и выступил против Китая. Однако смерть помешала ему завершить это дело.

На следующий же день после смерти Тимура начались распри между царевичами из-за престола. Представители различных групп военной знати выдвигали кандидатуру того царевича, приближенными которого они являлись. Начались кровавые столкновения. Только Шахруху удалось в основном усмирить это движение и стать во главе государства. Этому предшествовало убийство законного престолонаследника Пир-Мухаммеда, так как все внуки Тимура начали оспаривать законность завещания деда.

Шахрух не остался в Самарканде. В качестве столицы своего государства он избрал город Герат.

Кровавые распри между царевичами продолжались; тимуридское государство во главе с Шахрухом перешло от завоевательной политики к оборонительной.

Проводя умеренную политику, Шахрух стремился удержать от распада империю Тимура, но это ему не удалось. Скоро отпал Азербайджан вместе с Западным Ираном. В связи с этим империя потеряла важный конечный узел главного торгового пути на Ближнем Востоке и средиземноморье, хотя торговля с этими странами продолжалась. Тем не менее города Хорасана и Мавераннахра продолжали развиваться и приобретали большое значение в экономике тимуридского государства. Умеренная внутренняя и внешняя политика Шахруха удовлетворяла сторонников мирной жизни. Торговля, ремесло, земледелие быстро развивались в этих условиях.

Шахрух старался наладить также и внешнеполитические сношения с Китаем и Индией. В период его правления неоднократно происходил обмен посольствами между Шахрухом и Улугбеком — с одной стороны, и Китайской империей с другой. Посольства носили исключительно дружественный характер. Одному из посольств, которое возглавлял Гияс-ад-дин Наккаш, было, между прочим, поручено составить подробный дневник с описанием путей, их условий, образа жизни населения в разных областях Китая и т. п.

В одном посольстве в Индию участвовал знаменитый историк Абдуразак Самарканди. Это посольство установило дружественные отношения между правителями Индии и государством Шахруха.

Шахрух по своей натуре не был энергичным и решительным правителем. Его политика была основана на лавировании между различными течениями в политической и духовной жизни государства. Экономическая, политическая и культурная обстановка в Герате оказала сильное влияние на Шахруха. Он стал ревностным проводником мусульманского законодательства в управлении государством и не придерживался степной традиции монгольских ханов и Тимура: до Шахруха, даже при Халил-Султане, на престол Самарканда был посажен 7-летний подставной хан из потомков дома Чагатая. Шахрух искоренил эту традицию Тимура. Вообще, при Шахрухе тенденция к независимости удельных правителей все более возрастала.

Для одного из внуков, сына Байсункара, Султан-Мухаммеда Шахрух в 1442 г. создал как бы отдельное государство, в состав которого, согласно свидетельству Абдуразака Самарканди, входили Султания, Казвин, Рей и Кум с областями, а согласно Джафари, и Хамадан.

С самого начала правления Улугбека Мавераннахр рассматривался, как самостоятельное государство. Улугбек был самостоятелен и во внешней политике. На его долю выпала ответственная военно-политическая задача — защищать границы государства тимуридов. Географическое положение Мавераннахра и Хорезма требовало большой военно-политической зоркости и предусмотрительности в отношении двух грозных соседей: кочевых ханов на Сыр-дарье и монгольских ханов в Семиречье. Ему приходилось воевать с теми и другими.

Однако войны Улугбека не носили захватнического характера. Ханы Дешти кичака, утвердившиеся к этому времени на нижнем течении Сыр-дарьи, первые начали набегать на Мавераннахр и Хорезм.

С другой стороны, не могли не привлекать внимания Улугбека и события в Моголистане, где происходили междоусобицы. Улугбек прекрасно понимал, что сильная ханская власть в Моголистане опасна для Мавераннахра, а потому стремился путем вмешательства в дела Моголистана обеспечить неприкосновенность Мавераннахра в будущем. Он помог Ширмухаммеду одержать верх в этих распрях, надеясь, что победитель в дальнейшем будет поддерживать с ним дружеские отношения. Однако надежды его не оправдались, и ему пришлось вскоре выступить в поход против Ширмухаммеда. В 1425 г. Улугбек переправился через р. Чу и дал большое сражение Ширмухаммеду, из которого вышел победителем.

Улугбек не обладал ни выдающимися качествами полководца, ни особенными способностями в административных делах. Он вошел в историю как блестящий ученый и выделялся среди других царевичей дома Тимура исключительной просвещенностью.

Много внимания уделял Улугбек благоустройству своей столицы—Самарканда, стремясь сохранить все, что осталось в нем от Тимура, и содействуя со своей стороны его дальнейшему процветанию.

Ригистан в Самарканде был создан Улугбеком в несколько иной планировке, отличной от более поздней. По первоначальному плану Ригистан состоял из медресе Улугбека (на западе), его же хонако (на востоке) и соборной мечети Алейка Кукальташа (на юге)¹. Загородные сады Улугбека-Чил-ситун и Чинни-хана в Башмайдане поражали современников своим великолепием и исключительной архитектурной декорировкой. Особенно заслуживает внимания его обсерватория на Оби-Рахмате на холме Талли-Расад, от которой до наших дней сохранились лишь подземные сооружения. Кроме того, им же построены медресе Улугбек в Бухаре, медресе в Гиждуване и мечеть Кок-гумбез в Шахрисабзе.

При Улугбеке Самарканд стал центром научной и творческой жизни, которую возглавлял он сам. В его медресе в Самарканде, кроме богословских наук, преподавалась астрономия и математика. Основными преподавателями астрономии были Кази-заде Руми и Гияз-ад-дин Джамшид; с ними сотрудничал Улугбек и молодой астроном Али-Кушчи.

Одновременно с занятиями в медресе ученые занимались в обсерватории наблюдениями за движением звезд; в ре-

зультате этих наблюдений была составлена знаменитая астрономическая таблица Улугбека „Зидж-и-Курагани“.

Хотя в средние века и умели при помощи примитивных инструментов вести наблюдения за движениями звезд, но общие космографические представления были еще на весьма низком уровне.

Работы Улугбека в области астрономии, отличавшиеся большой точностью, внесли значительный вклад в науку. Определенная им широта Самаркандской обсерватории была проверена уже в новое время астрономом Струке и обнаружила лишь чрезвычайно незначительные отклонения.

Наблюдения и вычисления обсерватории Улугбека, по словам М. Е. Массона, во многих случаях обладали высшей точностью, какой только достигала астрономическая наука до изобретения телескопа. Вообще Улугбек был одним из самых передовых и образованных людей своего времени. Он поощрял женщин к образованию, покровительствовал развитию родного языка и литературы, заботился о подготовке новых кадров ученых и поэтов, принимал меры к охране отечества от вторжения врагов и уделял много внимания его благоустройству. Все это необычайно возвысило образ Улугбека и поставило его в ряды представителей передовой культуры.

Улугбек покровительствовал узбекским поэтам своего времени (Саккаки, Лутфи и др.), подвергавшимся притеснениям при дворе Шахруха. Саккаки пишет про себя и своего ученого покровителя:

Фалак йиллар керак эвралса у келтирса илгига
Менингтек шоири турку, сенингтек шохи донони

т. е.

„Нужны многие годы, чтобы время снова имело такого тюркского поэта, как я, и такого мудрого царя, как ты“.

Выдающийся узбекский поэт-лирик Лутфи также оставил достойную оценку Улугбеку:

Улугбекхон билур Лутфий камолин
Ки рангин ше'ри Салмондин қолишмас.

т. е.

„Улугбек-хан постиг совершенства Лутфи и понял, что красочность его стихов не уступает произведениям Саламана“.

Так же как Тимур, но в иных формах, Улугбек широко использовал оставшихся еще в Самарканде пленных ремесленников. Он не боялся привлекать из среды простых лю-

¹ Новая перепланировка Ригистана была произведена лишь в XVII в.

дей ученых и других деятелей культуры. В этом отношении существует очень популярный рассказ: когда постройка медресе Улугбека приблизилась к концу, присутствовавшие при сооружении этого здания люди спросили Улугбека, кто будет назначен его мударрисом. Улугбек ответил, что здесь будет поставлен человек, самый сведущий во всех науках. Слова Улугбека услышал мауляна Мухаммед-ал-Хорезми, сидевший в грязной одежде, среди кучи кирпича; он тотчас же заявил о своем праве на эту должность. Улугбек стал его расспрашивать, убедился в его широких познаниях, велел свести его в баню и надеть ему хорошую одежду. В день открытия медресе мауляна Мухаммед прочитал столь сложную лекцию, что из присутствующих в аудитории 90 ученых ее поняли только Кази-заде Руми и Улугбек.

Можно смело утверждать, что в области культурной деятельности Улугбек был предшественником Алишера Навои. В средние века Хорасан с центром в Герате находился, по сравнению с Мавераннахром, в более благоприятном стратегическом положении. Основная военная опасность тимуридскому государству грозила со стороны Дешти-Кипчака. Кочевые узбекские роды летом расселялись по далеким пастбищам, а зимой возвращались к берегам Сырдарьи. Они располагали достаточными силами для военных набегов на Хорезм, Мавераннахр, Ташкентский оазис и другие области вплоть до окраин Хорасана. Поэтому тимуридские правители Хорасана предпочитали проводить зимы на р. Мургаб, считавшейся входными воротами в Хорасан. Но при всех столкновениях с кочевниками первый удар всегда принимали Мавераннахр и Хорезм, а судьба Хорасана зависела в этом отношении от судьбы этих стран.

При таком положении Хорасан при Шахрухе считался достаточно безопасным, но тем не менее Шахрух настойчиво рекомендовал Улугбеку воздерживаться от споров и столкновений с воинственными соседями.

Герат — столица главного тимуридского государства — стал при Шахрухе центром оживленной внутренней и внешней торговли, ремесел, науки, литературы и искусства, пунктом сосредоточения военной знати, духовенства, государственно-административных учреждений.

Походы Тимура в чужие страны обеспечивали в свое время военному сословию большие богатства. Административные чиновники также располагали крупными средствами для существования. Их вымогательства и взятки с трудящегося населения городов и сел не имели пределов. Для содержания духовенства при Шахрухе делались специаль-

ные ассигнования и пожертвования, которых хватало более чем на роскошный образ жизни. В Хорасане наряду с официальным духовенством существовали дервишские секты, но последние не имели большого распространения. Это объясняется сравнительно ранним возрождением городов после монгольского разгрома и возвышением их ведущей роли как торгово-ремесленных центров. Здесь ход развития экономической жизни и культуры как-то не благоприятствовал деятельности дервишских орденов, которые для своей реакционной, разлагающей пропаганды использовали отсталые слои населения. Совсем иначе в этом отношении обстояло дело в Мавераннахре. Здесь монгольские полчища орудовали сравнительно долго, кроме того, междоусобная борьба местных родоплеменных групп не способствовала быстрому возрождению городов. В свою очередь соседство с кочевой степью благоприятствовало деятельности представителей дервишизма, которые противопоставляли себя здесь официальному духовенству.

Развитию торговли и ремесел в Герате содействовала богатая провинциальная знать, часто посещавшая столицу и предъявлявшая спрос на предметы роскоши. В Герате, Самарканде и в других городах сосредоточились искусные мастера, изготавливавшие предметы для взаимных подарков между знатью, а также для удовлетворения нужд пышной жизни дворца. Торговцы Герата и Самарканда проникали на далекие иностранные рынки, стремясь доставить своим покупателям разные чужестранные диковинки.

На все это требовались деньги. Шахрух не мог рассчитывать на военные походы, как на источник обогащения. При нем практиковалась раздача земель военной знати, духовенству, государственным чиновникам с правом самостоятельного взимания с крестьян всех видов платежей. Таким образом, открылось широкое поле деятельности для выкачивания средств из трудящегося населения.

Между тем, политическая мощь государства Шахруха и Улугбека все более ослабевала. В Хорасане начались междоусобия, царевичи захватывали друг у друга удельные владения. Двор Шахруха превратился в очаг политических происков и соперничества представителей династии и чиновников верховной власти. Гарем Шахруха во главе с его женой Гаухар-Шад-бегим оказывал большое влияние на политическую жизнь государства. Распри среди царевичей переплетались с политическими течениями, возникавшими вокруг гарема Шахруха. По смерти Шахруха между царевичами началась кровавая борьба за престол, главную роль в которой играла опять-таки Гаухар-Шад-бегим.

Хотя Улугбеку и удалось одержать верх в борьбе, раз-
вернувшейся за престол, и стать во главе всего государст-
ва, тем не менее он не решился оставить Мавераннахр.

Политическая обстановка в Мавераннахре становилась
все более напряженной. Дервишские шейхи, особенно при-
верженцы накшбендиев, широко проповедывали бесполез-
ность культуры и науки не только светской, но и богослов-
ской, поскольку последняя была связана с книгой.

В Бухаре с самого начала царствования Улугбека назре-
вала реакционная оппозиция против всех его культурных
и научных начинаний. В самом Самарканде имелись опре-
деленные круги и отдельные лица, которые считали своим
долгом выступать с протестами против деятельности госу-
даря-ученого. Наиболее крупными шейхами времени Улуг-
бека были Мухаммед-Парса в Бухаре, Хасан-Аттер в Самар-
канде и Якуб-Чархи в Бадахшане и Чиганниане. Последние
два являлись учителями одного из самых реакционных
представителей дервишизма Убейдулла-Ходжи-Ахрара, сы-
гравшего такую печальную роль в культурной жизни Сред-
ней Азии и Самарканда после смерти Улугбека и в годы
царствования Абу-Саида (1451—1469) и его сына Султан-
Ахмеда (1469—1494).

В течение почти 40 лет представители религиозного
мракобесия мешали Улугбеку в его творческой работе,
наконец, Улугбек был убит, и культурное развитие в Са-
марканде остановилось.

В Хорасане после этого события положение не измени-
лось к лучшему. Междоусобицы приняли всеобщий харак-
тер. Вскоре был убит и сын Улугбека Абдуллатиф. Вер-
ховную власть в Герате захватил племянник Улугбека—
Абул-Касым Бабур, но это не спасло положения.

Ссылаясь на описание историка Абд-Ар-разака политиче-
ской обстановки того времени в Хорасане, проф. Якубов-
ский указывает, что в Хорасане было в это время несколь-
ко падишахов, которые враждовали между собой. Мирза
Джаханшах, падишах Азербайджана и обоих Ираков захва-
тил область, лежащую от Астрабада до Себзавара. Мир-
за Ала-ад-даула, вернувшись из Дешти-кипчака, находился
в Абиверде; Мирза Султан-Абу-Саид, падишах Мавераннахра
и Туркестана, сидел в Балхе. Султан-Санджар имел резиден-
цию в Мерве, а Мирза Шах-Махмуд пребывал в Тусе и в
районе крепости Имад. Мелик-Касим вместе с эмиром Хали-
лем захватил Сеистан вплоть до области Фараха и города
Исфизара. Самое удивительное,—пишет А. Ю. Якубовский,—
то, что каждая из крепостей, которая находилась в этой
стране, была во владении какого-нибудь главаря. Так, мау-

лана Ахмед-Ясаул, ни на кого не обращая внимания, захватил
крепость Ихтияр-аддин; крепость Нирту досталась в руки
Пирак-могола; крепость Серахса охранял эмир Абдаллах Пир-
зад; крепостью Су'лук обладал Худайдод, а крепостью Ти-
бес владел эмир Увейс, (сын) эмира Ховандшаха, и никто
из них никому не подчинялся.

В такой обстановке 14-летний Султан-Хусейн явился ко
двору Абул-Касым-Бабура в Герате и предложил ему свои
услуги. В те времена существовало правило, что каждый
молодой представитель из дома тимуридов и служилой
аристократии поступал на службу к кому-нибудь из прави-
телей и связывал с ним свою судьбу.

Султан-Хусейн был тоже из дома тимуридов, живших в
Герате, следовательно, он имел право на престол. Почти
одновременно с Султан-Хусейном на службу к Бабуру явил-
ся Алишер Навои. Его предки были из числа служилой
аристократии, владевшей большими земельными угодьями и
другими богатствами. Существует версия, что Султан-Ху-
сейн и Алишер подружились еще в школьном возрасте и
обещали поддерживать друг друга. В 1456 г. умер Бабур,
Султан-Хусейн сначала перешел к Султану-Санджару в
Мерв, но поссорившись с ним, начал самостоятельную воен-
ную карьеру, примыкая то к одному, то к другому пре-
тенденту на тимуридский престол.

Алишер после смерти Бабура продолжал свое образова-
ние в Мешхеде, Герате и Самарканде. Уже с молодых лет
Алишер писал стихи и занимался наукой. Его поэтический
талант получил признание передовых представителей об-
щества и приобрел популярность среди всех слоев населе-
ния. По рассказам Хондемира, в годы казачества Султан-
Хусейна, Навои зорко следил за его деятельностью и ста-
рался ему помочь, чем мог. „Однажды,—говорит Хонде-
мир,—несколько эмиров султана Абу-Саида забрали в окре-
стностях Джехеда в плен после боя отряд воинов Султан-
Хусейна. Они убили пленных и отослали их головы Абу-
Саиду. Двое пленных достались на долю Султан-Хасана, у
которого присутствовал Алишер. Начальник лагеря привел
этих двух воинов и сказал: „сейчас же убейте их и отош-
лите их головы“. Алишер расстроился и сказал хозяину
палатки: „В таком-то месте, на поле сражения я видел уби-
того. Я хотел бы, чтобы вы дали палачу одну-две тени,
он принесет голову этого убитого и отпустит одного из
пленных“. Хозяин палатки исполнил его просьбу, и Алишер
освободил одного пленного. Дальше он стал придумывать,
как бы выручить второго. Вдруг пришел начальник лагеря
и сказал: „Не убивайте больше, чем одного пленного, од-

ной головы достаточно". Тут же ему вручили голову, которая была принесена с поля битвы, а обоим пленникам дали свободу".

В рассказах Хондемира имеются и другие сведения, свидетельствующие о том, как Алишер заботился о Султан-Хусейне.

Султан-Хусейну пришлось вести долгую отчаянную, непосильную борьбу с Абу-Саидом, ставшим верховным правителем тимуридского государства. Между Алишером и Абу-Саидом существовали натянутые отношения. Причина их заключалась в том, что Абу-Саид подозревал о весьма доброжелательных чувствах Алишера к Султан-Хусейну. Будучи осведомлен о непоколебимой верности Алишера Султан-Хусейну, он был недоволен пребыванием Алишера в Герате, так как последнему грозила серьезная опасность со стороны Султан-Хусейна. Поэтому имеет основание думать, что переезд Алишера в Самарканд носил, безусловно, вынужденный характер.

В 1469 г. Абу-Саид погиб в битве с туркменской династией Ак-Куюнлу, и Султан-Хусейн быстро овладел тимуридским престолом в Герате. Алишер Навои явился к нему на службу и продолжал свою общественно-культурную деятельность.

Алишер возлагал большие надежды на Султан-Хусейна, как на правителя, способного сохранить целостность и культурно-экономическую мощь государства. Действительно, своим крупным военным талантом и упорством Султан-Хусейн был похож на Тимура. Однако никакой государственный гений уже не мог спасти положение в тимуридском государстве. Нам кажется, тимуриды сами подорвали его экономическую и политическую основу. Опасаясь увеличения политических распрей, они старались за счет государства вознаграждать отдельных представителей военной служилой аристократии, духовенства, а также представителей тимуридского дома. Как и при Шахрухе, широко применялась система так называемого суюргая. Последний представлял собой систему пожалования государством земель с предоставлением жалуемому лицу права взимать в свою пользу налог с зависимых от него крестьян и пользоваться всеми видами повинностей по собственному усмотрению. Представители феодальной власти, повидимому, не только центральной, но и областной, выдавали в качестве суюргая в наследственное владение земельные участки разных размеров, вплоть до целых административных округов. Например, по сведениям Абд-Ар-Разака, Шахрух передал в качест-

ве суюргая Мирзе Кайду-Бахадуру, сыну Мирзы Пирмухаммеда, область Кандахар и Афганистан, вплоть до границ Индии. Раздача суюргалей в Средней Азии начала практиковаться значительно раньше. Уже в начале царствования Тимура можно установить ряд подобных пожалований. Если пожалование касалось административной единицы, то лицо, его получившее, имело право снимать и назначать чиновников, не заявляя об этом центральной власти. Правители выдавали особые ярлыки, которые в письменном виде закрепляли право на пожалование.

На суюргальной системе была основана раздача Шахрухом, Абул-Касымом Бабуром, Абу-Саидом и Султан-Хусейном целых округов и областей в феодальное владение сыновьям и внукам.

Кроме того, в середине века существовали какие-то особые "тарханские" владения. Разница между тарханством и суюргалем в нашей исторической науке выяснена совершенно неудовлетворительно. Сама тарханная грамота не предполагает передачи земли. Последняя давно может находиться в собственности лица, получившего тарханную грамоту. Предполагается, что и эти земли были приобретены тарханами или путем захвата, или через пожалования в раннюю пору монгольского владычества и до него. По определению Абдулгази-хана, тархан означает такого человека, с которого не берут подати. Когда он приходит в дом хана, его никто не может остановить. Совершаемые тарханами проступки прощаются до девяти раз. Право тарханства может переходить на его потомство до девятого поколения включительно. Повидимому, это касается первоначальных прав тарханов, когда их было немного.

Тарханную грамоту может получить и мелкий землевладелец, работающий сам на своем участке и никого не эксплуатирующий. Тарханские грамоты были широко распространены при тимуридах. Многие придворные разных тимуридских домов, так же как и сейиды и представители высшего духовенства, были тарханами. В существующих источниках лица с титулом тархан упоминаются часто. Вспомним несколько лиц, имена которых приводятся в записках Захир-ад-дина Бабура, современника Алишера Навои. Одно из этих лиц Дервиш-Мухаммед-тархан, дядя по матери Султан-Ахмеда-Мирзы, был очень влиятельный и богатый человек. Титул тархана носил и Абд-ал-Али-тархан, близкий родственник Дервиш-Мухаммеда-тархана. При Султан-Ахмед-Мирзе он правил Бухарой и был одним из крупнейших земельных собственников. Принадлежавшие ему мазра'а (земельные участки, имения) находились в окрестно-

стях Бухары и Самарканда. Бабур говорит с великолепием его двора, о празднествах, которые он устраивал, о публичных аудиенциях, о больших подарках, которые он делал, а вместе с тем о насилиях, которые он совершал, и других пороках. Его двор, считая прежде всего его военных слуг, исчислялся не меньше чем в 3000 человек.

Очень широко было распространено вакуфное землевладение. Под вакфом подразумевается официальное закрепление, главным образом за богоугодными заведениями, какого-нибудь доходного объекта—земли, мельницы, бани, базара, лавок, арыков, рабов, денег и т. п. с указанием, что доходы от эксплуатации этих объектов должны тратиться на поддержание этих заведений как-то: хонако, мечетей, мавзолеев, медресе, иногда мостов, кяризов, колодецев и т. д. Вакуфы освобождались от всех налогов и податей, и доходы с вакуфных владений при их эксплуатации целиком поступали в пользу заведения, на которое они были оформлены. В монгольское время и при тимуридах широко практиковалась система вакфов. От этого особенно выигрывали представители дервишских орденов, ибо хонако и мавзолей, построенные для их руководителей, обязательно обеспечивались большими вакуфными владениями.

Существовали также земельные владения, принадлежавшие садам и ходжам—потомкам пророка и его приверженцев. Такие земли назывались „ушри“, т. е. десятинными, с которых взималась подать в размере десятой части дохода. Ушровые земли были частновладельческими и переходили в наследство. Размеры ушровых земель в Хорасане и Мавераннахре были очень велики. Например, один Ходжа-Ахрар в Самарканде, в порядке десятой части дохода, ежегодно сдавал государству 80 000 батманов зерна.

Наконец, были земли частновладельческие, свободные от всяких податей.

Если проследить за упоминаниями первоисточников того времени, то создается впечатление, что государственная казна была почти лишена доходов от земледелия.

При такой обстановке можно представить положение непосредственного производителя, сидящего на этих землях. Государство и указанные категории привилегированных землевладельцев взимали следующие налоги, поборы и повинности:

1) поземельный налог—мал харадж—в размере от $\frac{3}{10}$ до $\frac{4}{10}$ частей урожая;

- 2) чрезвычайный налог—таважжухоти хоржий;
- 3) другой вид чрезвычайного налога—аворизот;
- 4) налог в пользу администрации—зобита (зобитона);
- 5) налог в пользу составителей окладных листов;
- 6) налог в пользу мираба—мирабона;
- 7) подушная плата—сар шумор;
- 8) налог в пользу сборщиков налога—мухассилона;
- 9) налог в пользу чиновников по учету урожая—сахиб джаллиана.

10) Налог на средства передвижения—улаг.

11) бегар, т. е. трудовая повинность в пользу государства или землевладельцев.

Источники, которыми мы пользуемся, ничего не говорят о положении непосредственных производителей, страдавших от тяжести перечисленных налогов и повинностей, так как почти все авторы их были связаны с эксплуататорами, а не с эксплуатируемыми. Их сочинения могли получить признание исключительно после одобрения господствующей верхушки общества того времени. Лишь кое-где проскальзывают упоминания о восстаниях трудящихся масс. Всюду в переписке Алишера и других подчеркивается необходимость уменьшить произвол сборщиков налогов и других чиновников. Хондемир пишет: „часто случалось, что чиновники его величества победоносного Султана (Хусейна Байкара) желали, ради необходимых расходов, возложить на подданных уплату значительных денег, и эмир (Алишер) вносил эти деньги из личных средств, чтобы подданные не впадали в затруднение и не расшатывалась бы опора власти. Другой раз,— пишет Хондемир,— Султан-Хусейн Мирза находился в Мазандаране и оттуда приказал Мухаммед-Валибеку, чтобы по причине возникновения необходимых расходов он прислал бы сто тысяч кибекских динаров, собрав их с жителей города Герата и его округов. Мухаммед-Валибек взыскал из этого количества пятьдесят тысяч динаров с земледельцев округа и имел намерение получить остальные деньги с жителей самого города Герата, разложив их по количеству душ или деревень. Эмир (Алишер), узнав об этом, сказал: „Я не считаю приличным для державы победоносного султана, чтобы в такое время на подданных возлагали уплату этого количества золота“. Потом он заплатил упомянутые деньги из своих средств, и люди воздали эмиру хвалу и благодарение“.

Это незаконное и насильное было допущено самим верховным правителем, которому вверен был контроль над произволом других.

Философ Саади говорит:

Агар аз боги раият малик хурал себе.
Бароваранд гуломони у дарахт аз бих
Бапанж байза ки султон ситам раво дорад.
Зананд лашкарёнаш хазор мург басих

т. е. «Если царь из сада подданных берет одно яблоко, то его подчиненные вырвут яблоню с корнем. А если царь допускает насилие на пять яиц, то его слуги зажарят тысячи кур».

Нет сомнения, что для владельцев суюргалей, тарханов, вакфных и ушровых земель не было предела в вымогательстве с их подчиненных.

Судя по ходу событий, каждый проходивший в государстве Султан-Хусейна мог накопить богатства и подкупить жадных к деньгам придворных, чтобы пролезть на ответственные посты государственного аппарата. Служилая аристократия группировалась вокруг сыновей Султан-Хусейна и разжигала политические раздоры то между сыном и отцом, то между сыновьями, почти самостоятельно управлявшими удельными владениями.

Алишер постоянно выплачивал из своих средств незаконные обложения населения, постоянно мирил мятежных царевичей с их отцом и т. д.

Алишер Навои был самым образованным и передовым государственным деятелем своего времени, приверженцем идеи просвещенной монархии. Идеал, к которому стремился Алишер, выработался у него в той среде, где он вырос. Для осуществления его ему казался наиболее подходящей фигурой Хусейн-Байкара, проявивший в начале своего царствования полное сочувствие стремлениям Алишера. Он открыл широкий путь Алишеру в его деятельности в области развития культуры, науки, искусства и даже сотрудничал с ним. Однако в экономических и политических делах Хусейн-Байкара подпал под влияние старой служилой аристократии и случайных людей, пробравшихся в его свиту и в государственный аппарат.

Экономическое бессилие центральной власти обуславливало ее политическую немощь. Хусейн-Байкара не был в силах по положению, по традиции тимуридского государства провести какие-либо коренные государственные реформы, например, отменить систему суюргалей без того, чтобы не пасть жертвой подобного мероприятия: естественно, что он был бы при такой попытке немедленно смещен с престола и заменен кем-либо из других царевичей.

Подобное положение, как известно, уже однажды имело место, когда группа хорасанских политических деятелей

посадила на гератский престол Ядгар-Мирзу; лишь благодаря находчивости и предприимчивости Алишера Навои престол был возвращен снова Хусейну-Байкаре.

Доходные статьи государственной казны переходили во владение частных лиц из аристократии. Последняя совершенно не интересовалась производственной жизнью как в селе, так и в городе. Трудящиеся массы обнищали.

Исфизари, описывая в восхищенных тонах жизнь в Герате, говорит, что здесь было так много народа, что не был замечен приход и уход целой армии в 200 000 человек. Захер-ад-дин Бабур также пишет о многолюдности города. Вместе с тем, в таком городе, как Герат, не было возможности собрать чрезвычайный налог в 50 000 динаров, и народ благодарил Алишера за уплату этого налога из личных средств. Сам Алишер жалуется, что ему тяжело проходить по улицам города, ибо его взоры постоянно встречают нуждающихся.

Таким образом, по источникам трудно судить о подлинном экономическом положении городского населения. Видимо, городское ремесленное производство процветало главным образом не для удовлетворения потребностей народной массы, а для поддержания роскошной жизни наиболее состоятельной части общества. Городское ремесленное производство росло не вглубь, а вширь.

По свидетельству современников, Герат к концу XV в. приобрел великолепный вид. В нем были сосредоточены роскошные дворцы, сады, рынки. Каждый представитель господствующей верхушки старался построить какую-нибудь мечеть, медресе, хонако и другие здания. Большая инициатива в этом принадлежала А. Навои, которому Герат в значительной мере был обязан своим великолепием. Алишер и сам усиленно занялся строительством в городе и уговаривал, вдохновлял на это других; часто на собственные средства он строил богоугодные и общественные здания и сооружения — мосты, рабаты, колодцы, каналы, медресе, лечебные заведения, бани и т. п. Культурная жизнь в государстве Султан-Хусейна почти целиком регулировалась Алишером. Сюда со всех стран съезжались ученые, литераторы, художники, каллиграфы, музыканты и, по свидетельству Бабура, каждый из них старался изобретать что-то новое и этим получить одобрение Навои.

Судьба дальнейшего культурного развития страны зависела не от деятельности Алишера Навои, а от социально-экономического и политического положения страны. Экономическая база была подорвана самим ходом политической истории: между государственным аппаратом и трудящимися массами

образовался целый пласт служилой аристократии, не заботившейся о развитии земледелия и промышленности. Ни в Хорасане, ни в Мавераннахре центральная власть не имела прочной экономической и политической базы. Так, Бабур пишет, что тарханы в Мавераннахре стали настоящими хозяевами положения. Бухарой владел Баки-тархан, который никому ничего не давал из доходов Бухарской области. В Самарканде так же действовал Мазид-тархан. Последний раздавал все земли этой области своим сыновьям и приближенным. Самаркандские правители едва могли существовать на весьма ограниченные доходы только самого города Самарканда.

В таком же положении находились по существу Султан-Хусейн и его сыновья. К приходу Шейбани-хана царевичи были только игрушками в руках неспособных к государственным делам и интригующих вокруг них аристократических групп. Насилия и произвол в селе и в городе разоряли трудящиеся массы. Государство не проявляло никаких забот об их благосостоянии. Не стало прежней воинственной феодальной городской знати, объединявшей вокруг себя вооруженное население, которое ревностно охраняло города Хорасана и Мавераннахра. И действительно, во время походов Шейбани-хана тимуриды сами заявили, что им не под силу противостоять против воинственных отрядов Шейбани-хана. Только один Бабур некоторое время вел упорную, но непосильную борьбу за сохранение державы.

Кандидат истор. наук Р. Н. НАБИЕВ

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ МАВЕРАННАХРА XV в.

(ЗАМЕТКИ О ХОДЖА-АХРАРЕ)

Тимур, создав на Востоке в результате своей 35-летней завоевательной деятельности огромную империю, превратил Самарканд в свою столицу. Однако этот город являлся лишь политическим центром государства. Грандиозные здания, сооруженные в Самарканде в эпоху Тимура силами тысяч людей, насильно согнанных сюда из завоеванных стран, должны были прежде всего служить политическим целям. В середине XIV в. полуразрушенный Мавераннахр и в особенности его столица Самарканд были благоустроены и приведены в цветущий вид за счет других покоренных государств. Это в сильнейшей степени способствовало превращению в дальнейшем Самарканда также и в культурный центр страны.

Внук Тимура—Улугбек, как сын своей эпохи и крупнейший представитель класса феодалов, был типичным феодальным правителем, но по уровню своего развития он на голову стоял выше других своих современников—членов династии тимуридов—и принадлежал к наиболее культурной части общества своего времени.

Хотя Улугбек поддерживал дружественные отношения со своим отцом Шахрухом, являвшимся номинально главой государства, тем не менее он был более прогрессивным правителем, чем Шахрух, который в управлении строго придерживался мусульманских законов. При Улугбеке в Бухаре и в особенности в Самарканде получили развитие точные науки, устраивались интересные диспуты по вопросам математики, астрономии и другим разделам науки, намечается сдвиг в области литературы, искусства и архитектуры. Были выстроены здания научных учреждений, высших учебных заведений того времени—медресе, лечебных заве-

дений, а также различных учреждений общественного назначения.

Улугбек собирал вокруг себя крупнейших ученых своего времени, как Салахиддин-муса-бинни-Махмуд-Казы-Заде-Руми из Малой Азии, Джемшид-бинни Мас-уд-бинни-Махмуд Кашани, Муиниддин Кашани и др., а также заботился о подготовке новых деятелей науки из молодежи. По свидетельству Васифи, при проведении торжества по случаю открытия самаркандского медресе 90 человек слушали лекцию известного ученого Мухаммеда Хауфи. На дверях бухарского медресе была высечена арабская надпись: „стремление к знанию есть обязанность каждого мусульманина и мусульманки“. Это краткое, но очень выразительное изречение хорошо характеризует культурно-просветительную политику Улугбека. И хотя эта идея Улугбека не получила полного осуществления, все же самый факт помещения такой надписи на дверях одного из высших учебных заведений того времени свидетельствует о том, что при Улугбеке велась пропаганда за образование и просвещение (хотя доступ к высшему образованию имели лишь представители привилегированной части общества).

Один из поэтов XV в., а именно Саккаки, в своей оде, посвященной своему покровителю Улугбеку, ставил его выше ученых Древней Греции и Востока за его любовь к искусству и ремеслам, за покровительство художественному творчеству, и говорил, что небо должно вращаться годы, чтобы найти такого мудреца-царя, как Улугбек.

„О, шах—покровитель искусства, ты увеличил (поднял) ценность искусства. Благодаря твоим милостям мои стихи ныне стали все восхвалять.“

Небо должно вращаться годы, чтобы оно приобрело тюркскоязычного поэта, подобного мне, и мудрого шаха, подобного тебе“.

Улугбек покровительствовал поэтам своей эпохи, особенно пользовались его вниманием такие поэты, как Лютфи и Саккаки, писавшие свои произведения на тюркском, т. е. староузбекском языке. В этом отношении имеется сходство между деятельностью Улугбека и великого узбекского поэта Алишера Навои. Лютфи пишет об этом следующее:

„Улугбек-хан знает совершенства Лютфи,
Красочные стихи которого не уступают (стихам) Сальмана“.

Развитие точных наук в период царствования Улугбека встретило жестокое противодействие реакции.

Ортодоксальное духовенство, долгое время борющееся с прогрессивной деятельностью Улугбека, подняло голову во всей Средней Азии, в том числе и в Хорасане, в результате чего Улугбек, крупнейший ученый своей эпохи, покровитель науки, трагически погиб от руки реакционных, невежественных фанатиков.

Одновременно с культурным развитием в эпоху Улугбека Мавераннахра отмечается определенный подъем и в Хорасане, в особенности в Герате. Источники свидетельствуют, что Герат в период царствования Шахруха был цветущим городом. Но если в медресе Самарканда и Бухары наряду с религиозными предметами изучались также и математика и астрономия, то в медресе Хорасана в период владычества Шахруха точные науки не преподавались; развивались лишь литература, живопись и каллиграфия. Один из историков того времени — Хафиз Абу, характеризуя культуру Хорасана и Герата в эпоху Шахруха, замечает: „Если у тебя спросят, какой город хорош, то отвечай—Герат. Мир—это море, Хорасан—жемчужная раковина в нем, а Герат—жемчужина той раковины“.

В 1447 г., после смерти Шахруха, между тимуридами началась междоусобная борьба за власть. Особенного напряжения достигла она в период правления Абуль-Касым Бабур. По свидетельству историков этой эпохи Абдуразака и Хондемира, Хорасан распался на 10—11 мелких уделов, правители которых совершенно не подчинялись друг другу. Мало того, между владельцами этих мелких уделов велись непрерывные кровопролитные войны. Каждый из правителей по своему произволу начал собирать в своих владениях различные налоги, которые были невероятно тяжелы для населения. Возникли эпидемии среди людей и мор среди животных, народ стал гибнуть от голода. Навои, находившийся в это время в Хорасане, подробно говорит о невозможных условиях жизни в Герате:

„(... Что) было трудно находиться на родине.
И переселение было для сердца (средством) отражения
страдания (т. е. прекращения мучений).
И волей неволей пришлось отправиться в путь,
(Ибо) человек не имеет воли (не может) избежать веления судьбы“¹.

Конечно, „...в подобной политической обстановке, которая тяжелее всего сказывается на положении трудящегося населения и, прежде всего, крестьянства, приходится счи-

¹ В небольшой моей статье, освещающей политическую ситуацию в ту эпоху (журнал „Шарк Юлдузи“, за 1946 г.) приведены сообщения как историков того времени, так и Навои по данному вопросу.

тать всякую серьезную попытку к политическому объединению страны фактом прогрессивным¹.

Восшествие на гератский престол Абу-Саида в 1457 г. и Султан-Хусейна Байкары в 70-х годах XV в. было событием, упорядочившим положение, которое царило до указанного времени, но несколько не облегчившим феодальной эксплуатации. Все налоги и сборы, взимавшиеся с трудового народа, остались в силе. Мало того, трудящееся население стало еще больше привлекаться к строительству всяких зданий и сооружений. Сам Навои по этому поводу пишет:

„Я отчаялся надеяться на то, чтобы понять состояние моей возлюбленной.

Я выбит из жизненной колеи оттого, что народ несет сотни трудительных трудовых повинностей“².

Тяжелое положение трудящихся, а как следствие этого — вспышки народных восстаний подтверждаются многочисленными фактами.

Междоусобная политическая борьба за власть, закипевшая в стране после смерти Шахруха, разлившаяся по всему государству и разрушавшая народное хозяйство, несколько утихла после прихода к власти Абу-Саида. Снова начался подъем культуры.

Гератская культура эпохи Алишера Навои корнями своими уходит в древний период и особенно тесно связана с самаркандской культурой времен Улугбека и гератской культурой периода Шахруха, Байсункара и, наконец, Абу-Саида. Хотя Абу-Саид, господствовавший в 1451—1469 гг. на обоих берегах Аму-дарьи, находился под сильным влиянием Ходжа-Убейдуллы (Ходжа-Ахрара), крупнейшего представителя реакционного ордена накшбендиев, тем не менее в период его правления культурная жизнь еще продолжала развиваться. Несмотря на то, что Ходжа-Ахрар сумел полностью подчинить себе впоследствии сыновей Абу-Саида (за исключением Султан-Махмуда) и взять их под свое влияние, он должен был все-таки несколько считаться с Абу-Саидом. Бывали даже такие случаи, что Абу-Саид в минуты гнева не отвечал ничего на слова Ходжа-Ахрара, однако, в целом он не препятствовал действиям Ходжа-Ахрара, так как последний опирался на огромный авторитет, которым он пользовался среди темных слоев народных масс, считавших его святым „чудотворцем“.

¹ Якубовский А. Ю. Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои, Сб. „Алишер Навои“, Л., 1946, стр. 8.

² Навои, Наводир-уш-шоб, рукопись АН УзССР, стр. 399.

Это подтверждается следующим характерным фактом, заимствованным из рукописи „Манокиби Хужа-Ахрор“¹. Когда Абу-Саид уехал в Хорасан, он оставил вместо себя в Самарканде некоего хакима, тоже по имени Абу-Саид. Эмиры султана Абу-Саида во главе с городским хакимом (правителем) Абу-Саидом, будучи недовольны Ходжа-Ахраром, написали об этом султану Абу-Саиду в Хорасан.

В письме сообщалось о действиях Ходжа-Ахрара, направленных против самаркандского хакима и вообще против государства султана Абу-Саида. Письмо это было написано рукой некоего Мавляна Мухаммед-Али-Хорезми, пользовавшегося исключительным доверием султана².

Получив письмо, Абу-Саид немедленно вернулся в Самарканд.

По прибытии в Аббас-чули³, он был встречен выехавшими из Самарканда эмирами, среди которых находился также и Ходжа-Ахрар, явившийся, наряду с прочими, приветствовать султана. Ходжа-Ахрар, обращаясь к Абу-Саиду, трижды повторил следующие слова: „Мирза! Доверяйте нам так же, как мы доверяем вам; все, что мы делаем, мы делаем для пользы вашего государства и для мира и спокойствия мусульман!“ Абу-Саид на это приветствие сначала ответил гробовым молчанием, однако, впоследствии вынужден был примириться с создавшимся положением, ибо Ходжа-Ахрар применял в своих действиях весьма искусную тактику. В дальнейшем Абу-Саид разъяснил городскому хакиму, что Ходжа-Ахрар уничтожил целый ряд верных ему людей, а именно: Кубата, Малик-Аслама, Мухаммед-Хазина и других за то, что они действовали против Ходжа-Ахрара и его прислужников, и добавил при этом: „Ты тоже лучше махни рукой на эти дела, а то погибнешь“⁴.

Приведенный рассказ показывает, что хотя Абу-Саид и понимал истинную причину действий Ходжа-Ахрара, но боялся ему противоречить. Позже Ходжа-Ахрар, преследуя определенные цели, просил Абу-Саида отправиться в последний западный поход, на Азербайджан, где Абу-Саид и погиб.

¹ Рукопись „Манокиби Хужа-Ахрор“ переписана в 1249 (1833—34) г. муллой Абдуль-Муминном Бухари. Автор ее неизвестен. Рукопись хранится в Институте по изучению восточных рукописей АН УзССР под инвентарным № 1883.

² Цитируемый источник так характеризует Мавляна Мухаммеда-Али Хорезми: „Он был мужем мудрым, знал коран наизусть и был благочестив, а также ему было поручено произносить проповеди в Самарканде“.

³ По многим данным, Аббас-чули — местность, расположенная южнее Самарканда, на левом берегу Даргома.

⁴ „Манокиби Хужа-Ахрор“, Л., 106—110.

Во времена Абу-Саида культура не пришла в полный упадок, но сосредоточилась главным образом в Хорасане.

Хондемир, говоря о более чем двух десятках крупнейших представителей улемы, просвещенных людей и шейхов, живших в эпоху владычества Абу-Саида, упоминает среди них также таких поэтов, как Лютфи, писавшего стихи на узбекском и персидском языках, об известных врачах, как Мавляна Кутбиддин ан-Насафи, о писцах, как Мавляна Абдулхай-Мунши. Характерно, что большинство из них жило не в Мавераннахре, где обитал Ходжа-Ахрар, а в Хорасане. После смерти Абу-Саида некто Мавляна Шамсиддин-Али-Фарси, обидевшийся на некоторых государственных чиновников, выехал из Герата и направился не в Самарканд являвшийся во времена Улугбека культурным центром страны, а в Хисари-Шадман, к одному из сыновей Абу-Саида—Султан-Махмуду, который держался независимо по отношению к Ходжа-Ахрару и при случае готов был даже противодействовать его деятельности. Этот факт свидетельствует, что в тот период некоторые люди ставили Хисар выше Самарканда.

Историк Абдуразак, известный своим ценнейшим трудом „Матлаус Са'адайн ва мажма-ул-Бахрайн“, знаменитый поэт Абдурахман-Джами и, наконец, сам великий узбекский поэт Алишер Навои также провели некоторую часть своей жизни в Хорасане, находившемся под владычеством Абу-Саида.

Навои, упоминая в своей „Хамса“ об Абу-Саиде, пишет, что он расширил пределы своего государства, что он действовал при помощи хорошо продуманных мероприятий и что у него даже было стремление стать владыкой мира, но этому помешало отсутствие популярности среди войск.

„Он был шахом, деяния которого были рассудительны,
И который, помимо своего имени, носил прозвище „Кураган“.
Он взял бесчисленное число царств и городов в этом мире,
И был в империи полным самодержцем,
Мудрость его и распорядительность
Внушили ему желание стать завоевателем вселенной.
Он приказал своим неисчислимым войскам
Итти в поход, дабы завоевать Табриз и Малую Азию
Много искусства дал ему всевышний господь,
Однако имел он один удивительный недостаток,
А именно: он заботился о своих собственных целях
И содержал свое войско, ограничивая его в снабжении.
От этой предусмотрительности сердце его было довольно и радостно
(Но) войско было шахом недовольно“¹.

¹ Алишер Навои, „Хамса“, стр. 417.

Таким образом, хотя Ходжа-Ахрар и пользовался при Абу-Саиде колоссальным влиянием и широко распространил свою реакционную деятельность, но он не смог совершенно заглушить развитие культуры, которая только что стала восстанавливаться в Хорасане после длительных междоусобных войн. Эта культура не получила еще такого развития, как это имело место в последней четверти XV в., однако она уже стояла выше культуры Мавераннарха.

Период владычества Абу-Саида в Хорасане не был периодом глубокого упадка культурной и общественной жизни; это подтверждается историками Абдуразаком и Хондемиром. Так, из описания ремесленной выставки, устроенной в связи с праздником по случаю рождения сына у Абу-Саида, видно, что ремесло и искусство в то время находились на высоком уровне¹.

Между тем, реакция в Мавераннахре все больше и больше усиливалась, и культура времен Улугбека начала постепенно замирать. Историк Саид-Рахим, уточнив даты смерти Улугбека, с сокрушением говорит, что от эпохи Улугбека ничего уже не осталось:

„Если спросят у тебя, о сердце, дату его кончины,
То скажи: „О, несведущие, не осталось уже эпохи Улугбека“².

Интересно провести параллель между ролью в истории Ходжа-Ахрара и Алишера Навои.

Еще в те времена, когда Султан-Хусейн не был у власти, когда он еще скитался по степям в поисках счастья, Алишер Навои, лучше других разбиравшийся в политических событиях, мечтал о таком правителе, который бы объединил под своей централизованной властью враждовавшие друг с другом мелкие, разрозненные владения, т.е. создал бы централизованное феодальное государство, которое полностью и раз навсегда положило бы конец внутренним конфликтам и междоусобной борьбе эмиров. Навои резко осуждал всякое самоуправство, направленное против центрального правительства, кем бы такие действия ни предпринимались, и боролся за то, чтобы подавить их в самом зародыше. Услышав, что Бадруззаман, управлявший южными областями государства, находившимися в районе важнейшей для государства Султан-Хусейна иракской границы, начал предпринимать самовольные действия без разрешения цент-

¹ Однако в целом эпоха владычества Абу-Саида и его личность еще мало изучены и сейчас назрела необходимость глубоких научных исследований в этой области.

² Тарихи Саид-Рахим“, Институт по изучению восточных рукописей АН УзССР, рукопись 850, стр. 60-а.

рального правительства, Навои немедленно написал ему такого рода письмо:

„Похоже на то, что Вы не знаете о (необходимости) уважать Мирзу (т. е. Султан-Хусейна); первое—это то, что Вы, не посоветовавшись, захватили (в свои руки) доходы (налоги) области, что является необычным делом...

Еще то, что Вы заявили: „Не посылайте человека в Астрабад: я (его) не отдам“, и притом, если бы Вы хоть помягче выразили эту мысль; (далее) Вы написали, что присоединили области Ирака (если Аллаху будет угодно, Ирак попадет к нам в руки); если это дело сделано без всякого согласования с Мирзой (Хусейном) и без разрешения его на это, то было бы не удивительно, если бы (это дело) сделал кто-нибудь другой, а что Вы его сделали, так это странно. Еще то, что привезли грамоту от Вас, в которой Вы не упомянули имя Мирзы (Хусейна); неужели такие действия являются позволительными для такого разумного и доброго мусульманского юноши, каким являетесь Вы?“¹

Характерно, что в конце этого письма Навои говорит, что он пишет не по поручению султана, а по своему собственному побуждению, и что даже если его просьба не будет осуществлена, то все же ему будет казаться, что он как бы выполнил долг своей совести.

Прогрессивные идеи Навои в отношении государства хорошо выражены в его большом письме, адресованном сыну Султан-Хусейна. Хотя оно написано правителю области, все же Навои в нем указывает, как следует управлять государством. В конце этого письма Навои подчеркивает необходимость точно придерживаться предложенной им в данном документе программы, состоящей из 28 пунктов: просматривать раз в 2—3 дня эту инструкцию, ни в коем случае ее не нарушать. Так как мы не имеем возможности привести здесь полностью это большое письмо, то ограничимся рассмотрением лишь основных вопросов, затронутых в нем.

Так, в письме подчеркивается необходимость для правителя и его чиновников вставать рано, читать утренний намаз, после выхода из гарема утром присутствовать в диване и принимать жалобы и заявления от народа; наказывать притеснителей и заниматься внутренними государственными делами после приема заявлений от народа. Далее необходимо делать ежедневный отчет о проделанной работе, абсолютно воздерживаться от спиртных напитков или же, в самом крайнем случае, воздерживаться от них до полудня,

¹ Навои, „Муншоат“, Баку, 1926, стр. 53.

посещать библиотеки в свободное время и читать там книги, посылать на самую опасную границу, а именно на границу с Ираком, людей, в высшей степени бдительных и заслуживающих доверия, и постоянно следить за информацией о тамошних делах и, вообще, заботиться о прочности государственных границ.

Навои требует, чтобы совершенно были запрещены в государстве питейные, игорные дома и притоны разврата и чтобы мухтасибы в неделю два раза проверяли базарные цены. Затрагиваются также и такие вопросы, как открытие школ в квартале, обучение в них детей населения и наблюдение за вакуфами. Навои указывает далее на необходимость вести запись того, когда исполнено каждое дело, не опаздывать с составлением и рассылкой грамот, не изменять приказов, данных свыше, и проверять своевременное их исполнение. Чиновники не должны перегружаться излишними делами и откладывать из-за этого дела государственные. Далее, Навои говорит, что нужно уважать султанские войска, расположенные в области, но вместе с тем строго карать всякое проявление их недисциплинированности; нужно дать широкую возможность вести торговлю купцам, приезжающим из окрестных мест, не применять налога „тамга“, взимать зякат в соответствии с шариатом, проверять эту область работы ежемесячно, даже еженедельно и письменно сообщать о результатах в высшие инстанции, строго наказывая лиц, взыскивающих с купцов излишние сборы¹. Навои далее указывает еще целый ряд аналогичных задач, стоящих перед представителями государственной администрации, и собственноручно намечает конкретные мероприятия для пресечения всяких нарушений законности и для предотвращения всевозможных беспорядков, самоуправства, безобразий, грабительства и т. п. явлений, чрезвычайно частых в эпоху феодализма.

Несомненно, описываемые мероприятия являются великой заслугой классика узбекской литературы Алишера Навои перед обществом. Хотя программа, намечаемая Навои, не была осуществлена, она все же явилась крупным шагом вперед в условиях феодального общества. Борьба Навои за сильное централизованное государство несомненно послужила важную службу в деле развития Хорасана второй половины XV в. и способствовала сдвигу в области искусства, литературы, каллиграфии и т. д.

Совершенно другую, реакционную роль в истории сыграл Ходжа-Ахрар.

¹ Навои, „Муншоат“, Баку, 1926, стр. 55—60.

Эпоха Улугбека в Туркестане была эпохой наибольшего расцвета средневековой культуры, особенно в области точных наук; в последующий долгий период господства феодализма в Туркестане хотя и наблюдался по временам некоторый экономический и культурный подъем, однако, он никогда уже не достигал уровня первой половины XV в.

После гибели Улугбека победу одержала наиболее реакционная часть духовенства, боровшаяся против культурного движения эпохи Улугбека. Туркестан вступил в период глубокого упадка. На исторической сцене, как отмечено выше, появляется знаменитый представитель дервишского ордена накшбендиев Ходжа Носиреддин Убейдулла (Ходжа-Ахрар). Это был человек, оказавший в период своей сорокалетней политической деятельности необычайно большое влияние на экономическое и политическое положение в Туркестане и на жизнь его народа. Он был сильнейшим политиком, коварным человеком, обладателем огромных богатств, невиданных во всей истории Средней Азии, крупнейшим феодалом, беспощадным по отношению к своим противникам; прикрываясь маской благодетеля и заступника, он неимоверно эксплуатировал бесчисленные массы трудового народа и вел ожесточенную борьбу против науки и искусства.

Ходжа-Ахрар родился и вырос в Ташкентской области; отца его звали Ходжа-Махмуд, а деда—Ходжа-Шахабуддин-Шаши. Ходжа-Ахрар родился в 806 (1403—1404) г. и умер в 895 (1490—91) г. в возрасте 89 лет.

После смерти Улугбека в 1449 г. Ходжа-Ахрар решил искать себе могущественного покровителя и, по окончании шестимесячного периода владычества сына Улугбека Абдуллатифа, переехал к Абдулле, овладевшему самаркандским тронem. Однако, не найдя поддержки у Абдуллы, взявшего курс на продолжение традиций эпохи Улугбека, Ходжа-Ахрар вернулся в Ташкент. Именно в этот период (в 1451 г.) Абу-Саид, стремившийся стать правителем Мавераннахра и просивший помощи у узбекского хана Абулхайра, нуждался также и в поддержке Ходжа-Ахрара, имевшего уже большое влияние среди определенных слоев населения. Как Ходжа-Ахрару, так и Абу-Саиду необходимо было встретиться друг с другом для взаимной поддержки и осуществления намеченных ими планов. Ходжа-Ахрар без покровительства властителя страны не мог начать свою деятельность; об этом говорит автор „Рашахоти-айнилхаят“¹.

¹ „Его святейшество ишан видел во сне, что шарнат с его помощью получит силу, и в благословенный рассудок ишана пришла мысль, что это дело невозможно будет осуществить без помощи султанов“. „Рашахот“, рукопись института по изучению восточных рукописей АН УзССР, инв. № 100, стр 282.

Когда в 1451 г. Абу-Саид с помощью указанных выше лиц одержал в районе Булунгура победу над Абдуллой и завладел престолом в Самарканде, Ходжа-Ахрар переселился в Самарканд и начал расширять сферу своего влияния. В течение небольшого промежутка времени он прибрал к рукам очень большие земельные владения от пределов Ташкентской области до берегов Аму-дарьи. В исторических источниках встречается немало указаний о размерах земельных владений Ходжа-Ахрара. В рукописи „Рашахот“ упоминается о том, что Ходжа-Ахрар владел более чем 1300 земельными участками. Участки эти имели весьма внушительные размеры: так, в цитированном источнике сообщается, что земли, орошаемые каршинским арыком, являются одним из этих 1300 участков. Некоторые из них равнялись 3000 кошам (джуфт-гав), т. е. это были участки, для обработки которых требовалось 3000 воловых упряжек.

В упомянутой выше рукописи „Манокби Хужа-Ахрор“ (кстати почти никем еще не использованной) говорится, что когда собрались все управители земельных владений Ходжа-Ахрара со всех концов страны и начали отчитываться перед своим хозяином, то выяснилось, что почти все они собрали по 30—40 тысяч батманов зерна, и никто из них во всяком случае не собрал меньше 10 000 батманов¹. Кроме того, они получали большие доходы от садов и бахчей. Если считать, что в каждом из 1300 земельных участков, упомянутых в „Рашахот“, имелся свой управитель, то получается, что каждый такой участок дал от 10 до 40 тысяч батманов зерна. В цитированном источнике есть указание на то, что землями Ходжа-Ахрара в Каршинской области управлял некто по имени Мавляна Сейфулла;² за землями, находившимися в Джизаке, смотрел особый человек³, за участком в кишлаке Шираз (кишлак Шираз был расположен к северо-востоку от Самарканда)—опять-таки свой управляющий⁴. При внимательном изучении указанного источника выясняется, что владения Ходжа-Ахрара управлялись на основании определенного порядка, рисующегося в следующем виде: все земли делились на отдельные участки, каждым участком заведывал назначенный Ходжа-Ахраром человек, облеченный полным

¹ „Многие из управителей приехали из областей, и каждый стал отчитываться перед Его Святейшеством о количестве урожая. И спросил (ишан): „Сколько каждый из вас собрал зерна?“ Некоторые сказали: „40 000 манов“, некоторые: „30 000 манов“, и ни один не сказал меньше 10 000 манов, и дали они полное перечисление сумм, полученных от садов и бахчей“. „Манокби Хужа-Ахрор“, лист 140-а.

² То же, лист 120-а.

³ То же, лист 119-б.

⁴ То же, лист 123-а.

доверием хозяина и имевший право применять меры воздействия для подавления острых вспышек недовольства среди народа, в особенности дехканства; человек этот представлял отчеты о полученных доходах; в случае, если он не мог вести дело как следует, его смещали с должности.

Эти управляющие были настоящими палачами и грабителями, обиравшими дехкан. В подтверждение приведем следующий рассказ указанного источника: „Джизакским хакимом Султана-Ахмада Мирзы был назначен некий Ходжа-Али, а управление землями, принадлежавшими его святейшеству (Ходжа-Ахрару) и находившимися в Джизакском тумане, было поручено другому человеку. Этот человек был правдивым и честным (работником), но он был лишен способности управлять дехканами, применяя насилие. Его святейшество ишан (Ходжа-Ахрар) убрал этого человека с работы и назначил на его место другого по имени Худайдод-Калмык. У меня появилась в душе мысль о том, какое значение имеет то, что правдивого и честного человека увольняют, а на его место назначают вора-калмыка. Я спросил о причине этого у его святейшества Ходжи, когда он приехал, и он ответил: „Лучше вор, приносящий прибыль, нежели правдивый и честный человек, не дающий прибыли, ибо он (т. е. вор) получает и для себя и для меня“¹.

Таким образом, Ходжа-Ахрар назначал таких работников, которые, присваивая себе известную часть доходов, собирали бы (путем грабежа дехканства) большую долю урожая для Ходжа-Ахрара. Ему не было никакого дела до того, что они были ворами и мошенниками. Те же управляющие, которые были честнее и более или менее „сдержанно“ эксплуатировали дехкан, не отвечали требованиям Ходжа-Ахрара, немедленно изгонялись.

Надо при этом учитывать, что составители цитированных трудов считали, что Ходжа-Ахрару дано богом такое огромное имущество и богатство за его твердое и ревностное служение богу, поэтому, желая призвать каждого мусульманина к такому же повиновению воле божьей, а трудовой народ — к поклонению такому „чистому“ (т. е. святому) человеку, как Ходжа-Ахрар, они могли несколько преувеличить его богатства. Однако все же из приводимых рассказов ясно видно, что Ходжа-Ахрар обладал действительно огромными богатствами. Составитель „Рашахот“ так описывает его владения: „Да не останется скрытым, что у Хозрата Ишана было чрезвычайно много великого добра и товаров, орошаемой земли, баранов и стад, орудий, утвари

¹ „Манокйби Хужа-Ахрор“, лист 119-б.

и недвижимого имущества. Они не поддавались никакому учету“¹.

Понятно, что обладатель таких земельных площадей в стране поливного земледелия держал в своих руках также и воду, необходимую для ведения сельского хозяйства, и в первую очередь направлял ее на свои поля. В „Манокйби Хужа-Ахрор“ говорится что наряду с землей для возделывания посевов, Ходжа-Ахрар сдавал в аренду также и воду².

О колоссальных земельных владениях Ходжа-Ахрара упоминается также во многих народных сказаниях, передававшихся из уст в уста в течение более четырех с половиной веков, вплоть до нашего времени, а в особенности в анекдотах и рассказах, являвшихся выражением протеста против богачей, феодалов, эмиров и ханов. Мы считаем уместным привести здесь следующий рассказ.

Машраб, выехал верхом на осле из Ферганы и направляясь в Бухару, спрашивал по дороге у людей, кому принадлежат встречающиеся ему засеянные поля и пасуший скот. Услышав от местных жителей на всем протяжении пути, что все принадлежит Ходжа-Ахрару, он сошел с осла, пнул его ногой и воскликнул: „Ничего нет такого, что бы не попало в руки Ходже, как же ты можешь оставаться? Иди, принадлежи и ты Ходжа-Ахрару!“ и прогнал осла.

В основе этого рассказа, несомненно, лежат глубоко реальные исторические факты.

Помимо земельных участков, Ходжа-Ахрар владел также мастерскими в городах, где он эксплуатировал трудящихся города — ремесленников, поставив во главе каждой мастерской своего человека. В „Манокйби Хужа-Ахрор“ имеются сведения о том, что у Ходжа-Ахрара был мастер по выделке бумаги некто Имамиддин, которому были подчинены все ремесленные мастерские, вырабатывавшие бумагу, и что в качестве компаньона упомянутого Имамиддина был назначен некто Мулла Мухаммед³.

Вместе с тем Ходжа-Ахрар прибрал к рукам также внутреннюю и внешнюю торговлю. У него работали подчиненные ему купцы, которые поддерживали торговые сношения с Восточным Туркестаном, Хорасаном и Малой Азией. Сот-

¹ „Рашахот“. рукопись Ин-та по изучению восточных рукописей АН УзССР, инв. № 100, лист 223-б.

² „Одному земельному участку, который принадлежит ишану, дали землю и воду, чтобы занимались (люди) сельским хозяйством“, „Манокйби Хужа-Ахрор“, лист 144-б.

³ „Упомянуто, что у того Хазрата был один мастер по бумаге по имени Имамиддин, от коего зависели все мастера бумажники, и сделали ему компаньоном (человека) по имени Мулла-Мухаммед“, „Манокйби Хужа-Ахрор“ лист 139-а.

ни людей, находящихся на службе у Ходжа-Ахрара; ходили с караванами в зарубежные страны.

В письмах Ходжа-Ахрара к Навои говорится, что на левобережье Аму-дарьи посылаются купцы, т. е. люди Ходжа-Ахрара с различными товарами, и спрашивается помощь для того, чтобы их торговые операции имели успех. Хотя из этих документов не совсем ясно, каковы были товары купцов, однако наименования кое-каких предметов там упоминаются. В частности, в одном из писем, лично написанных Ходжа-Ахраром Навои, говорится, что он переправляет на ту сторону Аму-дарьи некоторое количество баранов и лошадей: „... Эта область стала беспокойной. У вашего ничтожного слуги было некоторое количество баранов и лошадей; я их сдал людям, которые повезли Вам данное письмо, дабы они продали их на той стороне Аму-дарьи (в Хорасан. Р. Н.). Просьба к слугам Вашего высочества такова, чтобы они взяли под свое покровительство поехавших людей и оказали им милость, дабы эта группа людей не терпела трудностей на том берегу и дабы скот, находящийся в их руках, был продан, и они быстро вернулись бы обратно. (Ничтожный раб Убейдулла)“¹.

Согласно второму письму, на юг через реку было отправлено несколько харваров бумаги, кунджута, риса, хлопка и других товаров². Из писем видно также, что в зарубежных странах покупались разные товары. Так, в одном письме упоминается, что Ходжа-Ахрар послал в Малую Азию одного купца по имени Хаджа-Мустафа-Руми, который доставил оттуда следующее: „Он отослал вместе с Ходжой Мустафа денежную сумму в 13000 ашрафи, много товаров и тканей и несколько румийцев (т. е. турок-османов), которые пользовались его доверием. Ишан принял эти приношения, израсходовал их на строительство моста Карши и т. п. богоугодных сооружений“³.

Ходжа-Ахрар ставил вопрос о полной отмене взимания „тамги“ (пошлины), мешавшей ему вести свои внешнеторговые операции. Хотя уничтожение этой доходной статьи было невыгодно с точки зрения государственных интере-

¹ Письма самого Ходжа-Ахрара, Абдурахмана Джами, детей и близких Ходжа-Ахрара, а также их современников, адресованные Алишеру Навои, собраны, по видимому, по инициативе Навои в сборник и названы „Мажму'и мурасалот“, „Марук'от“ или „Альбом Навои“. Сборник этот хранится в Институте по изучению восточных рукописей АН УзССР. Подлинник трудно поддается чтению, и поэтому мы использовали экземпляр этого сборника, переписанный рукой Ибадуллы Адылова в 1940—1941 гг.

² Навои, „Мурасалот“, стр. 252—253.

³ „Манокби Хужа-Ахрор“, лист 103-а.

сов и наносило большой ущерб казне, Абу-Санд и сын его Султан-Ахмед совершенно отменили в Мавераннахре тамгу, которая была увеличена еще Улугбеком, и возместили этот ущерб за счет увеличения других источников доходов. Все попытки государственных деятелей восстановить тамгу в Мавераннахре не привели ни к чему вследствие сильного противодействия Ходжа-Ахрара и его ставленников; мало того, Ходжа-Ахрар возбудил ходатайства перед Абу-Сандом об отмене сбора тамги в Хорасане и Иране, а перед турецким султаном—об отмене этой пошлины в Малой Азии.

Остается выяснить, каким же образом Ходжа-Ахрар приобрел описанное богатство—земли, воду и ремесленные производства в городах? На этот вопрос историк-исследователь прямого ответа нигде не находит. Но внимательное изучение налоговой системы и положения эксплуатируемых народных масс того времени (о чем имеются лишь отрывочные сведения) позволяет сделать некоторые выводы.

Прежде всего надо отметить, что даже основные виды налогов, в том числе и харадж, с тех земель, которые находились во владении Ходжа-Ахрара, в государственную казну не поступали. По всей вероятности Ходжа-Ахрар уплачивал только ушри, т. е. $\frac{1}{10}$ часть урожая. Это подтверждается и сведениями „Рашахоты“ о том, что Ходжа-Ахрар внес в казну Султана-Ахмеда 80000 батманов зерна в счет ушри с самаркандского округа.

А. А. Молчанов в своей статье „К характеристике налоговой системы в Герате в эпоху Алишера Навои“ говорит: „землями мульки-ушри называлось земельное имущество неограниченного распоряжения и полного наследственного владения, принадлежавшего потомкам первых арабских завоевателей... эти земли облагались наименее обременительной податью в размере $\frac{1}{10}$ части продукции с полей, древесных насаждений и скота“.

Земли Ходжа-Ахрара не облагались основным тяжелым налогом—хараджем (малом). Мы имеем об этом прямое указание в рукописи.

Так, например, когда разгорелся конфликт за Шахрухию между Омар-шейхом и Султан-Ахмедом, эмиры Султан-Ахмеда, недовольные Ходжа-Ахраром, говорили следующее: „После завоевания Ташкента, Сайрама и Андукана (Андижана) мы сделаем обмер земельных участков его святейшества и, выяснив их площади, обложим налогом (малом). Вся государственная казна сразу наполнится“¹. В дру-

¹ „Манокби Хужа-Ахрор“, лист 103—104.

гом месте этой же рукописи описывается, как после смерти Ходжа-Ахрара были обмерены и обложены налогом его владения в Бухарской области:

„У его святейшества ишана были земельные владения в Бухарской области, их обмерили и обложили налогом (малым)¹“.

Отсюда совершенно ясно, что Ходжа-Ахрар не платил в казну никаких налогов, кроме ушри. Однако время от времени он в порядке оказания помощи государству вносил в казну известное количество натуральных и денежных ценностей в качестве добровольных приношений, что делалось, с одной стороны, вследствие обострения противоречий между ними и нуждавшимися в средствах феодальными государствами, а с другой стороны, вследствие усиления недовольства среди масс трудового населения, особенно дехканства, на которых ложилась вся тяжесть налогов.

В рукописи „Манокйби Хужа-Ахрор“ говорится еще о том, что когда Мирза Омар-шейх наложил на жителей Ташкента налог, то Ходжа-Ахрар внес за народ всю годовую сумму указанного налога, что составило 250000 динаров, а через некоторое время он дал еще 70 000 динаров². Разумеется, этот красивый жест был сделан с целью подчеркнуть заботу Ходжа-Ахрара о народе, чего на самом деле не было.

Ходжа-Ахрар был вынужден применить этот искусный тактический прием только после того, как стало совершенно ясно, что лишенное земли и обнищавшее дехканство и городское население, жившее в исключительно тяжелых условиях, не смогут уплатить такой тяжелый налог и поднимутся как против Омар-шейха, так и против самого Ходжа-Ахрара.

Как рассказывается в рукописи, однажды Султан-Ахмед, сидевший совершенно без денег, решил обложить народ дополнительным налогом. И вот тогда то Ходжа-Ахрар, владевший основными источниками государственных доходов и не плативший налогов, был вынужден дать десять тысяч серебряных тенег. Все эти факты свидетельствуют о том, что Ходжа-Ахрар помогал правителям лишь в том случае, когда его вынуждало к этому создавшееся критическое положение. Этим способом он хотел как бы заслужить благодарность и любовь народа. Совершенно понятно, что если с земель, скота и прочего имущества Ходжа-Ахрара, который сумел экономически укрепить прежде всего благодаря по-

¹ Там же, лист 105.

² Там же, лист 111-а.

мощи феодального правителя, не взималось никаких налогов в пользу феодального государства, кроме ушри, то все разнообразные и тяжелые налоги, которые в то время взимались с сельского хозяйства и должны были быть взысканы с имущества Ходжа-Ахрара, перекладывались на обнищавшие массы населения, прежде всего на дехканство. Дехкане же в такой тяжелой обстановке были вынуждены отказываться от своей земли и, сдав ее „добровольно“ Ходжа-Ахрару, переходили под его „покровительство“.

Ходжа-Ахрар проводил свои политические мероприятия, исходя из определенного убеждения, что широкие массы народа должны быть закованы в рабские цепи. Он старался широко распространить эту „истину“ и для этого мобилизовал сотни людей, заставляя их в течение 30—40 лет проповедывать ее.

Хотя Ходжа-Ахрар считался представителем дервишизма, однако, нарративные источники убеждают нас в том, что между кликой Ходжа-Ахрара и настоящим дервишизмом не было ничего общего. Если первые подвижники дервишизма провозгласили отречение от мира и от материальных благ, то в эпоху Ходжа-Ахрара мы наблюдаем совершенно противоположное положение. Однако эту широчайшую и глубочайшую проблему нельзя осветить в рамках небольшой статьи; для этого требуются специальные длительные и глубокие исследования.

Как произведения, специально посвященные Ходжа-Ахрару, так и исторические источники, написанные в ту эпоху, говорят о нем в благожелательных тонах, приписывают волшебную силу его „чудотворной“ способности и восхваляют его беззаветную преданность исламу. Они пишут, что Аллах сделал его обладателем огромного имущества в награду за щедрость и благодеяния, за его „любовь к народу“ и т. п. Однако, повествуя о „высоких“ его качествах, они приводят отдельные факты и примеры, среди которых историк без особого труда может выделить факты, свидетельствующие о тяжелом положении масс трудового народа в те времена и об отношении к нему Ходжа-Ахрара.

Так, например, в „Манокйби Хужа-Ахрор“ описывается, как к Ходжа-Ахрару, находившемуся в саду в местности Талли-кулогон¹, явился какой-то человек. В этом саду находился высокий холм, на который была проведена по желобам вода, орошавшая сад. Тогда явившийся в сад человек подумал про себя: „Ведь есть много земли, которую можно

¹ Талли-кулогон, по словам автора „Рашахот“, находился в двух фарсах от Самарканда.

оросить без особых затруднений! К чему такой излишний труд?" Ходжа-Ахрар, якобы, сразу проник в его мысли и ответил: "Я видел во сне пророка у подножья этого холма и внес его на верх, а потому велел потом провести туда воду"¹.

По другому рассказу этой же рукописи, один из приверженцев Ходжа-Ахрара по имени Пехлеван Хинду пришел к Ходжа-Ахрару, когда у того строилось одно из зданий, и, увидев, что люди втаскивают на крышу здания землю, тоже начал носить землю в огромном мешке, который он набивал доверху; за его силу его и прозвали "пехлеваном" (силачем). Однако, проделав такую трудную работу, Пехлеван не стал есть скверную пищу, выдававшуюся Ходжа-Ахраром. "У меня было такое настроение, что я не мог есть ни еды, ни хлеба ишана. Так, если варили "убру" (лапшу), она кипела (в котле), издавая звуки вроде лягушки. Если варили мелкую рыбу, она извивалась как змея. Если приносили лепешку, она казалась мне похожей на коровий кизяк"².

Хотя в результате жалобы Пехлевана Хинду качество пищи впоследствии улучшилось, все же образное описание пищи, которую получали трудящиеся, работавшие у Ходжа-Ахрара, за свой тяжелый труд, является весьма ценным для нас свидетельством.

Люди, которые хотя бы в малейшей степени выказывали непочтение Ходжа-Ахрару, встречали с его стороны сильнейшую ненависть, подвергались оскорблениям, издевательствам и насмешкам. Так, упомянутый выше Пехлеван Хинду оказался одним из беспокойных людей, работавших у Ходжа-Ахрара. Он, например, жаловался, что от систематического шума и гвалта зикров "в ушах у него все время гудит". Когда Ходжа-Ахрар узнал об этих жалобах, он заставил Пехлевана Хинду слушать ослиный рев, для чего Пехлевана привязали к осламу. Возмущенный Пехлеван Хинду решает убить ишана. С этой целью он ходит по ночам, держа меч в руках, и нисколько не скрывая своих намерений, говорит: "Я убью его святейшество ишана. Почему он не дает мне моего имущества? Я знаю, отчего ишан возвеличился и стал обладателем таланта и силы. Ибо он отнимал у людей имущество и сделал себя большим человеком"³.

Наконец, приведем еще один факт. Однажды, когда Ходжа-Ахрар ехал в свое владение в районе Самаркандского

Согда, какой-то каландар (отшельник) преградил ему путь и сказал: "Эй, богач! сколько ты будешь копить добро?" Ишан проехал, ничего не ответив, а на завтрашний день бедняк-каландар кем-то был убит.¹

Выступления Пехлевана Хинду и каландра — не единичные случаи. Это лишь отдельные факты, встречающиеся среди рассказов, восхваляющих достоинства Ходжа-Ахрара. И все же эти две фигуры предстают перед нами как примеры, характеризующие положение тех, кто работал у Ходжа-Ахрара.

Тяжесть положения народных масс в Мавераннахре прекрасно раскрывает одно из писем Ходжа-Ахрара, адресованное Навон. Вот что он пишет: "Это правда, что я очень беспокоился, чтобы не потянуло в ту сторону здешних людей. У них было это намерение, но ничего не вышло, ибо людей этих очень много. Их участки не обеспечивают всего необходимого для них. Из-за этого они находятся в крайнем затруднении. Так или иначе они потратили труд, поэтому они беспокоятся. Предполагается возникновение беспорядков между ними. В виду сего над нами возникла угроза. Вследствие явившейся необходимости прошу принять всесторонне во внимание положение сего ничтожного и провести по этому поводу нужные мероприятия... Сын этого ничтожного еще малолетний. В виду большой милости и внимания к нему я боюсь, что обстоятельства, которые являются причиной его и моей тревоги, могут проявиться внезапно. Просьба такова, чтобы он каким-нибудь образом приехал сюда. Дабы расстроенный народ не учинил того, что создало бы для меня и для него тяжелое положение. Ваш ничтожный раб Убейдулла"².

Из письма видно, что у людей нехватало ресурсов для поддержания своего существования, что народ в результате этого терпел большие лишения, возникла смута и наблюдалось вследствие всего этого стремление переселиться на ту сторону реки, т. е. в Хорасан. Ходжа-Ахрар, боясь такого положения, отзывает своего малолетнего сына из Хорасана. Он опасается, что в противном случае (т. е. если сын его не вернется) положение их обоих ухудшится. Пожелание мира и спокойствия среди мусульман объясняется именно наличием указанной опасности. В одном из упоминавшихся уже писем Ходжа-Ахрар пишет: "Страна эта стала беспокойной" и далее сообщает, что по этой причине он послал свой скот в Хорасан, чтобы там его продать. Из его слов о том,

¹ „Манокйби Хужа-Ахрор“, лист 135—136.

² „Манокйби Хужа-Ахрор“, лист 112-б.

³ „Манокйби Хужа-Ахрор“, лист 113-б.

¹ „Манокйби Хужа-Ахрор“, лист 127 а.

² Навон, „Мурасалот“, стр. 51—52.

что он приложил много стараний к тому, чтобы местные люди не стремились ехать в ту сторону, видно, что он не соглашался с тем, чтобы дехкане, страдавшие от безземелья, бежали из страны, старался предупредить возможность таких случаев и, по всей вероятности, границы владений Ходжа-Ахрара были закрыты.

Еще более беспокоит Ходжа-Ахрара вопрос о рабах. Он стремится любыми средствами вернуть обратно своих рабов, убежавших в другие области. Так, например, в одном из писем к Навои он пишет: „В прошлые времена...¹ они перешли и увели с собой пять голов рабов и рабынь, принадлежавших Вашему ничтожному слуге. Увели они баранов и лошадей. Было бы хорошо, если бы по милости Ваших услуг те вещи попали в руки подателя сего письма. Уверен в том, что благодаря любезности вашего благословенного разума, вещи эти будут возвращены своему владельцу. Ваш ничтожный раб Убейдулла“.²

Ходжа-Ахрар устанавливает прочную границу между Хорасаном и Мавераннахром. Он пишет Навои: „До этого события до сознания наших слуг дошло, что Мавераннахр принадлежит этим, а та сторона (Хорасан. Р. Н.) принадлежит слугам Вашей святости“: Далее он просит у Навои содействовать тому, чтобы люди, которые в результате тяжелых условий жизни переселились на южный берег Аму-дарьи, вернулись бы обратно в Мавераннахр.

Ходжа-Ахрар с целью укрепления своей гегемонии в областях, расположенных к северу от Аму-дарьи, старался не выпускать из-под своего влияния правителей, находившихся у власти.

После смерти Абу-Саида, когда Мавераннахр и Фергана были поделены между его детьми и когда каждый из наследников стал самостоятельно править в своей области, все мелкие феодальные правители превратились лишь в марионеток в руках Ходжа-Ахрара.

Для укрепления его политических позиций было очень выгодно раздробление государства на уделы, ибо легче было удержать под своим влиянием нескольких правителей небольших областей, чем одного сильного султана. Поэтому Ходжа-Ахрар, в противоположность Алишеру Навои, вовсе не стремился осуществить такого важного мероприятия, как объединение всех мелких правителей страны под властью одного центра и ликвидировать бесконечные междоусобные войны, разорявшие народное хозяйство.

Вот почему Ходжа-Ахрар желал, чтобы дети Абу-Саида, непрерывно враждовавшие друг с другом после 70-х годов XV в., управляли своими областями на равных правах. Если один из них выказывал недовольство своим положением, то Ходжа-Ахрар добавлял к его уделу кусок территории другого правителя, а в случае возникновения войны, иногда выступал в роли примирителя. Один из рассказов, приведенных в „Рашахот“, свидетельствует о том, насколько часты бывали междоусобные войны, непрерывно вспыхивавшие между детьми Абу-Саида, и как Ходжа-Ахрар, заботясь прежде всего о своих собственных интересах и выступая на сцене в личине миротворца, не только сохранял свое имущество, но даже приумножал его за счет подарков, которые получал от примиряемых.

Следующий рассказ повествует о распри между сыновьями Абу-Саида в Шахрухин: „Когда его святейшество ишан усадил этих трех падишахов в одном шатре, один из сподвижников ишана на мгновение погрузился в свои думы, и глазам его предстало следующее зрелище: на обширном пустыре три опьяневших от ярости верблюда кидаются друг на друга, широко разевая пасть и злоумышляя друг против друга, стараются зубами вырвать клочок мяса у противника. Его святейшество ишан, находящийся на этом пустыре, хватая руками поводья этих трех разъяренных верблюдов и не допуская, чтобы они дрались друг с другом“¹.

Еще яснее видно, какое подчиненное положение занимали сыновья Абу-Саида по отношению к Ходжа-Ахрару из рассказа, приведенного в „Рашахот“, повествующего о старшем сыне Абу-Саида—Султан-Ахмеде, сидевшем на самаркандском престоле. Приводим этот рассказ.

„Однажды в кишлаке Мотирид² стало известно, что Мирза Султан-Ахмед приближался издали, передвигаясь на коленях к его святейшеству ишану. Его святейшество же, высвободив одно благословенное колено (т. е. усевшись удобнее), говорил с ним, оказывая ему свою милость. От ужаса и смутения, которые он (т. е. Султан-Ахмед) испытывал при беседе с его святейством ишаном, лопатки его дрожали и капли пота капали с его лба“³.

В ту эпоху, когда страна была раздроблена на мелкие феодальные государства, обладавшие крайне слабой экономической базой и непрерывно стремившиеся захватить друг

¹ „Рашахот“, лист 291-а.

² Мотирид—кишлак в окрестностях Самарканда, расположенный к северу от развалин Афраснаба.

³ „Рашахот“, лист 288—289.

¹ Навои, „Марасалот“, стр. 23.

² „Рашахот“, лист 282.

у друга тот или иной клочок территории, не могло быть и речи о подъеме или развитии культуры.

Колоссальные богатства Ходжа-Ахрара, его могущество и влияние на правителей, вся его деятельность наносили удар другим более мелким феодальным хозяйствам и вызывали все нараставшее недовольство. Противники Ходжа-Ахрара пытались восстановить в прежнем виде кое-какие свои права, отмененные по инициативе Ходжа-Ахрара отдельными правителями. Были даже попытки убить Ходжа-Ахрара. Раньше всех подняли против него голову образованные и передовые люди той эпохи. Например, в „Манокиби Хужа-Ахрор“ рассказывается такой случай: „Жил некий человек по имени Абдуразак. Он очень прославился своим постоянным нежеланием идти по пути ишана, плохими качествами и смелостью. Ходжа-Мавляна пообещал ему много золота и сказал: Если ты убьешь его святейшество Ходжу (Ахрара), то я тебе отдам это золото. Он согласился и энергично приступил к этому делу“¹.

Выступления представителей официального духовенства, направленные против Ходжа-Ахрара, были также довольно часты. Иногда такие действия из тайных делались явными и получали значительный размах. В частности, приведем следующий факт из уже цитированного нами источника: „Один из агентов Ходжи, Мавляна Нигмат, был проповедником. он злословил в отношении его святейшества ишана и писал стихами и прозой недостойные вещи о его святейшестве“².

Выше мы, опираясь на факты, показали, что большая часть лиц, недовольных деятельностью Ходжа-Ахрара, принадлежала к представителям государственной администрации. Однако и среди трудящихся масс все время существовало в потенциальной форме самое серьезное недовольство, отдельными проявлениями которого были описанные выше случаи с Пехлеваном Хинду и каландаром. Но Ходжа-Ахрар старался подавлять проявления такого недовольства и принимать против него меры, пользуясь поддержкой отсталых слоев населения, отравленных его учением. Меры, практиковавшиеся Ходжа-Ахраром, сводились к беспощадному террору. Источники говорят о множестве случаев, когда люди, выражавшие свое недовольство Ходжа-Ахраром, безотносительно к тому, из какой части общества они происходили, погибали уже на следующий день после своих выступлений.

¹ „Манокиби Хужа-Ахрор“, лист 131-б.

² Там же, лист 131.

Для этой цели Ходжа-Ахрар имел специальных людей, которые были его глазами и ушами и следили за подобными происшествiями. Как только где-либо проявлялось малейшее недовольство, немедленно уничтожались десятки и сотни неугодных Ходжа-Ахрару людей. Такого рода примеров очень много.

Борьба Ходжа-Ахрара за развитие и чистоту суннитской секты ислама была чем-то вроде идеологической формы его политической борьбы против неверных шиитов и их обычаев.

Любое серьезное дело, которое нужно было совершить, он делал под флагом этой борьбы и наносил сильный удар всему, что с несомненностью должно было подняться против данного дела и что было в некоторой степени полезно для общества. Имеется ряд писем Ходжа-Ахрара, призывавших к жестокой борьбе с людьми неверными и с еретиками. Этому вопросу целиком посвящены также отдельные письма, адресованные Навои. Так, например, в одном из своих писем Ходжа-Ахрар ставит этот вопрос довольно резко и выражает свои мысли следующим образом: „Несогласие с шариадом—дело неугодное богу. Если в настоящее время не будут уничтожены во всех областях зло и порок, нельзя будет добиться (осуществления) шариада. Грех быть потомками великих семейств и допускать нечестивое противодействие и смуты неверных.“

(С приветом Ваш ничтожный раб Убейдулла“)¹.

Из содержания этого письма явствует, что якобы в той стране, куда направлено данное письмо (т. е. в Хорасане), сунниты творят дела, противные шариаду, и это допускают потомки великой семьи, т. е. династия Тимура. В Мавераннахре же представители других толков, считающихся чуждыми правоверному исламу, целиком и полностью ликвидированы по инициативе Ходжа-Ахрара еще в период правления Абу-Саида. В одном из писем Ходжа-Ахрара встречаются следующие утверждения: „Покойный мученик веры его величество Султан-Саид уничтожил некоторые зловерные обычаи еретиков в Мавераннахре. Мы просим ваше величество, дабы благородное рвение ваше было направлено на то, чтобы в той области (т. е. в Хорасане) также были уничтожены зловерные обычаи еретиков“². Утверждение о том, что Султан Абу-Саид уничтожил в стране, повидимому, обычаи шиитского толка, несомненно означает, что до Абу-Саида, т. е. во времена Улугбека, они позволя-

¹ Навои, „Мурасалот“, стр. 244—245.

² Там же, стр. 46.

лись. После очищения Абу-Саидом от ереси Мавераннахра, где жил Ходжа-Ахрар и где все находилось под его влиянием, деятельность Ходжа-Ахрара в этой области начинает выходить за пределы Мавераннахра. Однако трудно сказать, оказали ли какое-либо влияние на Хорасан письма Ходжа-Ахрара.

Ходжа-Ахрар вел решительную борьбу против развития культуры и науки в эпоху феодализма и против ее представителей. В этом отношении очень интересен следующий рассказ „Рашахота“: „Некоторые из святых сподвижников (Ходжа-Ахрара) рассказывали, что однажды его святейшество ишан сидел в Ташкенте, понурив голову и задумавшись, а все близкие к нему люди и приверженцы ишана, бывшие на том собрании, тоже погрузились в мысли. Внезапно его святейшество ишан поднял голову (как бы очнувшись от забытья) и сказал: „Сейчас выяснилось такое обстоятельство, что большая сука, у которой соски вымени наполнились молоком, и вместе с нею девять щенят вошли сюда на наше собрание“. Его святейшество ишан еще продолжал говорить, как вдали появились десять человек. Это пришел Мавляна Али-кушчи со своими девятью учениками, дабы увидеться с его святейшеством ишаном. Затем они сели и присоединились к собранию. Его святейшество ишан под предлогом того, что надо принести еду, быстро поднялся с места, вошел во внутреннюю половину дома и выслал для них еду. Когда же они ушли, его святейшество ишан снова вышел во внешнюю половину дома“¹.

Подобное поведение Ходжа-Ахрара объясняется тем, что Мавляна Али-кушчи был знаменитым ученым своего времени, одним из наиболее талантливых учеников прославленных Казы-заде-Руми, Гияс-эддина Джемшида, Муиндинна и Улугбека и работал вместе с ними в области астрономии. Это был крупный передовой ученый той эпохи, проводивший много времени за систематическими наблюдениями в обсерватории Улугбека.

Ходжа-Ахрар питал жестокую ненависть к Мавляна Али-кушчи, скитавшемуся везде со своими юными учениками после гибели великого покровителя науки и искусства — Улугбека; то, что он назвал гостя „сукой, у которой соски вымени наполнились молоком“, а учеников его „щенятами“, — раскрывает настоящее реакционное лицо Ходжа-Ахрара. Он свирепо боролся с наукой, литературой и искусством и с их представителями.

¹ „Рашахат“, стр. 271, рукопись Турды Миргиязова.

Хотя мы частично и показали, что в эпоху Ходжа-Ахрара Туркестан находился в тяжелом политическом положении, однако мы не имеем возможности глубже осветить экономическое состояние страны, ибо эта обширная проблема требует проведения особого исследования. Но вкратце можно отметить, что экономическое положение Туркестана было очень тяжелым, особенно оно ухудшилось накануне завоевания страны шейбанидами. Достаточно указать на то, что доходы от такой богатой области, как Фергана, в лучшие годы едва были достаточны для содержания всего лишь трех-четырёх тысяч солдат. В источниках ничего не упоминается о металлическом производстве, о добывании каменного угля, хотя эти виды промышленности давали продукцию ещё в период домонгольского нашествия¹. Сильнейший упадок чувствуется и в экономике города и в городской жизни вообще.

Бабур, например, говорит о Ходженте, что это место настолько мало, что в нем с трудом прокармливаются такие правители, как он. В другом месте он указывает, что Ходжент не может прокормить ста или двухсот человек.

В заключение можно сказать, что в Хорасане во второй половине XV в., особенно же в его последней четверти продолжала развиваться средневековая культура, искусство, литература и архитектура с участием лучших представителей среднеазиатских и иранских народностей, среди которых исключительное место принадлежит величайшему мыслителю своего времени Алишеру Навои.

В разгроме культурных традиций эпохи Улугбека, в ослаблении Туркестана в политико-экономическом отношении и в закабалении народных масс Средней Азии оковами шарриата такая роль принадлежит злему гению Ходжа-Ахрару.

¹ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 98.

Член-корр. АН УзССР, доктор филос. наук В. Ю. ЗАХИДОВ

НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НАВОИ

Алишер Навои, характеризуя современное ему общество, писал:

«Это не страна, а обитель дикости,
Исчез рай и вместо него стал ад...
Эта страна — крепость безумия и темница мучений.
Дома снизу доверху все в развалинах..
Царь разрушил кровлю дома народа
С такой ловкостью, словно это курятник,
А вместо кур посадил туда сову.
В его стране нет признаков человечности,
Кроме зла, ничего не видно...
Это — не страна, здесь дьяволы и дивы.
У всех в обычае хитрость и несправедливость...
За грош они готовы убить, — это их ремесло,
Даже саван вымогают у мертвеца...
Они хотят получить червонное золото из черного камня,
За одну крупинку хашиша хотят получить весь небесный свод.
Честного человека они считают за вора,
И они жмут ему руку, чтобы отрубить ее...
Если больного постигнут муки смерти,
Окажет ли ему кто-нибудь сострадание, подав глоток воды?
На самом деле убирают даже ту воду, что стоит около него.»

Такова была эпоха Навои, такая мораль господствовала тогда, до такой степени было растоптано все лучшее, так попирались человеческие права и достоинство людей из народа.

Из чего же исходил Навои при подходе к общественно-политическим проблемам и что явилось в этом отправным пунктом для него?

Человек из народа, „дело защиты его интересов, дело отстаивания его достоинства и прав на все лучшее“ — это краеугольный камень, центральный вопрос всего творчества Навои. Исходя из него и подчиняя ему все остальное, он стремился решать все другие вопросы.

В условиях реакционного религиозно-мистического представления о бесправии человека из народа, когда господствовали взгляды Имама Газзали и Джалялетдина Руми, из которых первый цинично сравнивал человека со свиньей, а второй утверждал, что все телесное, в том числе и человек, презренно, что человек есть жалкая, не имеющая никакой ценности тень абстрактного бога, Навои выдвинул тезисы о том, что природа полна прелестей, драгоценностей, причем самое первое и почетное место принадлежит в ней человеку, заслуживающему самого высокого почета и уважения, самой глубокой и беспредельной любви. „Все небо и все, что на небе, — говорит Навои, — вся земля и все, что на земле, все моря и все, что есть в них, все страны и все, что есть в них“, — все лучшее создано для человека, для его блага; назначение всего — служить человеку¹.

Навои писал:

«Как бы все, что есть во вселенной, ни состояло из элементов.
Ценны они, очень драгоценны они...
Каким бы ни сотворил ты (бог — В. З.) их изящными, ценными,
Но все же сделал ты человека благороднее, ценнее всех»².

В своей оценке человека, которого паразитические социальные группы и их идеологи приравнивали к праху, Навои доходит до обожествления человека, заставляя даже ангелов преклоняться перед ним.

Навои говорит:

«Из всех творений самое священное — человек.
Ибо в его существе открыта тайна Истины...
Человек является главой всего³.
Таким образом, когда ты его сотворил,
Достойным предметом поклонения для ангелов его ты сделал,
Ибо в каком зеркале не отразится твое существо,
Как же не будут падать ниц ангелы перед ним»⁴.

¹ Навои, Вакфия.

² Навои, Искандерова стена.

³ Навои, Искандерова стена.

⁴ Навои, Сади Искандери.

Человеку присущи лучшие человеческие свойства уважение и любовь к людям, справедливость, занятие честной, общественно-полезной работой, героизм, ненависть к гнету и к дармоедству, щедрость, стремление к благородному. Навои считает верность всему этому, любовь ко всему прекрасному, достойными похвалы, тем основным ядром, постепенный рост которого вытеснит из общества все дурное и оздоровит его. Таким образом, все эти благородные человеческие свойства являются по Навои, преобразующим началом, самодовлеющим фактором. Эти взгляды, конечно, ошибочные, идеалистичные, ибо нельзя рассматривать человека абстрактно, в отрыве от той материальной основы, которая играет решающую, определяющую роль в его жизни, делает его именно тем общественно-конкретным существом, каким он является в действительности. Навои, за некоторыми исключениями, в общем и целом, не понимает, что „...человеческая сущность не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность общественных отношений“¹.

Поэтому, например, когда Навои говорит о лучших качествах человека, он их идеализирует, отрывает от материальной основы, от „совокупности общественных отношений“. — Желая превратить лучшие свойства человека во всеобщие, господствующие принципы всего общества, ставит эти принципы над материальной основой, не считаясь с тем, согласны ли с ними некоторые общественные слои или нет. И когда Навои видит, что его желания и стремления не осуществляются, он безмерно страдает, продолжая оставаться в сфере мучительной абстракции, не понимая, что между его благородными идеями и господствующей материальной основой общества существует взаимоисключающее противоречие. И лишь тогда, когда возникнет новая, противоположная прежней, материальная основа, она изменит физиономию общества, изменит психологию и мысли людей. Гуманист XV в. не знал, что только при этом условии осуществляются его мечты, и все лучшие человеческие качества станут всеобщей, общепризнанной, господствующей реальностью.

Непонимание этой теперь очевидной для нас истины отрывало Навои от действительности и удерживало его в сфере абстракции, причиняя ему сильнейшие душевные страдания.

¹ Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах, Тезисы К. Маркса, Госполитиздат М., 1945.

Когда Навои говорит о дурных свойствах человека, он и тут отрывает их от условий материальной жизни общества, рассматривает вне связи с материальными условиями, т. е. вне связи с тем, что породило эти плохие качества и обусловило их существование. Он их представляет существующими самими по себе. Поэтому, вполне понятно, когда он критикует эти плохие качества человека и направляет свой удар против них, то его критика ограничивается, в основном, их же собственной областью, и его удар не доходит до материальных условий, материальной основы, его критика не распространяется на то, следствием чего являются эти качества. В силу этого, против желания Навои, его критика плохих качеств людей носила, и при том не могла не носить, абстрактного характера.

Словом, человек в представлении Навои не является конкретно-исторической категорией.

Но сам Навои был неустанным искателем истины. Он был человеком большой жизненной практики, изумительной эрудиции, преисполненным искренней любви к человеку, к народу. Временами он делал в высшей степени характерные и значительные попытки вырваться из пут абстрактно-идеалистической концепции. В этом свете очень большое значение имеют, например, мысли, высказанные им в некоторых его произведениях.

Навои рассматривал человека, в отличие от остальных животных, как общественное животное. Для характеристики Навои это имеет очень большое значение. Давая высокую оценку аналогичному учению Аристотеля, Маркс говорил, что „Для классической древности это столь же характерно, как для века Янки определение Франклина, что человек есть создатель орудия“¹.

Навои очень часто упоминает об отличии человека от остальных животных, что свидетельствует об особой значимости для него этого вопроса. Это отличие, по Навои, заключается в том, что человек есть, общественно-политическое существо и таковым становится в процессе бытия. Человек, в отличие от остальных животных, действующих инстинктивно, имеет разум, рассудок, способность мыслить, воспринимать, познавать и создавать, таким образом, у себя определенные систематические представления о тех или иных предметах; обладает даром речи, с помощью которой он, по определенной необходимости, передает другим свои мысли, знания и мнения.

¹ Маркс и Энгельс. Соч. т. XVII, стр. 359. там же, т. VI, стр. 321.

В результате этого создается общественная мысль, которой владеет человек¹. Человек понимает, что такое добро и зло, умеет отличить их друг от друга, стремится к благу.

Действия людей, в основном, носят не инстинктивный, а сознательный, целеустремленный характер. Люди действуют по жизненной необходимости — значит они не действуя, не могут жить. Этим самым люди входят по необходимости также и в общественные отношения, связывают себя друг с другом. Нет и не может быть человека вне такой связи, вне таких отношений. Навои, поясняя эту мысль, говорит, что люди, их интересы, образ мыслей различны, и каждый из них стремится к своему, а это приводит к соприкосновению, к столкновению, к сплетению людей и их действий. Например, одни люди стремятся к наживе, накоплению лишнего богатства за счет других, а эти, другие со временем попадают в зависимое от первых положение.

Такие общественные отношения втягивают каждого человека в свою орбиту. Этого нет в животном мире.

Это — одна сторона вопроса. Другая сторона его заключается в том, что паразитическим группам противостоят занимающиеся честным трудом, общественно-полезной деятельностью. Они то и обладают настоящими человеческими качествами, действуют не во вред себе подобным, а стремятся к счастью человечества, к поддержке, к оказанию помощи, содействия другим. Подобные люди считают себя счастливыми лишь в том случае, если другие также счастливы. Действуя так, каждый честный человек входит в общественные отношения с другими. Таких сознательных, целеустремленных действий, носящих общественно-политический характер, у остальных животных нет.

Настоящих людей Навои, в широком смысле, образно называет возлюбленными, а их отношения, которым придает характер необходимости, — отношениями между возлюбленными. Настоящий человек не может и не должен находиться вне таких отношений. Он, любящий или возлюбленный, не может равнодушно, безразлично относиться к слезам и страданиям других, но вместе с ними горюет; не может не протянуть им руки спасения, хотя это может причинить ему лишения. Подлинный человек не страшится ни страданий, ни лишений, если того требуют интересы другого человека. Он эти страдания и лишения воспринимает с гордостью и даже считает их приятными для себя.

¹ Навои, Искандерова стена. Смятение праведников. Собрание жемчугов.

Человеком такого склада был, например, Фархад, который:

Кто каждому несчастному был рад
Помочь и обласкать его, как брат;
Кто с каждым бедняком сердечен был,
Великодушен, человечен был.
Кто презирал насилие, гнет и зло¹ ...

И вместе с тем, когда дело касается интересов его возлюбленных, настоящий человек борется со злом.

Навои мечтал о том, чтобы все обладали такими свойствами и находились друг с другом именно в таких отношениях. Это позволило бы установить неразрывную взаимосвязь и благородные взаимоотношения между отдельным человеком и целым обществом. Развитие этого положения приведет к тому, что отдельное снимает себя в целом, а также целое снимает себя в отдельном.

Таким образом, любовь, в широком социальном смысле этого слова, есть такой фактор, существование которого говорит о наличии взаимосвязи, взаимозависимости общественных отношений между определенными людьми. К тому же, в этом процессе образования общественных отношений и взаимосвязи совершенствуются и человеческие качества. Даже нечистый, перевоспитываясь, может стать чистым.

Тот, кто нечист, очистится в огне (любви),
А чистый станет в нем еще чище ...²

Навои, как бы подытоживая и углубляя свои мысли о человеке, как об общественно-политическом существе (животном), рисует и другую весьма важную картину в социальной действительности. Мы имеем в виду взгляды Навои на взаимоотношения между индивидуумом и социальной средой.

II

Человек, оторванный от окружающих индивидуумов, находится вне времени и пространства. Но такого человека нет и быть не может, ибо он не может находиться, существовать вне эпохи, вне окружающей его социальной среды. Общественные отношения неизбежно притягивают его, вовлекают в свою колею.

¹ Навои, Фархад и Ширин, Ташкент, 1943, перевод Л. Пеньковского-стр. 229

² Навои, Фархад и Ширин.

Человек не рождается таким, каким он есть. Социальная среда, общение с другими, общественное духовное влияние со стороны на каждого индивидуума, делают человека тем или иным. Определенная социальная среда воспитывает и создает человека по своему образу и характеру.

В социальную среду, прежде всего, входит, например, государство, его главари, деятели. Каковы эти факторы, таковы и образ мысли, характер жизни, деятельности людей. Природа человека, характер общества подобны воде,—говорит Навои. Какова вода большой реки, таковы и воды ее разветвлений, берущих начало от этой реки. Он пишет: „Дела и характер подчиненных, подвластных шаху людей, бывают такими же, как и дела, характер шаха. Если шах совершает справедливые дела, и это он выбрал своей профессией, тогда и его подданные приобретут такую же профессию. Если шах занимается угнетением, тогда и население, подражая ему, испортится. Мудрецы называли шаха большой полноводной рекой, а подданных—разветвлениями этой реки; какими свойствами и качествами обладает вода реки, такими же свойствами и качествами обладают воды разветвлений (арыки, выходящие из этой реки—В. З.); если первая сладка, тогда и воды арыков сладки; если первая мутна, тогда и вторые мутны; если первая чиста, тогда и вторые чисты“¹.

„Смотря на то, чем занимается шах,—хорошими ли делами, плохими ли,—его народ также будет подражать ему во всем и воспитываться в том же духе“².

Навои в своей работе „Хайратуль абрар“ то же самое говорит и в отношении духовенства. Алчные, подлые представители духовенства, шейхи с корыстной целью прибегают к различным махинациям, среди простонародья распространяют различные небылицы и тем самым извращают образ мысли и поведение людей, одних превращают в подобных себе плутов, других в мистиков и т. д.

Значит, человек, оторванный от всего этого, оторванный от общества, находящийся вне социальной среды, вне общения с другими, не становится таким или иным, не может приобрести человеческие свойства или, выражаясь термином самого Навои,—человеческие профессии т. е. те качества, которые присущи человеку вообще.

Навои, говоря об этом, прямо так и писал: „Если человек одинок, оторван от других, то у него нет и человеческих свойств, присущих человеку, нет и не может быть человеческих профессий. Как же можно считать

¹ Навои, Возлюбленные сердец.

² Навои, Искандерова стена.

одинокого (изолированного) человеком? Подобно тому, как из одной руки не выходит звука, индивид вне общества, вне эпохи не может стать тем, чем он есть“¹. Далее Навои пишет, что если человек одинок, оторван от других, то горе с ним. У него и дом веселья не может стоять, ибо один столб не может держать целый дом.²

В другом месте, говоря об обществе и называя его миром событий (социальных) он пишет:

„Этот мир является местом, домом событий. Никто не может быть вне его, не может быть независимым от его событий“³.

Одним словом, по Навои:

„Эпоха (жизнь) воспитывает, делает людей; раз так, то надо хорошо изучать, улучшать и использовать ее“⁴.

Навои, говоря о создании, сложении психологии, природы (характера) человека, высказывает в этом свете очень интересную мысль. По мнению Навои, человек не вырабатывает, не создает знания, мысли из себя. Он, живя в обществе, находясь в общении с другими, воспринимает те или иные порядки, мысли, обычаи, нравственность и т. п., существующие в данном обществе, у других людей; он постепенно привыкает к ним, и когда они с течением времени становятся обычными, то прочно вмещаются в его мыслях, укореняются в его поведении и, наконец, превращаются в психологию, характер (натуру) человека. Таким образом, характер, психология, мысли человека складываются в процессе жизни, приобретаются в основном извне, от других.

Навои останавливается специально на этом вопросе и посвящает ему особую главу в своей работе „Искандерова стена“. Там мы читаем, например, следующие строки:

„То, к чему привыкает природа (человека),
Оно, с истечением времени, устарев, становится натурой, психологией человека“⁵...

Здесь характерно, во-первых, то, что человек не может жить и быть человеком вне общества вне общения с другими. Поэтому он, живя в обществе, в окружении других, не может не испытывать на себе их влияния, не может не заимствовать, не воспринимать их характерных особенностей. Во-вторых, в процессе восприятия, заимствования, даже и

¹ Навои, Смятение праведников.

² Там же.

³ Навои, Семь планет, новелла о Фаррухе и Ахи.

⁴ Навои, Искандерова стена.

⁵ Навои, Искандерова стена.

в выборе предмета заимствования или объекта восприятия человек часто бывает несвободен, действуя не по своей воле, даже не в свою пользу. Его воля заглушается общим могучим потоком событий, которые происходят и частично господствуют над обществом. Мизерной, но вместе с тем, неотъемлемой частью этих событий является индивидуум. Они вовлекают его в свой общий поток, направляют по своему течению, вне зависимости оттого, хочет того данный индивидуум или нет. Таким образом, жизнь втягивает индивидуум в свою орбиту, надевает на него свое одеяние, по-своему наряжает его. Это неизбежно, этого не миновать никому, если он действительно живой человек.

Но это не все. По мнению Навои, зависимость человека от среды не значит, что человек — это кукла, пассивный зритель всего того, что делается вокруг него, что он не должен сопротивляться окружающим влияниям, принимая их, как неизменный приговор, оставаясь в плену у всеобщего потока и слепо, безмолвно подчиняясь ему.

Подчеркивая определяющую роль внешней общественной среды, Навои прежде всего констатирует существующий факт господства в обществе определенных положений, условий. Это — одна сторона дела. Другая его сторона заключается в том, что Навои понимает значение человеческой активности, созидательной способности, могущества, сознательности, способности мыслить, отличать добро от зла и т. п.¹ Настоящий человек стремится к лучшему, протестует, борется против несправедливости, против плохих социальных условий, явлений и против тех, которые обладают этими вредными качествами и творят зло. Он против них выставляет свое и борется за него.

Навои, например, в образе Искандера, Фархада демонстрирует могучую силу человека, его всестороннюю, созидательную способность, умение бороться за лучшее, побеждать в сражении со злом. Совершенно не случайны следующие гордые слова Искандера:

„Бог сделал все страны, все существа подвластными мне, а меня — властелином их. Он вложил в меня способность, могущество творить все“².

Навои нередко этим свойствам придавал весьма большое значение и стремился превратить человека в такое существо, такое активное начало, которое, исходя из требований принципов гуманности, сознательно относится к внешнему

¹ Навои, Искандерова стена.

² Навои, Искандерова стена.

миру, к влиянию извне, к приобретенному, воспринимаемому от других, от среды; плохое, вредное отбрасывает, уничтожает, а хорошее, полезное оставляет, поощряет и мечтает превратить его во всеобщую привычку, укрепить в обществе.

Навои говорит о необходимости изменения всего того существующего и господствующего в обществе, что противоречит принципам человечности. Это, по Навои, приведет к изжитию всего отрицательного, вредного для человека, к устранению того, что угнетает, развращает его, к торжеству принципов разума и справедливости.

Следовательно, человек есть не только продукт общественной среды, но он может и должен влиять на нее.

Таким образом, социальная среда и индивидуум находятся как бы в единстве, причем первой принадлежит определяющая роль.

Вместе с тем, в этом вопросе Навои находится как бы в „заколдованном кругу“ и впадает в противоречие. Под социальной средой он (Навои) понимает условия материальной жизни общества, производства, а в основном их последствия, плоды: систему управления, политические институты и т. д. Такие взгляды, бесспорно, являются идеализмом. Навои, с одной стороны, подчеркивает исключительную роль внешней, социальной среды в становлении человека таким или иным. Но, с другой стороны, дело улучшения социальной среды Навои возлагает на субъективные духовные факторы, как-то: воспитание, пропаганду, просвещение, науку, разум и т. п. Таким образом, то, что было, по Навои, в начале подлежащим, теперь опять становится сказуемым, и он этим самым усугубляет свой идеализм.

К тому же, когда Навои говорит об активности человека, об его способности изменять среду, о совместном, общественном характере деятельности людей, то он все это не понимает, как нечто вызываемое и обусловливаемое производственной деятельностью людей; он не представляет всей глубины, всего масштаба этого вопроса, не считает производственную деятельность, как производственную, „революционную практику“, не может понять того, что „Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может быть постигнуто и рационально понято только как революционная практика“¹.

Навои мечтал об изменении социальной среды, противоречащей интересам народа, мечтал о таком обществе, которое было бы гармоничным человеку. Он мечтал о таком

¹ К. Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 366.

социальном окружении, о такой социальной среде, где человек познал бы истинно-человеческое и воспитывал бы в себе эти истинно-человеческие свойства, имел бы необходимый общественный простор для проявления и осуществления своих человеческих жизненных стремлений и чаяний.

Но в силу исторических условий XV в. Навои не сумел, вернее не смог понять того, что это невозможно до тех пор, пока господствует способ производства, построенного на основе эксплуатации, на основе классового антагонизма, пока существуют частная собственность и беспорядочное общественное производство—эти основы классовой борьбы и классового господства. Когда он видел крушение своих благородных желаний, столкнувшись с господствовавшей тогда суровой феодальной действительностью, тогда он безгранично страдал, но все же не понимал, что не одни духовные факторы, „не благожелательные попытки отдельных благородных личностей, а классовая борьба организованного пролетариата избавит человечество от гнетущих его теперь бедствий“¹. Он не понимал того, что его мечты могут осуществиться лишь тогда, когда человечество перейдет из царства необходимости в царство свободы...

Но понимания всего этого требовать от человека XV в., конечно, нельзя.

Таким образом, Навои в решении вопроса о взаимоотношениях человека и социальной среды, основы общества, несмотря на некоторое приближение к пониманию этого вопроса, все же не мог выйти из рамок идеализма.

Остановимся вкратце еще на одном важном моменте.

Как мы уже отчасти отметили, действия человека по Навои не носят инстинктивного, самопроизвольного характера, не совершаются без причин. Наоборот, они целеустремленны. Человек ставит перед собой те или иные цели, связанные с его будничными жизненными интересами, и различными путями стремится к ним.

Навои иногда приходит к выводу, что интерес, выгода, а не духовный фактор,— вот что рождает, определяет, обуславливает действия людей, руководит ими.

В начале своей работы „Фархад и Ширин“, касаясь этого вопроса и отмечая причинную обусловленность действий человека, Навои прямо писал, что „человек не может совершать какого-либо действия, если на это нет причины“².

Эту мысль Навои излагает глубже в „Искандеровой стене“. Мы читаем там следующее:

¹ Ленин, соч. т. I, Партиздат ЦК ВКП (б), 1935, стр. 409.

² Навои, Фархад и Ширин.

„Люди не действуют, не сознавая необходимости в этом, в чем-либо. Человек начинает действовать лишь тогда, когда это диктуется его интересами, стремится лишь к тому, из чего он может извлечь выгоду. Итак, знай: то действие, цель которого невыгодна, человеком не совершается“¹. Следовательно, выходит, что люди действуют по жизненной необходимости, а не действуя, они не могут жить.

Эту „выгоду“ одни добывают честным путем, своим трудом, а другие, например, паразитические представители духовенства, иным путем, выдавая себя за людей святых, рассказывая людям различные небылицы, занимаясь духовным порабощением верующих, добываясь отупения их сознания и т. д. Всем этим они преследуют цель—„добывание выгоды“², разорения народа.

В другом месте Навои берет два фактора и их считает определяющими, направляющими действия, поведение людей. Эти факторы—экономический интерес и разум, причем первый фактор почти всегда у всех людей преобладает над вторым, определяет их действия, направляет их по тому или иному пути. Исключение составляют лишь отдельные ученые-мудрецы и т. д., действиями которых руководит разум.

По этому поводу Навои писал:

„В это время (после совершеннолетия—В.З.) у человека есть два положения (качества): сила интереса (выгоды) и сила разума. Они направляют, определяют действия (поведение) человека. Если сила разума превалирует над силой экономического интереса, то человек будет действовать к лучшему. Но число таких людей в обществе ничтожно, а если таковые есть среди людей, то они неизбежно направит этого человека к худшему, его надо перевоспитать. Все, что прикажет этот интерес, человек будет исполнять...

Все подчинены интересу, исключение составляют лишь те единицы, у которых сила разума преобладает“³.

Характерно и то, что экономический интерес, приобретающая власть над индивидуумом, часто придает его действию слепой независимый от его воли характер. Этим объясняется, например, то, что есть такие люди (пьяницы и т. п.), которые действуют против интересов не только других, но и своих.

Навои иногда придает весьма большое значение экономическому фактору не только в жизни отдельных индиви-

¹ Навои, Искандерова стена.

² Навои, Смятение праведников.

³ Навои, Искандерова стена.

дуумов, но и в общественной жизни. Например, в одном месте он пишет, что экономическая обеспеченность, „сытность, удовлетворенность народа есть то сокровище, которое легко решает всякие другие трудные вопросы. На основе его легко будет захватить даже мир“¹.

Этими мыслями Навои делает в высшей степени интересную, важную попытку (только попытку) объяснить общественное и умственное состояние людей материальными их нуждами. Но эта попытка кончилась и не могла не окончиться в тогдашних условиях неудачей. Она не была развита и самим Навои и оставалась в тени его общей идеалистической системы, проявляясь в виде отдельных вспышек его гения. Но он так и не дошел до понимания того, что условия материальной жизни общества, производства являются определяющим фактором общества, образа его мыслей, действий людей, общественных явлений.

III

Представители реакционно-мистических течений, усиленно пропагандировали идею примиренчества, идею гармонии всех людей, классов. Например, известный Зейнуддин-бинни Мухаммед Газзали писал: кроме гяуров, повстанцев, мятежников (против религии, феодальной действительности) „все люди являются друзьями и творениями Всевышней Истины (бога)“. Следовательно, „если человек хочет быть любимым, уважаемым богом, то он должен любить и считать всех (людей) друзьями“, а „повстанцев считать врагами“...²

Вспомним слова Ахмеда Яссави:

„Унижение и бедность прими за приятное“.

„Если угнетатель угнетает тебя, то ограничивайся произнесением имени бога; раскрыв свои руки, обратив свои взоры на небо, подчинись гнету, угнетателю“³.

Навои занимает иную позицию.

Когда он называет человека самым ценным существом и своим возлюбленным, то это совершенно не означает, что он всех людей считает одинаковыми.

Правда, Навои не дошел до понимания, что существуют классы, до понимания деления общества на антагонистические классы, до понимания классовой борьбы. Ему и в голову не приходила мысль о том, что борьба между различными группами людей есть проявление, выражение

¹ Навои, Чар-диван.

² Ахмед Яссави, Хикмат.

³ Ахмед Яссави, Газзали, Кимейи-саадат.

антагонизма, противоречия, лежащего в основе производства, и эта борьба является движущей силой истории. Он не мог вырваться из болота идеализма. Правда, он не подводил всех людей под одну мерку, а делил их на различные социальные слои, но и тогда не понимал их, как классовые группы людей, однако, он сумел в известной мере понять в общих чертах, что люди делятся на социальные группы, не дойдя, конечно, до вскрытия экономической, производственной основы такого деления. Ему удалось уловить в общих чертах различие, неравенство людей по интересам по характеру, образу мыслей, видеть в современном ему обществе некоторые противоречия, борьбу между ними.

Навои часто говорит:

„Если всякого будешь считать человеком, то это неверно: и по форме и по содержанию люди не одинаковы“¹.

Навои делит людей, в основном, на две группы, которые также в свою очередь, разделяются на несколько слоев. Это, конечно, не классовые группы, а группы „плохих“ и „хороших“.

К первой группе относятся все те, которые, хотя сами и в состоянии заниматься общественно-полезной работой, трудом, но все же живут за счет других, всячески топчут достоинство человека, с помощью различных махинаций, хитростей, плутовства, — то силой, то обманом, — без всякого основания и права на то, грабят народ, разоряют страну, нарушают спокойный, свободный труд народа, ввергают его в объятия голода и смерти. Сюда относятся все, начиная от деспотов-царей и их чиновников, реакционного духовенства, шейхов и кончая перекупщиками, спекулянтами, нищими. Навои саркастически бичует их. Вот несколько примеров, как Навои рисует портреты некоторых из них.

Говоря о царях-правителях и их окружающих (чиновниках и т. д.), Навои пишет:

„Он (такой царь — В. З.) — тьма. Он любит угнетать и дружит со злодеянием. От разрушения страны — покой его сердцу; ввергая народ в беду, он радуется. Благоустроенные места, благодаря его гнету, превращаются в развалины, домишки голубей превращаются в гнезда сов. Он наслаждается в непрестанном потоке вина, а этот поток смывает и разрушает цветистые поля страны, где обилён урожай... Часто проливать кровь — это его профессия; он ненавидит правду и враг справедливости. Он ненавидит народ, он

¹ Навои, Возлюбленные сердца.

охотится на жизнь и имущество народа, находит и грабит даже спрятанное народом.

Если властвует такой царь, то его везирь также бывает таким.

Пусть бог не создаст и не даст жизни таким злодеям и таким бедствиям¹.

Пусть будет им уделом помощь врача, дающего яд вместо лекарства. Все они — скорпионы, приносящие вред народу².

О невеждах-судьях и муфтиях, Навои писал так:

За копейку они сделают правду неправдой. Из-за корзины винограда они сожгут весь сад, из-за кулька пшеницы они уничтожат всю ригу... Такие муфтии — все равно что врачи, отравляющие людей.

Одних из них следует убивать по закону, других — само-судом³.

Вот что писал Навои о реакционно-паразитических представителях духовенства, шейхах:

В одежде его (шейха—В. З.)—мускус, благоухание, радость,

А в сердце гниют сто дохлых собак.

Снаружи он безупречен, а внутри полон порчи,

Сверху чист, а внутри грязен, как отхожее место³.

Шейхи-обманщики на первый взгляд покажутся хорошими. В этом они похожи на мед, который также покажется, как золото. Снаружи они похожи на хороших, а изнутри — они грязны. Их внешний вид походит на дервишский вид, а их содержание пусто. Их святость, чудотворность — лишь в плутовстве. Когда такой шейх говорит, что „мне не нужны ни мир, ни ценности, я отказался от них, то этим самым он преследует совершенно противоположное, т. е. он на самом деле хочет хорошо жить, стремится к присвоению ценности, к наживе.

Чалма на их головах большая и в их головах подлых мыслей столько сколько на их головах волос. Их одежда блестит хитростями. Платок (покрывало) на их спине является ширмой (покрывалом) для их проклятого лица, позорных мыслей, дел, а его (платка) каждая нитка срядена прялкой превратности, подлости. Они всегда оттачивают свои зубы инструментом алчности...

Они держат четки и совершают длинные намазы лишь для того, чтобы люди видели это. Их кулах преследует цель собрать богатство, а свободно висящая его часть есть образец лисьего хвоста. Их непрерывные молитвен-

¹ Навои, Возлюбленные сердец.

² Там же.

³ Навои, Смятение праведников.

ные крики, ворчания исключительно неприятны... Все, что они произносят, есть обман, все их движения преследуют корыстные цели. Все их действия, выдаваемые ими за бого-служение, святость, — искусственны, выдуманы и все, что они говорят, — вымысел...

Эти грязные твари — в покое, без нужды, и от этого у честных людей беспокойство.

Кошмар, вздор. Позор, позор, тысячу раз позор!

Да, интересно еще и то, что они, т. е. эти источники, откуда вытекают подлости, имеют, вдобавок ко всему этому, и мюридов, все служат им.

Они так ловко правят своей мастерской и так хитро затеяли эту кампанию (обман, грабеж и т. д.—В. З.), что сам чорт, видя все это, удивляется, даже дьяволы (самые ловкие в обмане—В. З.) могут завидовать им, брать с них пример...¹

О торговцах-перекупщиках, спекулянтах, наживающихся за счет народа, Навои писал:

„Они — преступники. Их цель — выгода на убытке народа: они думают о своей выгоде и ввергают народ в голод и нищету. Подешевле купить, подороже продать — вот их цель. Когда покупают, то про сукно говорят, что бязь; когда продают бязь, то хвалят ее больше сукна. Не остановятся они перед тем, чтобы домотканную дерюгу выдать за атлас“².

Навои разбирает каждого в отдельности, рассматривает почти все бывшие в то время слои людей, их страсти, хищников, их вождения; каждому из них он посвящает специальную главу. Он беспощадно вскрывает их нутро, разоблачает их махинации, помогая народу еще лучше распознавать их, и стремится отгородить его от них. Навои, обращаясь к народу, говорит:

Эти слои — не люди; ты хорошо смотри;

Достигнешь своего, если ты от них идали...³

Не садись за столом кушать

Вместе с подлецом, угнетателем,

Ибо не годится собака в сограждане.

Не беседуй по душам со сполочью, невеждой,

Ибо не годится ишак в собеседники⁴.

Навои не выдвигает принципа „непротивления злу“, при-мирности; не отстраняется от борьбы. Он верит в способ-

¹ Навои, Возлюбленные сердец.

² Навои, Возлюбленные сердец.

³ Навои, Возлюбленные сердец.

⁴ Навои, Чар-диван.

ность людей понимать зло и добро: в громадную силу воспитания, разума, морального воздействия и поэтому дает людям советы, призывает их быть справедливыми и т. д.

„Выбирай,—говорит он,—самый правильный путь—путь разума. Во всех делах разум считай своим другом, спутником. Всегда будь с ним, он тебя сбережет от того, что противоречит истине“. Того, чего ты сам избегаешь, не делай, не причиняя народу“.¹

Таким образом, Навои утверждает, что путем воспитания, морального воздействия нужно и возможно исправить плохих людей и избавить общество, человечество от них.

Но Навои не ограничивается этим. Искренняя его любовь к народу, его большая и, вместе с тем, горькая, суровая жизненная практика часто приводят его к признанию невозможности исправления людей только советами, проповедями, воспитанием, к сознанию необходимости применения и о других более резких мер. „Народ,—говорит он,—своего врага и противника не считай своим другом. В противном случае ты будешь страдать и причинишь себе боль“. „С хорошими надо обращаться по-хорошему, а с подлыми надо быть беспощадными“.²

„От обманщиков, лицемеров не жди пощады, великодушия, от угнетателей, притеснителей не жди верности, человечности“.³ „У слоев правителей-угнетателей и богачей нет (не может быть) любви и преданности к человечеству, народу“. Следовательно, если к ним, к этим „подлым проявить снисхождение и благородство,—это неизбежно причинит зло и горе хорошим. Пощада коту—смерть голубям, защищать шакала и поощрять его действия означает уничтожение рода петухов, кур“.⁴

Поэтому, продолжает Навои, если другим путем (воспитанием, внушением и т. д.) нельзя исправить притеснителей, и они будут продолжать делать свое черное дело, то не давай им пощады, уничтожай их, ибо „когда человек поймает гада и размозжит ему голову, то этим самым он освобождает себя от горя, избавит себя от опасностей, несчастья“. „Не держи змею на своей спине, ибо она все равно сделает свое змеиное дело—отравит тебя своим ядом. Она послужит нитью, связывающей тебя со смертью“.⁵ „Неровно растущее дерево можно выправить, только срубив его“. Поэтому „тот, кто хочет устранить несправедливость в стра-

¹ Навои, Искандерова стена.

² Навои, Смятение праведников.

³ Навои, Возлюбленные сердец.

⁴ Навои, Возлюбленные сердец.

⁵ Навои, Искандерова стена.

не, должен сделать острым свое средство борьбы против врагов“. Обращаясь к главе государства, Навои продолжает: „профессией шаха должно быть оказание справедливости и превращение в прах слоев людей, творящих гнет“.¹

Значит, беспощадная ненависть Навои к душителям счастья и свободы человека, народа была велика настолько, насколько велика его любовь к народу, к своему возлюбленному—человеку.

Эту свою идею он мастерски проводит и в своих художественных произведениях, особенно в „Искандерова стена“ и „Фархад и Ширин“.

Фархад, как и Искандер, в стремлениях достичь своих благородных целей, не примиряется ни с какими препятствиями, силами, стоящими на его пути. Он прекрасно помнит предупреждение Навои:

„Поклонники любви, поймите вы,
Любовь и царство—не одно, увы“.²

В своей суровой борьбе с Хосровом, он ставит дилемму: „или он—Хосрова, или Хосров—его“, т. е. или смерть, или победа над злом, середины нет.

Между прочим, надо отметить, что Навои здесь, конечно, не ставил вопроса о необходимости социального переустройства общества и, притом, революционным путем; он не говорил, что революция должна разрушить старое общество, основанное на несправедливости, и создать новое общество народного счастья.

К такому радикальному действию он не призывал народ. И это—не вина Навои, а его ограниченность, обусловленная условиями XV века.

Ведь Навои выражал чаяния и мысли огромной народной массы, которая и сама тогда не понимала необходимости в революционных действиях. Следовательно, в этом вопросе Навои не мог опередить подавленного суровыми условиями тех времен огромного коллектива, представителем которого он был.

Ограниченность Навои связана еще и с тем, что он часто переоценивал роль личности (прежде всего шаха, главы государства) в истории, а роль народной массы им не оценивалась, оставалась в тени (о чем несколько подробнее будет сказано ниже).

¹ Там же.

² Навои, Фархад и Ширин.

Теперь вкратце остановимся на характеристике второй группы людей. По Навои, сюда относятся те, которые занимаются честным трудом, общественно-полезной работой, создают полезные для народа и страны материальные и духовные ценности, не присваивают чужого добра, не занимаются паразитизмом; те, которые не противопоставляют себя, свой интерес другим людям и их интересам. Действия второй группы людей, в которую входят ученые, писатели, люди искусства, ремесленники, крестьяне и т. п., направлены на благо народа и всей страны. Вследствие того, что, как мы уже отметили, Навои не понимал ни классового характера общества, ни классового характера и классовой принадлежности социальных групп, он допускал мысль о том, что и среди шахов, торговцев, духовенства, казиев, муфтиев и т. д. есть такие, которые могут по своему благородству занимать место во второй группе. Отсюда неслучайны попытки Навои превратить, например, феодального правителя в слугу народа.

С философской точки зрения исключительно характерно то, что среди относимых Навои ко второй группе, есть непосредственные создатели материальных ценностей—ремесленники, особенно—крестьяне. Они нередко находятся в центре внимания Навои, и он отводит им центральное место в общественной жизни.

Не останавливаясь на подробной характеристике ремесленников и др., принадлежащих к этой группе, мы приведем высказывания Навои о крестьянах. Давая описание только одного момента в деятельности крестьянина—сев зерна, Навои показывает его бесконечные выгоды, плодотворные результаты:

„Крестьянин сеет семя, вскапывая землю, открыв путь к жизни. Если он честен и способен, то его корова и верблюд послушны ему; оба, также мощные силачи, плавно и послушно возят ему груз, облегчают ему труд. В работе они, как человек, помощники и спутники.

Благоустройство мира—от них, радость людей—от них; удивителен их труд, дающий стране силу и счастье, как бы они ни действовали, принесут пищу и изобилие для народа.

Если крестьянин честно сеет зерно, он откроет сотни дверей блага, вместо одной. Жизнь косаря—от него и просветлеют глаза жнецов от него. Цель крестьянина—это; и тот, кто делает грядки, достигает своей цели. Нищий от него сыт и сытость всех семейств—от него же. Чужестранцу от него—пища и другу от него—желанное. Печь пекарей от него горяча и торговля продавца муки от него жи-

ва. Продовольствия населению от него достаточно, и жизнь от него полна счастья. Аскету от него возможность спокойного моления, и богомолец, благодаря ему, имеет возможность говорить небылицы о своей терпеливости (сдержанности). В мешочке нищего имеются куски хлеба—благодаря ему. В казне шаха—море и рудник ценностей—благодаря ему.

Все это положение только от того, что крестьянин, трудясь, сеет зерно. Описать выгоды его других работ (труда) очень трудно.

Его сад подобен раю, и на его бахче созревает то, что дает жизнь, радость всем. Каждое из деревьев—небосвод, и этих плодов душистых столько, сколько звезд... Закуски богачей при питье вина—от него. Разнообразные плоды украшают сад (крестьянина), и ими превращается край в цветисто-прекрасный..¹

Между прочим, мы должны подчеркнуть здесь и то характерное, что Навои, как это видно из приведенной выдержки, отмечает в процессе производства материальных ценностей также и роль некоторых орудий и средств производства (земля, живая тягловая сила, с помощью которой человек обрабатывает землю, соха и т. д.). Но он, вместе с тем, это делает мимоходом. Навои никогда не удалось вскрыть, понять глубины и значения той огромной в известном смысле решающей роли, которую они (орудия и средства производства) играют в процессе создания материальной ценности. Мысль о них у него не нашла своего развития.

Любовь Навои к людям, принадлежащим ко второй группе, подчеркивает тот факт, что он очень высоко ценил труд, видел в нем часто источник жизни, богатства общества; рассматривал его, как сокровищницу (гаидж) ценностей. Он твердил, что „спасение человеку"—в труде. „Сокровищница, из которой ремесленники черпают золото, есть их руки; их весы, на которых они весят золото, есть также их руки". Занятие созидательным честным трудом, трудолюбие—одно из самых неотъемлемых, благородных качеств человека—возлюбленного Навои; труд—гордость этого человека.

Следовательно, Навои не ради простой любознательности и совсем не случайно делает этот вопрос одной из центральных тем своих многих художественных произведений; в них с исключительным подъемом он воспевает труд (конечно, не вдаваясь в детали этого вопроса и не доходя до всестороннего научного понимания его).

¹ Навои. Возлюбленные сердца.

Выяснение того, как Навои решал вопрос о взаимоотношениях между личностью и массой имеет очень большое значение для правильного понимания многих кардинальных проблем его творчества.

В решении этого вопроса Алишер, как сын своей эпохи, часто колеблется.

Навои, с одной стороны, приходит к выводу, что избранная, выдающаяся личность — это все, она творит историю, а масса — лишь пассивная сила, придаток к личности. В лучшем случае она играет второстепенную роль, оставаясь в тени, тускнея в блеске деятельности отдельных личностей, особенно шахов и т. п.

Если в стране все хорошо, то, это в основном, от ее правителя — шаха. Если во главе государства поставить умного, мудрого и справедливого шаха, то все в ней изменится в лучшую сторону.

Следовательно, все хорошее в обществе — благодаря справедливому шаху. Такую же, но обратного качества, оценку дает Навои несправедливым шахам — угнетателям народа, и все дурное, грязное в обществе приписывает их влиянию.¹

Когда Искандер со своей армией избавляет какую-нибудь страну и ее народ от несчастий и горя, то в этом народ не принимает или почти не принимает участия и пассивно воспринимает то, что преподнес ему справедливый Искандер.²

Иноземный царь Хосров нападает на Армению, посягает на счастье и свободу народа, осаждает крепость, хочет силой захватить Ширин. Словом, все то, с чем связал жизнь и судьбу Фархад, подвергается страшной опасности. В борьбе с этим наступлением зла и горя Фархад проявляет себя непримиримым, искусным воином, обладающим героизмом и бесстрашием. Фархад знает, что победа Хосрова — смерть Армении, ее народу, Ширин и ему самому. Но он, не понимая решающего значения народа в отражении нашествия орд Хосрова, не принимается за организацию народа на борьбу с захватчиками и не прилагает усилий к тому, чтобы направить грозную народную силу против врага.

В основном, масса остается пассивной, стоит в стороне от активной борьбы, а оторванный от народа Фархад ведет борьбу против врага почти в полном одиночестве.

Также и Ширин не стремится сплотить и направить народную массу на активную борьбу с врагом. Она и Фарха-

¹ Навои, Возлюбленные сердца.

² Навои, Искандерова стена и др.

ду не способствует в этом, не подсказывает ему необходимости организовать народ и опираться на него.

Этот теоретический порок мешал Навои иногда понять, что без массы личность почти ничего не сможет сделать.

Очевидно такое недопонимание роли народа связано с тем, что во времена Навои народная масса еще не осознала своей силы. А вместе с массой и Навои еще не понимал необходимости массового активного действия против зла для избавления страны от горя и гнета.

Справедливость, однако, требует сказать, что этот недостаток Навои не носит абсолютного характера. Навои иногда высказывал замечательные мысли, нередко считал нужным участие народа в политической жизни страны, в решении своей судьбы, часто и убежденно высказывал мысль о том, что шах непобедим прежде всего тогда, когда с его делами, мероприятиями согласна народная масса и поддерживает его. Если народ доволен шахом, сыт, счастлив, страна благоустроена; если народ, армия уважаемы и любимы своим шахом, лишь тогда власть шаха, государство будут прочными. Любимыми словами Навои, часто встречающимися почти во всех его произведениях, было его обращение к шаху:

„Наполюй сердце своих солдат радостью и весельем; своей справедливостью ошастливь народ, благоустрой страну.

Если ты эти два условия исполнишь, лишь тогда твое царство станет прочным, будет процветать...“¹

„Если народ будет жить спокойно и радостно, лишь тогда ты все свои цели (овладеть странами и пр. — В. З.) можешь осуществить. Если народ живет в горе, тогда корни царства будут загнивать, все больше ослабевать. Если бараны будут растоптаны под ногами ^{воинов} ~~воинов~~, тогда чабан неизбежно опустится до собачьей низости.“²

„Если подвластные шаху недовольны шахом, тогда он потерпит поражение, и тогда раскаяния шаха бесполезны. Шах без армии (если он оторвался от армии, вследствие недовольства последней шахом — В. З.), тогда он останется одиноким, а один человек (шах) ничего не сможет сделать. Это то же самое, если роза оторвется от цветника, то высохнет; сердце без тела есть просто кусок мяса, но не больше.“

Шах и народ должны быть влюбленными друг в друга; шах должен делать то, что нужно народу, то, что желает народ, а народ должен любить и быть вместе с этим шахом,

¹ Навои, Искандерова стена.

² Там же.

поддерживать его, т. е. их дела должны быть взаимно, гармоничны. Завоевание мира не легкое дело, но если есть дружба, союз, лишь тогда даже и это легко осуществимо¹.

В своей работе „Семь планет“ Навои в специальном рассказе описывает, какие бедствия могут постигнуть шаха, если он оторван от войска, от людей. Такой шах один сам ничего не сможет сделать, если он даже мифический герой Рустем, не уступающий Геркулесу.

Навои так и заключает:

„Шах может достигнуть своего — овладеть странами лишь тогда, когда он с людьми, не оторван от них. Ибо одинокий человек останется одним человеком — ничего не может сделать, если он даже Рустем“².

Эти мысли Навои имели очень большое значение в те времена, когда господствующие социальные силы с целью укрепления своего положения, своей власти принимали все меры к тому, чтобы отстранить народ от участия в политической жизни и убить его активность, его инициативу. Эти силы отбрасывали, как хлам, замечательные мысли Навои, о роли и праве народа. Такова была сила господствовавшей в той эпохе нечестности; таков был ее непоколебимый железный закон. Этого Алишер не понимал, продолжая искать правду.

V

Навои безмерно любил народ. Его покой, его счастье он ставил выше всего, а насилие, разрушение; кровопролитие, убийство ненавидел. Когда тиран приказал убить невинного человека, Навои, обращаясь к нему (тирану), с гневом говорил:

„Смотри, как много перенесла его многострадальная мать, чтобы вырастить одного сына; она лишила себя сна и отдыха, чтобы не проснулся ее малютка... Потребовалось, чтобы колесница неба 30—40 лет вращалась, пока получился один человек. А ты, привыкший к жестокости, не задумываясь, одним приказом снимаешь ему голову“³.

Но как же Навои относился к таким явлениям, как войны?

Когда символ тьмы и зла — иранский шах Хосров — вторгся в Армению, начал войну, вытаптывая и уничтожая все

лучшее, благородное, тогда Навои также объявил войну войне Хосрова. И в ней, в сражении с врагом символ света и добра — Фархад проявил чудеса храбрости. Объясняя это Навои пишет:

„... Но если спросишь: как же тот, кто сям
Привержен был страданиям и слезам,
Кто каждому несчастному был рад
Помочь и обласкать его, как брат,
Кто с каждым бедняком сердечен был,
Великодушен, человечен был,
Кто презирал насилие, гнет и зло, —
Теперь убийство взял за ремесло? —
То мы напомним: проливая кровь,
Он воевал за верность и любовь,
И ужас наводил на тех людей,
Которых на злодейство вел злодей.
Фархад же человеком был — и он
Самозащиты признавал закон.
Да, положение было таково:
Иль он Хосрова, или Хосров — его!
Любя Ширин, ее народ любя,
Он поступал, как муж, врагов губя“¹.

Как видно, великодушные Навои не помешало ему враждебно относиться к пацифизму. Он в решении и этого вопроса исходил из принципов самого передового в те времена гуманизма. Он считает недостойным человека делом и величайшей несправедливостью сидеть, сложа руки, перед наступающим злом, ибо такая пассивность, примиренчество есть смерть. Отсюда оправдание Навои некоторых войн и признание необходимости их.

Отвечая на вопрос: если разум отвергает войны, конфликты, если их надо презирать, то бывают ли приемлемые войны, к которым если не прибегать, то будет большой вред, — Навои писал:

„Разум отвергает войну, но вместе с тем, в некоторых делах и принимает ее: когда одни делают зло, причиняют вред народу, и их эти действия связаны с еще большими неприятностями, конфликтами и если другим, мирным путем (уговоры, советы и т. п. — В. З.) нельзя заставить их отказаться от таких действий и нельзя удержать их от злодеяния, а не делать этого — вред народу, — тогда против них должны объявить войну те, которые могут это сделать. А если они не выступят с войной, зная, что нет иного выхода из несчастья, то это совершенно непростительно“².

¹ Навои, Фархад и Ширин, перевод Л. Пеньковского, М.-Л., 1940, стр. 254.
² Навои, Искандерова стена.

¹ Там же.

² Навои, Семь планет.

³ Навои, Искандерова стена.

Теперь вкратце рассмотрим, какие войны отвергает разум, по Навои, и какие он поддерживает, считая даже необходимыми.

К первым, т. е. к „вредным“ войнам относятся такие войны, инициаторами которых являются тираны, узурпаторы, притеснители народа. Вследствие их несправедливости, гнета, народы „их“ страны вымирают от голода, непрерывно испытывают страшные мучения. Не довольствуясь этим, разрушители и разорители поднимают знамя войны, направленной к насильственному захвату чужих стран, к подчинению народов тунейдцам, тиранам, к лишению свободы, а их стран — независимости, к уничтожению их счастья и покоя, к уничтожению всего прекрасного.

Таковы войны, например, Чингиз-хана¹, такова война, начатая иранским шахом Хосровом против Армении и т. д.

Навои безмерно проклинает эти войны и беспощадно бичует их инициаторов.

Например вот что он пишет о войне, начатой Хосровом:

„Парвиз (Хосров — В. З.), поднявший гнева острый меч,
Решив страну армян войне обречь,
Собрал такую силу, что и сам
Не ведал счета всем своим бойцам.
Не помнил мозг, чтоб чей-нибудь поход
Настолько был несправедлив, как тот...
Что, как поток, залил он царство.. нет, —
Какой поток, то — море страшных бед!
Какое море! Ужасов потоп!
Нет ни дорог свободных и ни троп“.²

Навои посылает своего Фархада против этих „ужасов потопа“. Фархад сначала обратился к Хосрову с требованием сложить оружие и убраться из страны.

Хосров отказался от этого, и тогда Фархад начал истреблять его орды.

Навои бичует военачальников, солдат, ведущих такие вредные, разрушительные войны. Говоря о них, он пишет:

„Они — страшные существа; они — хуже смерти; всегда занимаются злодеянием, совершают военные походы; их занятие — грабить все то, что удастся наgrabить и, как саранча, уничтожать зелень, облизать листья в чужих странах.

Между ними и человечностью ничего общего нет... Им чужды ^{чужды} сознание, рассудок, совесть, разум. Куда бы

¹ Там же.

² Навои, Фархад и Ширин, перевод Л. Пеньковского, стр. 240 — 241.

они ни направлялись, беспощадно сжигают все, день и ночь занимаются мерзостями, невежественными делами. Они не сознают, какие мучения приносят холод и жара, насколько вредны и мучительны голод и нагота. Они — самые подлые животные, звери...

„Подлее, противнее их нет существ в мире.
Их желудки никогда не наполнятся награбленным,
Живут лишь для того, чтобы до смерти сеять
смерть, горе“.¹

К „вредным“ войнам относятся и беспринципные войны — междоусобицы как внутри страны, так и вне ее. Эти войны имеют место между шахом и его вассалами, между отцом-шахом и сыновьями, царями. Эти войны разрушают страну, хозяйство, нарушают покой народа, уничтожают его счастье, лишают жизни сотни тысяч невинных, сеют вражду между народами, племенами. Вся тяжесть их бремени, таким образом, лежит на плечах народа и является величайшим препятствием на пути его развития.

Навои называет эти войны страшными бурями, уносящими все лучшее в небытие, а их инициаторов — пожирателями, душителями блага, покоя, свободы народа.

В следующих строках ярко выражена глубокая ненависть Навои к этим „вредным“ войнам, к их инициаторам и указана причина этой ненависти:

„Противно, когда из-за корысти, без принципа
Начли разжигать огонь вражды два шаха,
Противопоставив народы мира друг против друга,
Все подняли оружие для истребления,
Наточили мечи, чтобы убивать друг друга.
Это всемирному потопу подобно было,
Разрушились страны, гибли народы от него“.³

И дальше:

„Отец встанет на одну сторону,
Сын займет противоположную,
Меж ними вспыхнет пламя вражды,
Это пламя жаждет крови, вспыхнет пламя войны;
Отец готов отдать душу, чтобы убить сына,
Сын бросается мечом вражды уничтожать отца.
Если родственника родственник встретит,
То в каждый миг готов его истребить.
Охватив все, бушует во всю силу бедствия буря,
То швыряя людей и все разрушая,
То народы из их страны изгоняя,
Бросая их в ущелье смерти и горя“.³

¹ Навои, Возлюбленные сердец.

² Навои, Искандерова стена.

³ Там же.

Навои не ограничивается только критикой „вредных“ войн и их инициаторов, но, противопоставляя им „разумные“ войны, считает последние необходимыми.

Если мирным путем нельзя заставить угнетателей отказаться от злодеяний против народа и страны, если иными средствами нельзя предотвратить, приостановить вредные войны, тогда необходимо выступить против них войной.

„Разумной“ войной является война против иноземного захватчика, несущего голод и смерть народам. Не воевать против него, примириться с ним, молча принять яд, преподносимый этим захватчиком-тираном в начатой войне, — недостоинно человека, преступно.

У Навои Фархад борется против Хосрова. Начатой последним губительной войной он объявляет свою справедливую войну и в этой неравной борьбе погибает. Но даже умирая, он не хотел мириться со злом и завещал своему родственнику Бахраму — приехать с войском и разгромить врага силой оружия.

„Разумной“ войной считается война, направленная на создание, усиление и удержание централизованного государства, война против междоусобий, мятежа, восстания (войн) местных правителей, вассалов, наместников, ставивших перед собой цели расчленения страны, государства, усиления гнета над народами, ухудшения его положения, ввержения народа в „огонь междоусобий“.

Навои в своих произведениях требовал вести борьбу, справедливую войну против них и в своей практической деятельности блестяще следовал этому своему принципу. Он принимал все меры к тому, чтобы мирным путем улаживать события, предотвращать или гасить огонь междоусобий, „беспринципных“ войн. А когда это ему не удавалось, он сам нередко являлся одним из активных инициаторов борьбы против них, принимал участие в подавлении мятежа, в предотвращении междоусобий.

Эти стремления и мысли Навои были направлены на защиту идеи централизованного государства, на укрепление сильной централизованной политической власти, на сохранение целостности страны, что особенно, в условиях той эпохи, имело колоссальное значение.

Товарищ Сталин говорил: „Ни одна страна в мире не может рассчитывать на сохранение своей независимости, на серьезный хозяйственный и культурный рост, если она не сумела освободиться от феодальной раздробленности и от княжеских неурядиц. Только страна, объединенная в единое централизованное государство, может рассчитывать на

возможность серьезного культурно-хозяйственного роста, на возможность утверждения своей независимости“.

Общеизвестен факт, что XV век, век Навои, был полон различного вида войн, беспринципных междоусобий, военных конфликтов, столкновений между тимуридами, между вассалами и центральными правителями, между шахом и его сыновьями. Недаром Мухаммед Салих, современник Навои, так характеризовал свою эпоху:

„Эти люди, которых ты видишь, дерутся зубами и когтями,
подняв распри.

День, ночь они пьют вино,
Свободные от религии и веры,
Все они друг другу противники,
И каждый другого боится.
Отец сына ненавидит,
А сын стремится уничтожить отца.
Отец тоже сыном тяготится,
Убивает отец сына, заставляя его горько рыдать“¹

Всем известно также и то, какой огромный вред и разрушения причиняли эти междоусобные войны народу, стране, как тормозили прогресс, способствовали ослаблению и расчленению государства, открывая тем самым новые пути для междоусобий, конфликтов, поощряя еще большее усиление произвола реакционной военно-феодалной аристократии, военщины. Они являлись такими войнами, о которых писал Энгельс: „Одна единственная разрушительная война могла превратить страну в пустыню безлюдную на сотни лет и уничтожить всю ее цивилизацию“²

Дальше, „разумной“ войной считается война, преследующая цель облегчить тяжелое положение народа, война, направленная против тех, которые безмерно угнетают народ „своей“ страны, доводят его до крайней нищеты, бескультурья и своими несправедливыми действиями совершенно лишают его всяких человеческих прав. Эту идею Навои проводит в основной своей работе „Искандерова стена“. Он поручает Искандеру завоевание мира, освобождение его народов от деспотизма и несчастья, в своем понимании. Он пишет:

„Справедливостью своей сделай лицо всего мира цветущим.
Своим человеколюбием сделай их народы радостными“³

¹ Мухамед Салих, Шейбани-наме.

² К. Маркс, Ф. Энгельс, соч., т. XXI, стр. 494.

³ Навои, Смятение праведников.

Никаких иных целей не преследовал Искандер в своих военных походах. Что касается богатства, то его отношение к нему, пишет Навон, такое:

Мне сокровища (богатства) — не цель;
Для меня сокровища — армия и народ, больше ничего.
Если же сокровищ больше, чем даже морей, всякого
рудника ценностей,

Если даже сокровищ больше, чем весь мир,
Но если от них нет пользы народам,
Тогда они равны праху и камням.
Если эти сокровища этой пользе не служат,
Тогда горный камень лучше, чем их бриллиант, —
Потому что камень безиределен для народа,
А тысячи бед народу — от одного такого сокровища¹.

К тем, которые ведут такую разумную войну, Навон, наряду с другими, предъявляет требования, представляющие с точки зрения гуманизма и военной тактики большой интерес и значение.

Первое: овладев каждой страной, шах сейчас же должен приступить к осуществлению принципов справедливости, желаний народа, к устранению притеснителей народа и облегчить его тяжелое положение. Это поможет успешному дальнейшему развитию страны, ибо, услышав об этом, угнетенное население других соседних стран будет желать видеть этого шаха правителем у себя в стране...² „Того шаха, — говорит Навон, — профессия которого — насаждать справедливость, народолюбие, его будут желать также и народы стран его противника, и эти народы будут стремиться к тому, чтобы быть его подчиненными, а солдаты этих противников также будут перебегать на его (шаха) сторону. Разве можно сомневаться в том, что станет владельцем мира тот, который делает все это и имеет такую базу (в народе)“.³

Второе требование: завоевание стран не должно лишать их народов свободы. Граждане этих стран не свободны лишь в том отношении, что им не будет разрешено заниматься несправедливыми делами, не будет дано хода подлецам, притеснителям, а правители должны будут заниматься только насаждением справедливости, улучшением благосостояния народа, благоустройством страны.

Так было, например, в Кашмире:

¹ Навон, Искандерова стена.

² Там же.

³ Навон, Искандерова стена.

Искандер доходит до Кашмира. Царь Кашмира Маллу притеснял народ, причинял ему много горя и страданий. Искандер предлагает царю сдаться, но он отвергает это предложение. Тогда Искандер прибегает к силе. Маллу, поняв безвыходность своего положения и неизбежность своего поражения, скрывается, забирая с собой украдкой огонь и ветер (он обладал магической силой). Лишив их огня и ветра, он хотел отомстить Искандеру и „своему“ народу. Искандер, видя страдания народа, с большой яростью наступает на Кашмир, захватывает его и, с помощью своих ученых разгадав тайну Маллу, возвращает народу огонь и ветер, а Маллу погибает от удара, нанесенного, как говорит Навон, „мечом эпохи“. Искандер, видя честность и большие способности кашмирца Фируза, намеревается назначить его шахом Кашмира. Он говорит ему: „хочу вручить тебе судьбу этой страны, сделать тебя шахом ее с условием: если ты будешь действительно шахом-покровителем страны, народа; если ты благотворительность, благосклонность, доброту сделаешь своей профессией и пойдешь по пути справедливости; если ты сделаешь народ радостным, счастливым, а страну благоустроенной“.¹

Фируз искренно принимает эти условия Искандера и начинает выполнять, став шахом страны. Он освобождает народ от горя и притеснителей.

Эта же мысль развита в „Фархаде и Ширин“.

По рассказу Навон, Арменией правила весьма талантливая, предприимчивая и справедливая царица Михин-бану. Страна была цветущая, а народ наслаждался свободой. На страну напал иранский тиран Хосров с огромной армией. Захватчики силой оружия и коварства покорили и разрушили страну, а ее народ обратили в рабство, все лучшее обрели гибели.

В войне, объявленной Навон против вторжения этих захватчиков, героически сражается и гибнет его Фархад. Тогда Навон против орд Хосрова и его сына Шируи, который, убив своего отца, объявил себя шахом, посылает из Китая Бахрама. Бахрам побеждает захватчиков, вынуждает их сдаться, возместить все убытки, причиненные ими в войне народу и стране, а затем покинуть страну армии.

И заложить затем решил Бахрам
Основу и величие царства там.
Он вызвал всю родню Михин-бану,
Нашел среди них ровню Михин-бану:

¹ Навон, Искандерова стена.

Достойный муж, светило муж светил,
Он мудростью Баю превосходил.
Его как падишаха на престол
Герой Бахрам торжественно возвел,
Дабы народу в государстве том
Стал мудрый муж покровом и щитом;
Дабы, держась державных правил там,
По справедливости он правил там;
Чтоб заново страну отстроил он,
Ее богатства чтоб утроил он,
Народам и державам—там расцвет,
Где справедливость есть, где гнета нет...
И это все царю армян внушив
И так устройство царства завершив...¹

он (Бахрам) отправляет свои войска обратно в свою страну, а сам, горюя по погибшему Фархаду, удаляется с политической арены.

Как это видно из приведенных отрывков, Навои считал подобные войны разумными, а участие в них—весьма благородным делом.

Отсюда становится понятно, почему Навои очень высоко ценил военное искусство, искусство стрельбы, посвятив этому даже специальную работу „Рисолаи тир- андохтан“. В ней он пишет:

„Польза, получаемая от одного часа занятия стрельбой, равносильна пользе, получаемой от молитвы богу в течение 50 лет...“²

Меткая стрельба имела в то время большое значение и могла пригодиться народу в борьбе за его свободу и счастье.

Несмотря на известные успехи в понимании характера войн, Навои вместе с тем, как человек XV столетия, допустил и существенные ошибки, обусловленные социально-экономическими условиями тех времен.

Прежде всего надо отметить, что мысли Навои как о „разумных“, так и о „вредных“, „неразумных“ войнах носят, в основном, общий характер, не имеют и не могли иметь под собой детально разработанной научной основы.

При рассмотрении войн, он исходил не из классовой точки зрения, а из своей позиции деления людей на „хороших“ и „плохих“ вообще. Он не знал, что войны имеют классовый характер и являются продуктом антагонистического общества; что они суть пламя, получаемое от столкновения противоположных классовых интересов; что определенный уровень производительных сил, определенная система производ-

¹ Навои, Фархад и Шириш, перев. М. 1946, стр. 258.

² Навои, Брошюра о стрельбе (Рисолаи тир-андохтан).

ства, его антагонистический характер,— вот что служит базой войнам.

Войны и факторы, рождающие и обуславливающие их, носят конкретно-исторический характер; их цели и характер меняются в истории в зависимости от того, когда, какие классы господствуют и за что ведут войны. При этом главными инициаторами войн являются не личности (даже находящиеся во главе государства), а те классы, которые, стоя за их спинами, направляют их действия, причем личности лишь выражают, осуществляют волю и желание этих классов, правда, иногда ускоряя или замедляя ход событий.

Всего этого Навои не понимал. У него выходило так, что войны почти всегда являются делом или человечности, или бесчеловечности доминирующих политических деятелей, главарей государства. Классов, их интересов, почвы, порождающей войны, он не видел.

Войн не будет не тогда, когда появится на исторической арене какой-нибудь деятель, который вроде Искандера, благодаря своим благим намерениям, исключительному разуму и необыкновенным способностям, положит конец им, а лишь тогда, когда не станет тех экономических, социальных причин, с которыми связаны войны и которые порождают войны.

Этого не понимал Навои-мечтатель и продолжал плавать в сфере абстракции.

Кроме того, были и такие случаи, когда Навои в борьбе за принципы справедливости и разума рекомендовал избегать всяких насилий, ограничиваться советами, проповедью, надеяться на милость всевышнего, на чудотворную, преобразующую, по его мнению, силу разума и т. п. Он думал, что моральное воздействие на совесть притеснителей в состоянии заменить насильственные действия.

Такой взгляд, конечно, объективно мог бы привести к последствиям, противоречащим подлинным, благородным, гуманным намерениям Навои.

Надо отдать должное Навои в том, что, несмотря на все эти недостатки, ограниченность и ошибки, суть которых была неизвестна и непонятна людям тех времен, его мысли о войнах имели большое значение и явились крупным, смелым шагом вперед. Они показывают, насколько глубоко и искренне любил он народ — разоренный, обездоленный и насколько была велика его ненависть к притеснителям народа, душителям свободы и прогресса.

Из всего огромного и многогранного творчества, в том числе и замечательных социально-политических воззрений Навои явствует, что он, несмотря на свои недостатки, колебания и глубокую историческую ограниченность, обуслов-

ленные тогдашними условиями, весь смысл своей сознательной жизни видел в верном служении народу, доведенному до положения рабов, служении родине, и до последнего своего вздоха остался верным своим словам:

Я всегда был рабом другом,
Решил рабски служить им.
Среди людей самый лучший тот,
Кто народу больше пользы принесет.
Выбирай своей профессией справедливость, служение народу,
Этим сделаешь себя славным в истории человеком*.

И Навои действительно сделал себя славным в истории человеком.

Действ. член АН УзССР М. Т. АЙБЕК и проф. А. ДЕЙЧ

МИР ИДЕЙ АЛИШЕРА НАВОИ

(главы из книги „Навои и его время“)

Алишер Навои был воинствующим художником. Он рассматривал литературу и искусство как средство пропаганды при помощи художественных образов передовых идей своего века.

Навои жил и творил на закате династии тимуридов, когда их владения содрогались под натиском внешних завоевателей и от внутренних междоусобиц. Это был жестокий век, мало благоприятствовавший осуществлению тех идеалов, о которых мечтали Навои и группа близких ему по духу, лучших людей страны.

Аналогии иногда приводят к неверным выводам, и поэтому опасно сравнивать блестящее время Навои с эпохой Возрождения на Западе. Но если считать главным и наиболее характерным для Возрождения стремление к освобождению человеческой личности от крепких пут теологии и религиозного фанатизма, то нечто подобное находим мы в чаяниях и стремлениях культурных деятелей Герата XV в.

Передовые люди этой эпохи использовали религиозно-мистические движения суфизма как своеобразную форму оппозиции официальному исламу.

Суфийская поэзия превращала грозного мусульманского бога, стоящего над миром, в нечто близкое, осязаемое.

Такое понимание существа бога приемлемо и для Навои.

Навои противоречив в своих религиозно-философских высказываниях. Он посвящает Мухаммеду— „любимцу“ мусульманского бога и четырем первым халифам восторженные оды, но как передовой человек своего времени, как мыслитель, он свободен от религиозной нетерпимости своей среды, и в нем нет фанатизма. Все религиозные убеждения, включая и самые „языческие“, приобретают в глазах Али-

шера одинаковое значение. Все грани стираются, ни одна религия не может претендовать на исключительную истинность: „Одного ты сделал идолопоклонником, так как ты дал своей красоте проявиться в идоле, и этой красотой ты сделал идола гордым. Кто читит солнце, поклоняется ему день и ночь, и сияние твоего лица, как атом, находится в его сфере, в лучах отражается его лицо, оттого язычник сжигает себя перед твоим лицом...“

Так, по мысли Навои, в идоле, огне и солнце выражается одна и та же сущность. Следовательно, нельзя считать какую-либо одну религию истинной. Мир есть бог. Во всем отражается лишь он.

Навои облекает в мистическую оболочку этот философский пантеизм. „Ты не имел сперва начала, не будет тебе и конца. Этот мир был открыт в тебе... Все моря находились в тебе в покое и тишине и не проявляли себя в волнах. Существовал лишь ты один, не было других существ. Твоя красота проявлялась только в тебе. Небесное зеркало служило для отражения твоей красоты: в нем отражались небесные видения. Ты сам был зрителем, и ты восхищался самим собой. Ты сам был горд своей любовью и красотой. Было единство, не было множества. Кроме единого не было другого единого...“

Можно подумать, что Навои так объясняет происхождение мира, что для него бог есть нечто вечное и абсолютно прекрасное, что мир находится в самом боге в состоянии покоя, составляя, так сказать, его содержание: „Проявления твоей красоты не имели предела, им понадобилось бесконечное число зеркал“.

Но в понимании Навои бог и мир не существуют отдельно.

Для него бог—вовсе не то могущественное существо, которое находится над миром, за пределами „деяти небес“, в каком-то воображаемом пространстве, как это проповедают представители разных религий. В понимании Навои бог есть мир, он воплощен, растворен во всех мировых вещах и явлениях.

Дуализм бога и мира преодолен Навои: „Существуешь только ты. Кроме тебя—ничего. Если что-нибудь есть, то оно только ты“.

Два века спустя, независимо от Навои и далеко от его родины, к тому же выводу пришел Спиноза: „Все, что только существует в мире, существует в боге, и без бога ничто не может ни существовать, ни быть мыслимым“.

Но у Спинозы, в его могучей пантеистической системе не остается места для божественных непознаваемых качеств

высшего существа. А у Навои отождествление бога с природой не выходит за пределы религиозного мышления.

Излюбленной темой поэта является идея воплощения бога в мире. Все изменения, происходящие в мире, объясняются действием божественной красоты, отражающейся в бесконечном ряде зеркал.

Таким образом, у Навои в виде основного начала выступает не природа, а некая абсолютная опозитизированная сила, которая для созерцания своей красоты открывает себя в мире.

Навои признает объективный мир, но он мыслится им как бог. Он утверждает, что нет тела без души, так же как нет души без тела.

Источником всех знаний Навои считает наши органы чувств. Все, полученное через органы чувств, передается, по образному выражению Алишера, „предприятию человеческого мозга“. Затем, после обработки, мозг передает все полученное извне „первоначальному хранителю сокровища“, т. е. духу. Так отделяется нужное от ненужного, достигается гармония, согласованность духа и материи.

В эпоху Навои наука была в плену у религиозных догм. Философия должна была заниматься доказательством бытия бога. Естествознание в современном смысле не существовало. Автор „Бадойнал-вакайи“ рассказывает, что какой-то авантюрист, выдавая себя за иностранного ученого, обманул Хусейна-Байкару, обещая превратить медь в золото. Навои в „Собраниях изящных“ рассказывает о некоем Абдулкахаре: „Его мечтой стала химия. Затратив на это много средств, он ничего не мог получить. При этом от долгого раздувания огня и вредного влияния веществ он потерял слух“.

Из точных наук наибольшее развитие в эпоху Навои получили математика и астрономия. Но и эти науки после трагической гибели Улугбека больше не выдвигают на Востоке крупных имен.

За официальной догмой ислама скрывались обман и корыстолюбие духовенства, и Алишер не мог не видеть этого. Недаром писал он в своем „Хайрат-ул-Абрар („Смятение праведных“), что „ряса духовников сшита из ниток обмана и лжи, а палка, на которую они опираются, является столбом дома гнусностей“.

Навои пользовался суфийской терминологией, но относился явно отрицательно к положениям суфиев о непознаваемости мира и интуитивности восприятия божества. В отличие от мистиков-интуитов, прославлявших экстаз и чувство, Навои славил человеческий разум как меру вещей:

„Когда всеисильный создал темную келью человеческого тела, он возжег там светильник разума“.

Круг мыслей Навои был весьма широк. Из арабских источников он узнал об основах учения Фалеса, Пифагора, Платона, Сократа и Аристотеля. В то время, как современные Навои ученые мусульманского Востока, находясь в цепях теологии, считали, что философия вредна, а Платон и Аристотель „люди, сбившиеся с пути аллаха“, Навои высоко ставил имена античных философов и ценил их за стремление к истине.

В поэме „Семь планет“ Навои говорит об эллинских философах:

Их знаниям нет границ, и столь они мудры,
Как будто вложены в них целые миры.
Да, в каждом—целый мир познания воплощен,
Без них вселенная—тщета, ненужный сон.
Из гущи мудрости они сотворены,
И счастьем их дела в веках осенены.

Алишер сам жадно искал ответа на коренные вопросы философии. И у него возникали (и не раз, повидимому) глубокие сомнения в истинности религии.

Пей вино! Ведь сущность мира, этой древней мастерской,
Людям непонятна так же, как и на заре веков.
Поколенья уносили в землю юные мечты,
Жизнь растратив на догадки, на тщету бесплодных слов.

В поисках правильного пути познания мира он часто впадает в противоречия, доходя до того, что объявляет разум слепым в вопросах познания истины.

Такие мотивы разочарования встречаются в газелях Навои. Но для правоверного мусульманина истинность творца неоспорима, для него все объясняется очень просто—всемогуществом „создателя“.

Боясь быть уличенным в богохульстве, Навои не мог открыто высказывать свои философские взгляды. Он вынужден был вуалировать их суфийской терминологией.

Религиозно-мистический покров служил ему для высказывания выдвинутых мыслей, расходившихся с догмой ислама.

Правда, мы находим немало антиклерикальных мест и в „Хамсе“, и в газелях, где Навои прямо, без всякой дымовой

завесы, выступает против шейха, предостерегающего поэта от опасностей любви:

В ладье жадности, среди лицемерия волн,
Сотворил весло себе из железа ты, шейх.
Сеть коварства и лжи готовишь народу ты,
Четки сделав зерном-приманкой, хитроватый шейх...
Если бы честного шейха я мог найти,
Я рабом твоим стал бы без платы, шейх.

Узкий фатализм неприемлем для Навои точно так же, как и суфийская созерцательность и „отречение от мира“. Правда, Джамии рассказывает, что Навои был посвящен им в тайны ордена накшбендиев, добровольно отрекся от жизненных почестей и вступил на „путь бедности“ и отказа от своей личности. Этот „подвиг“ Навои, по словам Джамии, произошел в 1476 г. Усталый от борьбы с реакционной придворной кликой, Навои, быть может, для видимости и объявил о подобном отречении, но все это событие не отразилось на кипучей деятельности многосторонней и волевой натуры Алишера.

Близость Навои с дервишским шейхом Джамии объясняется тем, что Джамии отнюдь не принадлежал к числу узко-правоверных мусульман. Он был широко образованным человеком. Считая себя муридом (учеником) Джамии, Навои преклонялся перед огромной эрудицией своего учителя, который помог ему проникнуть в глубины философии мусульманского мира. Из этой философии он черпал только то, что было важно для построения его мировоззрения, опиравшегося на идеи любви к родине и человеку.

В свое время делались попытки объяснить поэмы Навои с точки зрения суфийской философии и объявить систему образов „Хамсы“ только мистическими аллегориями, обозначающими пути познания высшей истины. Но при ближайшем и беспристрастном изучении творчества Навои легко обнаружить ошибочность этого взгляда. Во всех поэмах мы видим кипение бурных человеческих страстей и столкновение живых характеров. В „Фархаде и Ширин“, как и в „Лейли и Меджнун“ на первом плане—живые чувства и переживания героев. Как бы ни были необычны их душевные порывы и поступки, поэт тщательно их мотивирует, старается всегда быть логичным и последовательным.

Выступая против суеверий и мракобесия ортодоксального ислама, Навои противопоставляет темным силам реакции могучую силу разума и просвещения.

Поэт выше всего ценит в человеке жажду знания, стремление реализовать все свои творческие возможности. Такое

стремление было в высокой степени присуще самому Алишеру Навои. По размаху пытливого ума и разносторонности познаний он напоминает такого гения европейского Возрождения, как Леонардо да Винчи. Навои был великим поэтом, выдающимся государственным деятелем, историком, лингвистом, художником, музыкантом, каллиграфом.

Такое многообразие дарований отмечали и современники Навои. В восторженных отзывах об Алишере, оставленных нам Джами, Бабуром, Мирхондом, Хондемиром, Сам-Мирзой и Даулет-шахом, неизменно подчеркивается богатство интересов Навои. Так, Сам-Мирза писал о нем: „Этот великий человек, этот добродетельный ученый не потерял бесполезно ни одной минуты своей жизни, которую он целиком посвятил изучению наук и упражнениям в добрых делах, а также содействию прогрессу науки и, наконец, составлению литературных трудов, которые до конца мира останутся нерушимыми памятниками его славы“.

Навои, как культурнейший деятель своего времени, не только покровительствовал ученым, поэтам, деятелям искусства, но и считал необходимым в своих поэтических творениях пропагандировать и науку и просвещение. В последней главе „Смятения праведных“ Навои говорит, что ученых надо возвеличивать, как пророков. Во времена господства религиозных предрассудков этот призыв звучит весьма смело.

Навои строит облик положительных героев как бы по своему подобию. Фархад, Меджнуун, Шапур, Искандер—это люди больших знаний. И в них Навои ценит многосторонность интересов и способностей.

Когда Фархаду исполняется три года, отец находит ему великолепного учителя:

Постиг он все науки естества,
Всю математику, как дважды два.
Был в Греции он, как философ, чтим,—
Сам Аристотель—школьник перед ним.

Этот учитель приучает царевича к знанию:

Когда Фархаду стало десять,—он
Был уж во всех науках искушен.
И в десять лет имел такую статью,
Какой и в двадцать не дано блистать.
Всего достичь, таков—его удел:
Оружием науки он владел.

Фархад мог бы стать книжником, знатоком корана—и только. Но не в этом идеал Навои. Фархад, помимо книжной мудрости, усваивает тайны ремесла от каменотесов мастеров-строителей и художников, подобно самому Навои, который вникал во все детали построек на берегу Инджилы в Герате. И временно становится архитектором, каменщиком, искусным художником.

Фархад развивает и свои физические силы. Как и подобает сказочному царевичу, он совершает гиперболические подвиги, сохраняя черты глубокой человечности.

Но хоть ученым он прослыл большим,
И был, как богатырь, несокрушим,

Он скромней был, как новичок, едва
По буквам составляющий слова.

Он силой не хвалился никогда,
Ни в чем не заносился никогда,

И равнодушен к власти, он скорей
На нищенство сменил бы власть царей.

Он сердцем чист был и очами чист,
Всем существом, как и речами,—чист.

Неутомимая жажда знания, стремление к совершенству в сочетании с чистотой души и скромностью—вот черты самого Навои, которые он внес в образ Фархада.

Кейс-Меджнуун, несмотря на различие характера с Фархадом, также „науки сделал своим ремеслом“, усвоил „все науки мира“.

Александр Македонский, данный в поэме „Вал Искандера“ как идеальный правитель, также отличается широкой образованностью. В государственных и военных делах, во всех случаях своей жизни Александр просит совета у ученых. Здесь Навои пропагандирует свой идеал просвещенного монарха, окружающего себя учеными советниками. Он дает этим правителям совет „так обращаться с учеными, красотою страны, чтобы сердца их не были в обиде“.

Человек знания, просвещенный должен служить народу и содействовать народному благу. Эту мысль непрестанно пропагандирует Навои.

Идеальный герой Навои, воплощенный в образ Фархада,—подлинный гуманист в настоящем смысле этого понятия. Он—защитник обиженных. Он не способен обидеть муху,—говорит о нем Навои, и если кому-нибудь придется переживать печали, он огорчается больше, чем сам пострадавший. „Если нечаянно в ногу нищего попадал репей, он готов был вытащить его своими ресницами“.

Гуманизм в понимании Навои—это не мягкотелая сентиментальность, не безрассудная доброта чувствительной природы. Навои ценит и прославляет сознательный, целеустремленный гуманизм. Фархад активно борется со злом, когда, деспот Хосров совершает нападение на Армению, войска его грабят и жгут прекрасную страну, подвергая население мучениям и пыткам. Тогда Фархад, „неспособный обидеть и муху“, вынимает из ножен меч для решительной борьбы с захватчиками.

В замечательных строках поэмы Навои разъясняет читателю, в чем сущность этого кажущегося противоречия между Фархадом-миролюбцем и Фархадом—грозным мстителем шаху Хосрову за его злодеяния.

Но если спросишь: как же тот, кто сам
Привержен был страданиям и слезам;

Кто каждому несчастному был рад
Помочь и обласкать его как брат;

Кто с каждым бедняком сердечен был,
Великодушен, человечен был;

Кто презирал насилие и зло,—
Теперь убийство сделал ремеслом?

То мы напомним: проливая кровь,
Он воевал за верность и любовь,

И ужас наводил на тех людей,
Которых на злодейство вел злодей.

Фархад же человеком был, и он
Самозащиты признавал закон.

Да, положение было таково:
Иль он Хосрова, иль Хосров—его.

Творчество Навои проникнуто жгучей ненавистью к тиранам и поработителям народа. В „Смятении праведных“ Навои позволяет себе выразить без всяких аллегорий яркую ненависть народа к насильникам из правящих классов:

Кто к наслаждениям избрал насилия путь,
Тот проклят и презрен навеки в мире будь!

Прокляты, ненависть в народе тот найдет,
В ком угнетателя себе народ найдет.

Алишер твердо верил в народные силы, в то, что угнетатели, независимо от высокого сана, понесут должное возмездие. Он знал о ряде грозных народных восстаний, под-

нятых в Средней Азии против крупных хищных феодалов и до Тимура и при его потомках. Было восстание при Хусейне Байкара в Герате в 1470 г. Мы знаем, что Навои принял в гератском восстании сторону народа и выступил посредником между ним и падишахом. Навои признавал право восстания за народом, если не было других путей для обуздания угнетателей.

Отстаивая принципы человечности, Навои обращается в „Вале Искандера“ к правителям, которые жестоко наказывают людей за малейшую провинность:

Как много для него перестрадала мать,
Как мучилась всю жизнь, чтоб сына воспитать.

Чтоб сын спокойно спал, сама себя она
Лишала по ночам и отдыха и сна.

Раз тридцать небо путь свой древний обошло,
Покуда сын вошел в житейское русло.

А ты, кто сделал зло занятем, ты, увь,
Отдашь приказ—и он лишится головы!

В суровое время феодальных междоусобиц, приносивших неисчислимые бедствия народу, поэт мечтал о таком обществе, устои которого зиждились бы на прочном мире и дружбе. Алишеру казалось, что покой в стране может быть установлен только при помощи сильной централизованной власти монарха, могущего создать крепкую национальную державу.

В тех исторических условиях это было прогрессивной идеей, и не только для Средней Азии.

Говоря о процессе ликвидации феодальной раздробленности и создания централизованных национальных государств в Европе, Энгельс указывает, что „тенденция к созданию национальных государств, выступающая все яснее и сознательнее, является одним из существеннейших рычагов прогресса в средние века“¹. Такая централизация, ликвидируя феодальную раздробленность и неминуемо вытекавшие из нее войны опустошения, была мощным политическим фактором быстрого экономического развития каждой державы. Вместе с тем централизация создавала условия для успешной борьбы против внешних врагов и поэтому являлась „представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации, в противоположность раздробленности на бунтующие вассальные государства“².

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 444.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 445.

Народные интересы руководили Навои, когда он в своей поэтической и практической деятельности политика и дипломата ратовал за просвещенную монархию как прогрессивную форму государственного устройства в феодальном обществе.

Навои высоко ценит чувство любви к родине, хотя это понятие родины при феодальном строе и при отсутствии национального государства очень ограничено и неразвито по сравнению с современными представлениями о родине и патриотизме.

Для властительного феодала вообще нет понятия „родины“: он легко находит себе родину там, где ему удается мечом захватить власть и господствовать над населением. Изгнанный более сильным хищником, такой феодал находил себе новую „родину“ на других землях, где ему удавалось утвердиться.

Иначе понимал значение родины Навои. У него это понятие было тесно связано с любовью к народу и заботой о его благосостоянии. Родина в понимании Навои—земля, которую испокон веков обрабатывают земледельцы, закрепившие ее за собой своим кровным трудом.

Родную землю надо защищать от врагов-захватчиков всеми силами, потому что в этой защите—залог спасения народного блага.

Патриотизм в таком понимании Навои—естественное для человека чувство. Оно не имеет ничего общего с узким национализмом.

Навои меньше всего свойственны мысли о расовом различии, о превосходстве той или иной расы. В „Хамсе“ мы находим представителей многих стран и народов. Фархад—благороднейший человек из Китая. Его друг Шапур—иранец, Ширин—армянка, Меджунун—араб, Александр—грек. В произведениях Навои фигурируют негры, туркмены, русские, грузины, индусы. В людях Навои прежде оценивает душевные качества и для него не играют роли ни национальные, ни общечеловеческие различия.

В эпоху Навои расовые предрассудки проявлялись гораздо резче в Западной Европе. Неудивительно, что гуманисты Запада полемически защищали равноправие рас и исповеданий. Так, Шекспир в своем „Отелло“ доказывает, что белый Яго чернее, чем мавр Отелло.

У Навои такая проблема не возникает. Но он наносит удар религиозному фанатизму ислама, разделяющему человечество на правоверных и неверных, рисует людей различных вероисповеданий, уважающих друг друга и становящихся союзниками в общем деле.

Когда Фархад попал в плен, он легко мог бы бежать из темницы, но он не хочет делать этого. Ведь он подвергнет смертельной опасности приставленных к нему стражей, чуждых ему персов. Но он знает, что тиран Хосров погнал их на войну, и он сочувствует этим несчастным жертвам насилия.

... Я не убегу,
Вас бедствиям подвергнуть не могу.

Вам жертвовать собою нет причин,
Вас сотня здесь несчастных, я—один,

Такой поступок совершить нельзя,
Ценой невинных жизней жить нельзя...

Реакционные мусульманские ученые считали непогрешимым учение корана и отрицали науку и философию как выдумку „неверных“. Мы знаем, что Навои с большим уважением относился к именам великих античных философов. Мы встречаем у него упоминания имен и Сократа, и Платона, и Аристотеля. Отблески такого отношения к пылливой мысли греков мы видим и в „Фархад и Ширин“, и в „Вале Искандере“. Когда отец Фархада, китайский владыка, отправляется в Грецию, он выражает глубокое уважение к древней эллинской культуре и к ее великим философам:

Почтил он, озадачив мудрецов,
На должности назначив мудрецов...

Сказал он: „Я пустыню пересек
Не для того, чтобы разорен был грек.“

Не на чужие страны льстился я,—
Иной мечтой руководился я...“

Эта мечта является и мечтой самого Навои: приобщаться к мудрости греческих философов, учиться этическим принципам у Платона и Сократа. Навои указывает в „Семи планетах“, что греческие философы „не действовали из личной корысти, они поступали так, как нужно, чтобы строить правильную жизнь“. Среди многочисленных персонажей „Фархад и Ширин“ мы находим и Сократа. Эллинский философ представлен как образец духовного совершенства:

То совершенный разум так сиял,
То чистый дух как зодиак сиял.

Свет исходил не только от лица,—
Лучился дух сквозь тело мудреца...

Греция для Навои—благословенная, счастливая страна потому что она „обрела красоту благодаря мудрости“.

Разумный, светлый патриотизм Алишера приводил его к сознанию, что благо родины не может быть достигнуто без связей с передовыми странами, без уважения к чужим народам. „Пусть и Восток и Запад будут твоей обителью,— что за беда, лишь бы ты достигал желанного“.

Фархад, горячо любящий родину, свой сказочный Китай, выражает глубокое сочувствие Армении, на которую обрушились полчища захватчиков:

Я знаю, как угнетена страна,
Которая врагом покорена...

В письме к Ширин Фархад связывает любовь к прекрасной девушке с любовью к ее стране, переживающей суровые дни:

Те бедствия, что грозный небосвод
Обрушил на тебя, на твой народ,

Столь велики, что не могу дерзнуть
Сказать, что я страдал когда-нибудь.

Но даже это малое—уже
Невмоготу терпеть моей душе

И жертвой искупленья за вас
Она готова стать хотя б сейчас.

* * *

Как мы видели, проблема любви занимает большое место в „Хамсе“. Навои укорял своих предшественников в том, что они „отстранили любовные чувства от изображения“, в том, что „в их изображениях нет любовных страданий“. По словам Навои, его неизменной целью является:

Людей любви запечатлеть следы—
Их судьбы, скорби, подвиги, труды.

Едва ли Навои руководствовался желанием сделать свои поэмы более занимательными благодаря любовной интриге. Здесь действовали более существенные соображения.

Женщина в феодальном обществе являлась предметом купли-продажи, выгодной сделкой. Властители и их сановники, беки и нойоны на Востоке, феодальные сеньоры и рыцари на Западе чаще всего женились из корыстных, династических, политических и дипломатических соображений. Таким образом, средневековый брак вовсе не был союзом

любящих сердец; он представлял собой грубую материальную силу, прозу жизни.

Стоит припомнить высказывание Энгельса о рыцарской любовной лирике: „... рыцарская любовь средних веков отнюдь не была супружеской любовью. Наоборот. В своем классическом виде у провансальцев, рыцарская любовь прямо стремится к нарушению супружеской верности, и поэты это воспевают“.¹

На мусульманском Востоке многоженство, дозволяемое кораном, и строгости затворнической гаремной жизни—в еще большей мере, чем на Западе, угнетали женщину, делали ее обезволенной рабыней мужа-господина. Подлинные чувства были здесь, как и на Западе, редким исключительным явлением и существовали главным образом в мечтах и творениях поэтов, „людей не от мира сего“.

Навои дает поэтическое определение подлинной, идеальной любви в форме диалога между Хосровом и Фархадом. С одной стороны, мы видим грозного грубого завоевателя, желающего силой завладеть Ширин, с другой стороны—тонкого и нежного влюбленного, пленника шаха-тирана. Для Хосрова Фархад—безумный соперник, несчастный Меджнун. Он не может понять силу и сущность подлинной любви.

Хосров спрашивает:

—Каким владеешь в жизни ремеслом?

Фархад отвечает:

Горением любви, враждой со злом.

Хосров:

Кто ж ремеслом таким бывает сыт?

Фархад:

Горящий сыт огнем,—любовь гласит.

Хосров:

Не сказка ль твоя любовь навек?

Фархад:

То знает лишь горящий человек.

Хосров:

А в чем же суть горения твоего?

Фархад:

Кто носит сан, тот не поймет его.

Хосров:

Давноль твое горение началось?

Фархад:

Когда душа и тело были врозь.

Хосров:

Не отречешься ль от любви своей?

Фархад:

Сам отрекись от этих слов скорей.

Хосров:

Что ты считаешь мукой для любви?

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XVI, ч. I, стр. 51—52.

Фархад:
Страшней всего разлука для любви.
Хосров:
В чем благодать влюбленных, сила их?
Фархад:
Свиданье, благосклонность милой их.
Хосров:
В возлюбленной ты очарован чем?
Фархад:
Ее ревную к языку—я нем.
Хосров:
Любовь ее в себе где носишь ты?
Фархад:
А душу—где, зачем не спросишь ты?
Хосров:
Мечтаешь о свиданьи с пери той?
Фархад:
Да, но довольствуюсь одной мечтой.
Хосров:
Мед каплет с уст ее,—так говорят.
Фархад:
Для друга—мед, для недруга—в них яд.
Хосров:
Не сгубят ли тебя ее уста?
Фархад:
О, эта гибель—вся моя мечта!
Хосров:
Так что ж любовь: ущерб, убыток лишь?
Фархад:
Такой ущерб для любящих барыш.
Хосров:
Однако больше пользы в жемчугах?
Фархад:
Пред философским камнем жемчуг—прах.
Хосров:
Себя, дервиш, не шахом мнишь ли ты?
Фархад:
Любовь не судит—шах, дервиш ли ты?
Хосров:
Меджнуун, подумай о своей судьбе!
Фархад:
Влюбленный не печется о себе.
Хосров:
А если я страну тебе отдам?
Фархад:
О, шах, становишься ты жалок сам.
Хосров:
За дерзость ты заплатишь головой!
Фархад:
Уж лучше казнь, чем разговор с тобой...

Фархад и Ширин любят друг друга за высокие человеческие качества. В феодальном мире такая любовь, естественно, необычна, и о ней рассказывает Ширин как об идеале:

Круговращенье вечное небес
Таких еще не видело чудес.

Такой любви, как между ним и мной,
Примером ставшей для любви земной.

Не преходящей похотью сильна,—
Сильна была единством душ она.

Такая любовь кажется окружающим неестественной. Для них обычны браки-сделки или чувственная связь мужчины и женщины. Вот почему грубый Хосров называет Фархада Меджнуном, вот почему Кейс слывет безумцем.

Но действительно ли вызывающим жалость безумцем представлял себе Навои Кейса? Разумеется, нет. Люди не могут не замечать его честности и благородства. Когда дочь Науфалья выходит замуж за Меджнуна, она раскрывает ему свое сердце, потому что над ним „горит свет верности“. Оказывается, что у нее тоже есть человек, страдающий по ней:

И я внушила страсть душе одной,
Есть у меня любимый, есть больной,

Из-за меня сгорает он в огне,
Привязан путами любви ко мне.

И я люблю, горю я вместе с ним,
Но пламя наше в тайне мы храним.

Подумай сам; что будет, если вдруг
Услышит он, что мне Меджнуун—супруг?

Как нынешнюю ночь он проведет?
Не в силах жить, он гибель обретет!

Отныне тайну знаешь ты мою,
О милости, Меджнуун, тебя молю:

Поняв, что перед другим в долгу,
Что поступить иначе не могу,—

Ты встанешь и покинешь мой шатер,
Не выставишь меня ты на позор.

Меджнуун разлучен с Лейли, которая выдана за нелюбимого; дочь Науфалья не может соединиться с тем, кто так любит ее. Навои вскрывает любовные трагедии, вызванные средневековыми воззрениями на детей, как на собственность родителей. Юноши подчиняются их требованиям жениться на девушках, к которым они не чувствуют сердечного влечения. Девушки представляют собой товар, который родители стараются сбыть повыгоднее. Это—обычное и узаконенное явление в феодальном обществе и на Востоке и на Западе. Всякое отступление неуклонно ведет к трагической развязке.

Семейные устои средневековья требовали от женщины беспрекословного подчинения главе семьи. Женщина всегда была рабой, сперва как дочь, потом как жена. Особенно тягостным это рабство было в странах ислама, допускавшего многоженство.

В образах Фархада и Меджнуна Навои как бы давал примеры единой и цельной любви, которой не страшна и самая смерть. Развратные шахи, вроде Хосрова, изображены Навои как сладострастники, ищущие любовных приключений и подбирающие коллекцию женщин для своих гаремов. Это—люди, не имеющие представления о подлинной любви, они достойны презрения.

Навои—поэт чистой и высокой любви. В его произведениях нет места легкомысленным и галантным похождениям любовников.

У Навои люди, не любящие друг друга, насильно соединенные браком, не одержимые взаимной любовью, проявляют благородство и целомудрие. Такие человеческие качества проявляет, например, юноша Фаррух, сын индийского царя Джасратхана. Его историю рассказывает один из путников в „Семи планетах“.

Подобно Фархаду, Фаррух не стремится к власти над людьми, его не интересует пышность придворной жизни. Он уезжает в Сирию, и, надев на себя лохмотья, бродит в окрестностях одного города. Щедрый и благородный Ахи, случайно встретив его, вводит его в свой дом. Когда он узнает, что этот юноша безумно полюбил его жену Гульчихру, Ахи отдает жену Фарруху. Фаррух увозит Гульчихру в Индию, оставив свои лохмотья на память Ахи.

В отсутствие Фарруха в Индии умирает его отец. Фаррух получает престол, но власть и богатство не может пленить Гульчихру, она любит своего первого мужа.

Фаррух уважает цельность чувства Гульчихры. Он поселяет ее в построенном для нее дворце, и там она живет, не разделяя ложа с Фаррухом.

Ахи испытывает превратности судьбы. Его бросают в тюрьму по подозрению в заговоре. В лохмотьях, оставленных Фаррухом, ему удается бежать в Индию. Там случайно его встречает Фаррух, узнает по одежде, радостно приводит Ахи в свой дворец. Он объявляет благородному человеку, что хочет выдать за него свою сестру, приводит во дворец Гульчихру, и там Ахи вновь обретает свою жену, прославляющую честность и целомудрие Фарруха.

Но не всегда Навои приводит любовные конфликты к такому благополучному разрешению. Гибнут Фархад и Ширин, Лейли и Меджун, потому что им не дано сломить

зло и жестокость окружающего мира. Но, погибая, они как подлинно трагедийные герои, утверждают правоту идеи, за которую боролись.

В поэмах Навои, независимо оттого, где происходит их действие—в Китае, Сирии, Аравии или Индии,—сквозь причудливость фантастики ясно проступает тенденция к реальному изображению современных поэту общественных явлений; поэта-мыслителя волнуют современные ему живые люди с их стремлениями.

Возникает вопрос, почему Навои как бы нарочито переносит действие своих поэм в чужие страны. Высказывалось предположение, что это—поэтический прием, вызванный желанием увлечь читателя „экзотикой“.

Возможно, что Навои рисует чужие земли, нравы и обычаи для придания поэмам сказочного колорита. Но основное не в этом. Навои не плоскостной бытописатель. Он—философ, дающий в своих образах идеальные картины человеческих отношений, нравов и обычаев, которые несвойственны феодальному миру и о которых он мог только мечтать.

Поэты европейского Возрождения любили утопии, вводили читателя в сказочные, несуществующие страны. Рабле в „Гаргантюа и Пантагрюэле“ рисует жизнь на материках и островах, не нанесенных ни на одну географическую карту. Шекспир избирает ареной комедий Италию, лучезарную, залитую южным солнцем, совсем не похожую на Италию его эпохи. Руставели выводит героев „Витязя в тигровой шкуре“ за пределы средневековой Грузии и превращает их в арабов, тюрков, мавров. В основе этого приема столь разных по национальности и стилю поэтов лежит общее желание—оторвать от плоской и повседневной действительности жизнь и дела своих героев, приподнять их над этой действительностью, рисуя картины прекрасного будущего в какой-то неведомой и фантастической стране, выразить страстный протест против тирании, против несовершенства своего века.

Так поступает и Навои. Он видит своих героев или в историческом прошлом, когда говорит об Александре Македонском, Хосрове, Парвизе или Бахраме, или—в современности, но в далеких сказочных землях.

Проблема любви, всесторонне освещаемая поэтом, играет в его творчестве первенствующую роль, потому что любовь для Навои—не только глубокое индивидуальное чувство; любовь для него могучий общественный фактор. Любовь—двигатель, побуждающий бесправную женщину его

эпохи бороться за свое счастье, за эмансипацию человеческой личности.

Любовь Ромео и Джульетты в трактовке Шекспира перерастает рамки личной трагедии. Вражда патрицианских семей Монтекки и Капулетти мешает соединению прекрасных молодых людей. Как бы они не были сильно и самоотверженно преданы друг другу, они не могут сломить вековых феодальных предрассудков и гибнут как бесильные жертвы мира беззакония и произвола.

В „Лейли и Меджнуи“ Навои герои поэмы разлучены вследствие кровной вражды между племенами. „Трагическая вина“ Меджнуна заключается в том, что он стремится к браку по любви, а не по выбору старейшин своего племени. Мораль филономическая (родовая) вступает в резкий конфликт с моралью онтономической (индивидуальной), и Меджнуи предстает перед нами как бунтарь против устаревших норм этики.

Меджнуи, одержимый всеослепляющей любовью, так далеко заходит в своей борьбе за право любить, что посягает не только на земные устои, но и божественные, освященные исламом. Когда Меджнуна отправляют в Мекку в надежде, что там у великой мусульманской святыни он исцелится от любви к Лейли, он обращается к богу со словами, в которых содержатся резкие выпады против учения о предопределении (фатализме):

Геенну заслужил я? Раскали
Геенну—страстию пламенеть к Лейли.

Достоин места я в твоём раю?
Дай вместо рая мне Лейли мою.

Любовь в поэмах Навои побуждает героев к деятельности, к борьбе против семейного и общественного гнета. Бо имя любви к Ширин Фархад совершает свои подвиги; любовь Меджнуна к Лейли даёт повод другу Меджнуна Науфалию вести войну с племенем Лейли, когда вождь племени отказывается выдать Лейли за Меджнуна.

Так многосторонне и глубоко поставлена проблема любви в „Хамсе“ великого поэта.

* * *

Алишер Навои по праву может быть назван певцом женщины. В „Хамсе“ мы находим вереницу пленительных женских образов.

Навои — мастер в изображении женской красоты. Он избегает традиционных для восточной поэзии сравнений и метафор при описании своих героинь, он ищет в них не только черты общепризнанного канона красоты, а черты личности, индивидуальность. Описывая губы Ширин, Навои говорит:

Как от вина—влажны, и даже вид
Той винной влаги каждого пьянит.

Но вкус—как сахар, но понять изволь,
Что те же губы сыпали и соль.

Изображая щеки Ширин, Навои находит свою незабываемую характеристику:

Нет роз, подобных розам нежных щек:
На подбородке—золотой пушок

Так тонок был, так нежен был, что с ним
Лишь полумесяц узенький сравним.

При солнце проступающий: бог весть,
Воображаем он иль вправду есть.

Еще одна деталь в портрете:

И о ресницах мне сказать пора:
Что не ресничка, то конец пера.

Подписывающего приговор
Всем, кто хоть раз на пери бросит взор.

Но поэта интересуют главным образом душевные качества героинь. Они не пассивные рабы, затворницы гаремов, а равноправные члены общества. Если в своей стране Навои находил немного прототипов для создания таких действительных женских образов, то он охотно обращался в чужие, полусказочные страны и находил там свой идеал женщины.

Навои в своих творческих мечтах видел женщину, освобожденную от патриархальных предрассудков и традиций, женщину, осуществляющую свою волю и самостоятельно распоряжающуюся своей судьбой.

Такова, например, правительница Армении Михин-бану. Это мудрая и справедливая женщина, для которой главное в жизни сила и безопасность страны. Подданные Михин-бану—каменотесы, прокладывающие канал в горах, так характеризуют правительницу Армении:

Венчает добродетелью страну
Царица, наш оплот—Михин-бану.

Есть сорок крепостей у нас в стране,
Их башни с Зодиаком наравне.

Сокровищ у Михин-бану в казне—
Никто не видел столько и во сне.

На лик ее венец не бросил тень,
Но день с венцов берет он, что ни день

Опора нам владычество ее,
Отрада нам владычество ее.

Михин-бану—женщина решительная. Когда тиран Хосров вторгается в Армению, он встречает стойкое сопротивление. Крепость прекрасно защищена и снабжена припасами. Народ героически сражается с ордами захватчиков, и Михин-бану выступает как организатор народного сопротивления.

Ширин также отличается умом, знаниями и чувством справедливости. Она полюбила Фархада не только за его красоту и преданность ей, но за его высокие душевные качества.

Ученый мастер самый лучший ты,
Батыр отважный и могучий ты.

По сравнению с Ширин, понимающей любовь как защиту человеческих прав и человеческого достоинства,—какой бледной тенью встает перед нами невеста французского рыцаря Роланда—Альда в знаменитой „Песне о Роланде“. Альда—кротка и безропотна, ей не дано вступать в борьбу, и узнав о гибели Роланда, она умирает, сломленная горем. Женщина христианского средневековья—объект для поклонения рыцарей, или жена—раба твоего сеньора. Она живет под непрерывным надзором отца и мужа и только в XV—XVI в., когда изменяются формы средневекового устройства семьи, мы видим женщин—ученых, политиков и даже воинов, открывателей новых рынков и торговых путей.

Навои отстаивает право женщин проявлять свою деятельность во всех областях жизни. Навои рисует наперсниц Ширин, десять девушек из дворца Михин-бану. Каждая из них могла блеснуть своим искусством.

Одна могла в моря стихов нырять,
Та—круг мелодий пляской измерять;

У третьей—третий дар: была она
В живописаньи логики сильна;

Четвертая—чертежинцей была,—
Чертила геометрии тела;

Искусство пятой—алгебра; шестой—
Отпущен был дар слова золотой;

Науки естества—даны седьмой;
Вершины философии—восьмой;

Девятая—преданья древних дней
Хранила в ясной памяти своей;

Десятая—загадок мудрых клад
Могла бы расточать хоть год подряд.

Так воображению Навои рисуются женщины поэтессы, художницы, математики, ораторы, естествоиспытатели, философы, историки. Быть может, Навои находил много таких женских дарований в Герате, но он мечтал о том, чтобы в расцвете науки и искусств родного города женщины принимали активное участие.

Навои видел и знал по личному опыту, что надо обладать стойкостью и волей для того, чтобы преодолевать жизненные невзгоды, поэтому ставил своих героинь в острые напряженные ситуации. И тогда характерные черты их личности раскрываются во всей широте. Такова, например, сложная ситуация в истории Гульчихры, одной из героинь „Семи планет“. Стойкость, благородство и целомудрие жены Ахи, отданной чужому человеку—Фарруху, четко вырисовывается по мере нарастания действия.

Разумеется, на первом месте среди женских образов Навои стоит Ширин. Когда послы Хосрова являются во дворец Михин-бану с предложением выдать Ширин замуж за могучего царя, Ширин решительно требует от своей тетки, чтобы она отказала Хосрову. Она не может соединить свою жизнь с нелюбимым. Это было бы страшным пленом для нее:

...Если средство есть,
То пусть Бану мою спасает честь.

А если нет, его найдет Ширин:
Сама себя тогда убьет Ширин!

Также предана царю Бахраму красавица Диларам. Когда разгневавшись на свою возлюбленную, Бахрам обрекает ее на страшное наказание,—даже это не отвращает ее от Бахрама. Она считает себя виноватой в том, что разгневала царя. Девушка готова просить прощения у него и тяжело переживает разлуку с Бахрамом.

Такова и история Михр, дочери одного князя, спасающей своего жениха Сухейля из плена („Семь планет“).

В подобной же сюжетной ситуации Навои дает образ дочери правителя Джайсура, Гульрух. Эту историю рассказывает один из путников в „Семи планетах“.

Навои вправляет в рамку авантюриной новеллы рассказы о доблести, находчивости и самоотверженности своих героинь. Наряду с решительными женщинами, идущими плечом к плечу с мужчинами в преодолении невзгод, Навои знает и женщин более пассивных, живущих только одним чувством. Такова, например, Лейли. Она трогательна в своей преданности Меджнууну; отказаться от любви к нему она не может, „даже если весь мир станет того требовать“. Несмотря на пассивность и слабование, Лейли стойка в своей любви.

Навои неисчерпаем и разнообразен в изображении сложных и часто противоречивых характеров своих героинь. И здесь сказывается широта мысли Алишера Навои, не знавшего национальной узости. Он прославляет мудрость женщины Армении—Михин-бану и Ширин; он отмечает благородные чувства аравитянок—Лейли и дочери Науфаля; китайка Диларам пленяет своей красотой и высокой одаренностью; Гульрух и Михр, дочери Индии, спасающие своих возлюбленных в минуту опасности, достойны высшего уважения.

В пору, когда грамотность была достоянием узкого круга людей, Навои наделяет умением прекрасно излагать свои мысли не только героев „Хамсы“, но и героинь. В письме Ширин к Фархаду проявляется ее большой ум. Но оно замечательно и по форме. Ширин выражается необычайно образно, строит свою речь логически: сперва отмечает высокие моральные и физические качества Фархада, затем говорит о своей преданности ему и, наконец, чувство берет верх над рассудком, диктующим сдержанность, и Ширин страстно объясняется Фархаду в любви, хотя и терзается тем, что любовь к нему послужила причиной зверского нападения Хосрова на Армению.

Лейли, подобно Ширин, берется за перо, чтобы сказать любимому Меджнууну о своей любви.

Навои рисовал романтические, идеализированные образы женщин, которые были похожи на реальных женщин его страны и эпохи лишь некоторыми чертами. Должно быть, немногие из современниц Алишера могли по широте образования и глубине чувства служить образцами для его героинь. Ясно одно: Алишер Навои видит в женщине прежде всего свободную и равноправную с мужчиной личность. Он защищает ее право на личное счастье и доказывает, что при соответствующих условиях женщина может создавать культурные ценности и занимать почетное место в обществе и государстве.

„Хамса“ как художественное целое

„Хамса“—это плод гигантского творческого труда Навои. Но это также поэтический синтез философской и художественной мысли многих веков и поколений.

Обращаясь к тем поэтам, которые до него брались за „Хамсу“, Навои писал:

Предшественники! Черпали вы здесь,
Но ценный жемчуг не исчерпан весь.

Бездонное море слов! никто из нас
Не может истощить его запас.

И даже я, беспомощный ловец,
Нырнувший в это море, наконец,

Успел собрать столь драгоценный груз,
Что им теперь по праву я горжусь...

Навои прекрасно понимал трудности, стоявшие на его пути: ему приходилось состязаться с поэтами, писавшими на персидском языке, имевшем большие литературные традиции; в первую очередь Навои соперничал на поприще создания „Хамсы“ с гениальным азербайджанцем Низами.

Рукой схватив такую „Пятерню“,
В руке надолго ль силу сохранию?

У всех трещали пальцы до сих пор,
Кто с Низами вступал в подобный спор.

Быть надо львом, чтоб рядом сесть со львом,
Тем более, чтоб в драку лезть со львом.

Навои тщательно изучил литературное наследие великих поэтов и прекрасно овладел техникой персидского стихосложения. Не надо забывать, что в эпоху Навои придавали огромное значение форме, и отделка стиха нередко достигала поразительной виртуозности. Нередко произведения изощренного поэта превращались в головоломку, и разгадать тайный смысл такой поэзии могли лишь избранные читатели, проникавшие в сложные построения стихотворца. Это была поэзия для узкого, избранного круга, до народа она не доходила, и народ ничего не мог бы почерпнуть из этой искусственной формалистской поэзии.

Как известно, Навои еще в юношеском возрасте писал на персидском языке под псевдонимом Фани. Одновременно Алишер писал и по-узбекски. Предполагают, что первый его диван был создан на узбекском языке, когда поэту было приблизительно двадцать пять лет.

В „Суждения о двух языках“ Навои доказал, что его родной язык открывает огромные возможности для поэзии, так как обладает богатейшей лексикой, пригодной для уточненной формы, для самого глубокого содержания.

Содержание для Навои играло первенствующую роль. Изошренность формы он считал нужным, но не самодовлеющим делом. В пояснении к „Фархаду и Ширин“ Навои высказывает следующие замечательные мысли;

Дом живописью украшать решив,
Так выстрой дом, чтоб сам он был красив.

Пусть рифма у тебя в стихах звонка,
Пленительно преданье, мысль тонка,

Но в летописи давних лет винкай,
В рассказы стариков, поэт, винкай.

Ты, может быть, еще откроешь клад,
Что пропустил предшественника взгляд;

И этот клад народу предъяви,
Чтоб стал достоин ты его любви.

А то, что сам народ воспел,—к чему
В таком же виде подавать ему?

Ни наслажденья, ни почета нет—
Коня гонять чужим коням вослед.

На той лужайке, где не первый ты,
Как соберешь ты лучшие цветы?

Ведь не одна лужайка в цветнике,
А ты не попросайка в цветнике...

Алишер Навои последовательно осуществлял задачи, сформулированные в этой поэтической декларации. Он оригинально ставил проблемы общественного устройства, любви, семьи, брака, освобождения личности. Создавая „назиры“ (ответы) на поэмы своих предшественников, Навои отнюдь не был „погонщиком коня чужим коням вослед“. Его „Хамса“ представляет собой законченное художественное целое как по форме, так и по содержанию.

Каждая поэма—замкнутое целое по сюжету и разворачиванию действия. Герои не переходят из поэмы в поэму.

Чем же связаны пять поэм „Хамсы“ между собой? Только общей идейной направленностью поэта, по-новому рассказавшего широко известные народу романтические истории о Фархаде и Ширин, о Лейли и Меджнуне, о приключениях царя Бахрама.

В чем новизна трактовок Навои? В том, что он воплощает в своих героях мечты о свободном человеке, о творце своего счастья.

В соответствии с этим Навои строит сюжет и композицию своих произведений. Желая показать в „Лейли и Меджнуне“ трагические последствия обычая женить молодых людей, не считаясь с их чувствами и влечениями, Навои приводит примеры глубоко несчастных браков: Меджнуна насильно женят на дочери Науфала, хотя Меджнун любит только Лейли, а дочь Науфала имеет возлюбленного. Лейли насильно выдает замуж за Ибн-Селама, хотя она навек предана Меджнуну.

У предшественников Навои эти мотивы отсутствовали, и они не делали упора на этическую сторону патриархальных браков мусульманской семьи.

Навои интересуют главным образом проблемы земной любви и земных, человеческих чувств. Поэтому Навои вводит в сюжет эпизод страстной встречи Лейли и Меджнуна, после того как Лейли покинула дом внезапно умершего мужа, а Меджнун оставил дочь Науфала.

Навои мягко и целомудренно описывает близость влюбленных, которые „как плющ и кипарис переплелись“. Навои оправдывает эту неосвященную догмой ислама связь, потому что видит в ней огромную нравственную силу и чистоту. В этой связи—подлинная любовь и подлинная страсть:

Не страшен путь греха такой чете,
Их даже грех приводит к чистоте.

Кто чистотою равен им, для тех
Вовек любовь не превратится в грех.

Влюбленный должен чистым быть всегда
Любовь желанью грязному чужда!

На этом примере отчетливо видно, как Навои подчиняет сюжетные ходы поэмы определенному идейному замыслу. В композиции отдельных частей „Хамсы“ нет случайностей или „проходных эпизодов“, вставленных ради занимательности. Все четко продумано и рассчитано, словно Навои имел возможность циркулем геометра измерять вольный полет творческой фантазии.

Навои применяет интересный прием, чтобы убедить читателя в „авторской объективности“. Каждую главу поэмы (это мы находим в „Фархад и Ширин“ и в „Лейли и Медж-“

нун“) Навои открывает двустихием, ссылкой на какого-то рассказчика:

Кто вяжет в книгах тонких мыслей вязь,
Так свой рассказ украсил, вдохновясь.

(„Фархад и Ширин“)

Стронтель корзбельный о таком
Рассказывает случае морском.

(Там же)

Гот, кто перо печали в руки взял,
Так эту книгу скорби написал.

(Там же)

Тот, кто уроки мне давал не раз,
В науке слова так повел рассказ.

(„Лейли и Меджнун“)

Кто слова своего копье метнул,
Калама так поводья повернул.

(Там же)

Навои придает каждой поэме „Хамсы“ свои композиционно-стилевые особенности. Повествование о Фархаде и Ширин, разбитое на главы, он прерывает всякий раз обращением к кравчему, прося у него налить чашу вина. Здесь проявляется неисчерпаемая находчивость поэта, который в зависимости от настроения, навеянного ходом излагаемых событий, меняет сорт вина.

Стоит Навои дать пышное описание китайских дворцов и роскошных яств, подаваемых на пирах, и он заканчивает главу таким обращением:

Китайской красотой пленен давно,
И я люблю китайское вино;

Так не забудь же, кравчий, и щедрей
На том пиру и мне вина налей.

Рассказывая о жестокостях насильника Хосрова, осадившего крепость в Армении, Навои так заключает главу:

Дай, кравчий, чашу неба—и не спорь!
Налей вина алей вечерних зорь;

Познаю винной крепости игру,
Пойму войны свирепость и игру.

Описав трагическую смерть Ширин у бездыханного тела Фархада, Навои восклицает:

Покрепче, кравчий, мне вина налей!
С возлюбленной я обнимусь своей.

Мы будем спать, пока разбудит нас
Дня воскресенья мертвых трубный глас.

Прославление вина, дающего забвение горестной жизни, обращение к кравчему — в традициях классической поэзии мусульманского Востока. Об этом пели Хафиз, Омар Хайям, такие мотивы гедонизма звучат у многочисленных второстепенных поэтов Востока. В поэзии Навои также нет недостатка в использовании таких традиционных мотивов. Однако весьма характерно для высокой идейности творчества Алишера, что он даже посредством традиционного обращения к кравчему дает читателю представление о тех чувствах и настроениях, которые должна вызвать та или иная глава.

В сюжетных построениях, как мы уже отметили, Навои не допускает случайностей, нигде не вводит параллельного действия, и придерживается строгой последовательности во времени. Он часто переносит повествование из одного лагеря в другой, но никогда не описывает того, что одновременно происходит в двух местах.

Так, например, рассказывая о том, как Хосров отправляет к Ширин посла с предложением стать его женой, поэт расстается с Хосровом и его приближенными и переносит действие в Армению, страну Ширин. Далее изображается прибытие посла к тетке Ширин, Михин-бану. Михин принимает решение, затем беседует о сватовстве Хосрова с Ширин и, наконец, вежливо отказывает послу шаха. После этого действие снова переносится во дворец Хосрова, когда посол возвращается с отказом. Такая последовательность проводится как закон во всех поэмах „Хамсы“.

Навои стремится к тому, чтобы действие в „Хамсе“ развивалось плавно, без скачков и было естественным и правдоподобным. Для усиления правдоподобия поэт часто прибегает к реалистической тщательной подаче деталей. Навои ищет правдивого изображения человеческих чувств, страстей и переживаний, поэтому он придает большое значение мотивированию поступков героев. Отец Лейли требует решительного разрыва дочери с Кейсом; он считает, что необычайная, безумная его любовь, на которую обращают внимание окружающие, позорит дочь. Прекрасно мотивирован отказ дочери Науфаля от Меджнуна ее любовью к другому человеку. Психологически верно обосновано поведение Науфаля, который сперва пробует уговорить отца Лейли отдать дочь за Меджнуна, затем, получив оскорбление в ответ, идет войной на отца Лейли, и, наконец, по просьбе Меджнуна, прекращает борьбу, так как Меджнун боится, что строптивый отец Лейли скорее убьет дочь, чем отдаст за него, носящего презрительную кличку безумца.

По ходу действия раскрывается многосторонность характеров героев и героинь. Благородство Науфаля неоднократно

но подвергается трудным испытаниям. Так, желая утешить Меджнуна, он предложил ему в жены свою дочь. Но Меджнун расстался с ней после брака, не став ее мужем. Это было оскорблением для Науфаля, для его дома, его племени, но его разум и благородство преодолели обиду и страдания. Он понял, что „здесь не виновны даже сын и дочь“, он только сказал: „Забудем все, не в силах мы помочь“.

Никогда Навои не рисует героев одной краской. Никогда также, кроме сцен первого знакомства с ними, он не дает им голословных характеристик. Он ставит героев в такие обстоятельства, при которых легче всего раскрывается их характер. Навои говорит об отзывчивости и трудолюбии Фархада, о многообразии его технических знаний, но все эти качества обнаруживаются в действиях Фархада. Когда Фархад попадает в Армению и видит рабочих, угнетенных непосильным трудом и свирепыми надсмотрщиками, он сразу решает, что должен помочь несчастным:

Хоть и не за тем пришел сюда,
Но слишком велика у них беда.

Точно так же в действии раскрываются отвратительные свойства Хосрова, его сына Шируйе и советника Бузурмехра. Мы видим жестокость, вероломство и необузданную гордость злодея Хосрова. Он уничтожает села и города, подвергает жителей истязаниям и пыткам. Но и этот злодей — не беспросветно черен в изображении Навои. Когда Фархад, пленник Хосрова, выявляет величие духа, в сердце Хосрова возникают муки сомнения, и он не решается казнить Фархада, мужественно обвиняющего шаха в злодеяниях.

Бахрам, раздраженный дерзким ответом красавицы-рабыни Диларам, жестоко расправляется с нею. Но затем его терзает раскаяние, он проводит бессонные ночи, горько оплакивая потерю. Чувство любви облагораживает даже такого деспота как Бахрам.

Когда поэт дает характеристики героев, интересно отметить, что здесь большую роль играют нравственные качества изображаемых людей. Отец Меджнуна выступает не только как глава племени, человек высокого сана, — отмечаются его гостеприимство и покровительство бедным и обездоленным:

Искусство щедрости его влекло,
И превратил он мудрость в ремесло.

В образе отца Лейли отмечаются сила воли и вспыльчивость:

Был гнев его горячим, жестким был,
Но камень гнева мягким воском был.

Художник Шапур, с которым Фархад встречается случайно, делает его своим другом, разделяя с ним тяготы борьбы с врагами, получает такую краткую, но выразительную характеристику:

Шапуrom назывался он. Шапур
Был с виду необщителен и хмур,

Всегда задумчив, не весьма речист,
Но был он добр душой и сердцем чист.

Был молод, првлекателен он был,
Умен и наблюдателен он был.

Определяя основные свойства героев, Навои, естественно, останавливается на тех из них, которые имеют существенное значение для развития действия и идейной нагрузки образа.

Наряду с такими четкими реалистическими характеристиками персонажей поэм, мы встречаем и другие, построенные по принципу гротеска и нарочитой гиперболизации. Иногда поэт хочет подчеркнуть сказочность поступков своих героев, сделать их деяния предметом философских обобщений. Так описывается китайский хакан, отец Фархада:

Звезд в небесах, а на земле песка
Нам нехватило б счесть его войска...

Завоеватели пред ним — рабы,
Слают ему владенья, гнут горбы.

Как океан, как золотой рудник,
Он был богат и щедрым быть привык.

Нет, не рудник! Скажи, что он там был
Небесным сводом, горизонтом был.

Так описывается дух зла Ахриман, сраженный Фархадом:

Разбрызгивая смертоносный яд,
От головы до пят искраь, как ад,

Валил он ревом-мироздания лес,
Он воплями шатал чертог небес.

Так каждый волос вздыбился на нем,
Как будто стал копейным острием.

А впрочем, нет, не копы были то,
А страшных змей подобья были то...

Был ростом выше башен Ахриман,
Как страшный суд, был страшен Ахриман.

Сказочное преувеличение, гиперболичность — характерный прием Навои, когда поэт рассказывает о подвигах своих героев в бранном деле или в области знания. Фархад, как и подобает легендарному богатырю, уже в десять лет:

... Хватая на бегу,
Мог разгибать от радуги дугу;

Тупой стрелой он мог Арктур пронзить,
А острой мог зенит он занозить.

Планету Марс он на аркан ловил,
Созвездью Льва хребет он искривил;

Он выжал воду из созвездья рыб;
Он шестопером семь бы сфер прошиб.

Со скоростью круженья сфер — свое
Умел меж пальцев он вращать копые

Так, что казалось — он прикрыт щитом,
Полноосвода им затмив притом.

Эти пышные прославления доблести и ума, подаваемые в таких преувеличенных тонах, Навои с большим тактом сочетает со строго обдуманым и размеренным ходом действия, с весьма логическими и мотивированными поступками героев.

Если Навои надо признать большим мастером характеристики портрета, то не менее искусно рисует он пейзаж. Изображение природы занимает большое место в поэмах Навои, причем природа никогда не является у него только фоном, а как бы обязательной составной частью произведения. Силы природы, добрые и злые, активно участвуют в жизни героев Навои, сочувствуют их горю, содействуют их счастью.

Прекрасной ночью, под открытым небом происходит страстное свидание Лейли и Меджнуна:

Все крохотные твари в эту ночь
Стремилась двум любовникам помочь.

Раскинул нитку длинную паук:
Закрыв их паутиною паук.

Чтобы влюбленных скрыть, на мир легло
Летучей мыши серое крыло.

Чтоб не тревожить их, комар замолк,
Глаза прикрыл мохнатым ухом волк.

Такое одушевление природы, как своеобразный философский анимизм, часто встречается в творчестве Навои. Это — не только стилистический прием, но непосредственный вывод из философско-религиозных взглядов Навои, содержащих в себе весьма ощутимые элементы пантеизма.

Любовь сказала: „Мной Фархад избран, —
Румянец розы превращу в шафран“...

Мечтала скорбь: „Разрушу я потом
До основания этот светлый дом“.

Говоря о своем творчестве, Навои вкладывает мысли в уста Вдохновения, которое появляется на пороге, как только он в вечерний час заостряет кончик своего калама.

В природе, описываемой Навои, нет резкого разграничения между органическим миром. Все в природе живет, дышит, радуется или горюет. В „Лейли и Меджнуне“ дан пышный пир весны, „когда ликует хмель, в кусты не распускается щавель, когда небо — как попугай, переливающийся блеском радуги, когда земля, как птенец, любящий пух и тепло“.

Живописец природы, Навои выбирает редкостные краски для изображения цветов:

Облита роза желтая дождем:
То — жемчуга на блюде золотом.

Иль, может быть, у розы желчь порту?
Лицо желтушной, может быть, в поту?

Прощается с полями синий лед.
И слезы расставанья иней льет...

Прольется ранняя роса на луг,
И вспыхнут маки красные вокруг.

Вот птицы, вот голубка с голубком,
Сидят рядом и полетят рядом.

И листья, одеяние стволов,
Теперь для птиц уединенья кров.

И люди, прегрешенья не страшась,
Уходят в степь в благословенный час.

Так в блеске цветов и красок весь мир — растения, птицы, люди — расцветают с приходом весны.

Удивительно образно Навои рисует смену дня и ночи:

Когда заря-невеста поднялась,
Белилами рассвета набелась,

И небеса прислуживали ей,
Держа пред нею зеркало-ручей...

(„Лейли и Меджиун“)

Когда дохнул рассветный ветерок,
И дымный полог с ночи он совлек.

День, посрамляя ночи нищету,
Серебряную выставлял плиту.

Как выползший из логова дракон,
Вонзив язык горящий в небосклон.

С драконью голову величиной,
Катилось солнце из норы ночной...

(„Фархад и Ширин“)

Лишь утренней зари забил родник,
Преобразив небесный луг в цветник.

(Там же)

Так неисчерпаемо разнообразно изображает природу в рас-
светные часы Навои. Не менее образно рисует он наступ-
ление ночи:

Когда же ночи змей, разинув пасть,
На утомленный день решил напасть,

И густо за клубил свой черный дым
Над мировым простором голубым,

И солнце, спрятав лик в багряный прах,
Поспешно скрылось и само в горах...

Жаркий, душливый день в аравийской пустыне находит
свое колоритное изображение:

Песок июньским солнцем накален!
От зноя пострадал и небосклон,

И звезды, утрашенные жарой,
Искали тени где-то под землей.

Переменилось неба естество,
Как видно, лихорадило его!...

Колосья хлеба лопнули везде,
Сходны с горохом на сковороде...

И пот уж к сковороде земли
Фазан и куропатка подошли.

Они клюют готовое пшено:
Ай, хорошо изжарено оно!

Паук с полныи скрылся от жары:
Он в паутине скрылся от жары.

Бежит собака, высунув язык:
То — летний месяц молодой возник!

Червяк, он плавится в таком аду,
Спешит укрыться в наливном плоду.

(„Лейли и Меджиун“)

В изображении картин природы Навои не прибегает к
вырисовыванию деталей. Он любит давать обобщения, развер-
тывает широкие полотна. В сцене кораблекрушения (в „Фар-
хаде и Ширин“) грозный ураган, движущий по морю ог-
ромные волны, приобретает под кистью Навои стихийно-
сказочный характер. Этот ураган —

Как тычет пикой в грудь врага батыр,
И тысячи проткнул он в небе дыр;

Светила, замерцавшие сквозь тьму,
Служили доказательством тому.

Созвездья Рыб и Рака, трепеща
В пучину вод низверглись сообща.

А остальные — в страхе пред водой,
Едва завидя месяц молодой,

К его ладье все устремились, в ней
Спастись пытались от морских зыбей...

Подавляющее большинство образов Навои относится к
системе зрительных, живописных. Мы знаем, что Навои был
большим знатоком и любителем изобразительных искусств.
Под его покровительством расцвела гератская школа жи-
вописи во главе с Жемалиуддином Бехзадом, прозванным
европейскими искусствоведами Рафаэлем Востока. В Гера-
те работали выдающиеся миниатюристы, мастера по тонкой
росписи фарфора; и многие образы Навои напоминают по
ощутимости восприятий тончайшую игру линий и красок
гератских художников.

Когда Навои хочет описать облик холодного декабрь-
ского неба, он говорит о том, что чародей-зима обволокла
небо облаками, как мехом белки. Поверхность пруда Навои

сравнивает с большой школьной доской, посеребренной ювелиром-зимой, а русло арыка—с кинжалом.

Когда Навои хочет рассказать о бедствиях, обрушившихся на человека, он говорит образно и просто:

Несчастья потянулся караван.

Стрелы—это струи дождя, строки газелий—жемчужный ряд. Стройный стан уподобляется арабской, букве „алиф“, изображаемой в виде вертикальной черты. Стоит горю притти к этому статному человеку, и он сгибается наподобие арабской буквы „даль“. Так Навои даже в буквах алфавита находит образное выражение мыслей и чувств. Поэт любит играть образами-контрастами. Чахнувшего Фархада он сравнивает с воском, в который превратился камень, а „стан, прямой как пальма, под грозой стал слабой виноградной лозой“.

Этот образ по прямой ассоциации влечет за собой новый, дополнительный:

Однако же вино подобных лоз
Свой цвет берет от их кровавых слез.

Дополнительные образы, вызываемые прямыми ассоциациями по сходству или контрасту,—обычный изобразительный прием Навои.

Используя традиционный сюжет любви розы и соловья, Навои говорит, что соловей так стонет, прося любви розы, что она закипает вся кровью и рдеет...

... Впрочем, я не прав:
Избранницею соловьиной став,

Полна не кровью алою она,
А настоящим пламенем полна.

Изображая пир у китайского хакана, Навои отрицанием усиливает впечатление от изумительного золотого цвета вина:

Нет, не вино, а золота раствор
Здесь паливали в золотой фарфор.

Тем же приемом отрицания пользуется Навои в описании рождения Фархада:

Иль новый месяц так взошел светло?
Не месяц, солнце новое взошло!

Не солнце,—роза! Но ее не тронь:
Не роза расцвела,—возник огонь.

Подобный прием вытеснения одного образа другим для усиления впечатления применяет Навои в описании обаятельной внешности Лейли. Это описание он влагает в уста Кейса.

Когда б шипы на розе не росли,
Была бы роза, как моя Лейли!

Где кипарис? Когда б он был стройней,
Мне кипарис напомнил бы о ней.

Когда б фиалки запах был нежней,
Фиалка б мне напомнила о ней!

Глаза нарциса были бы черней,
И мне нарцис напомнил бы о ней.

В „Хамсе“ мы находим необычайное богатство образов, метафор, сравнений. Преобладают образы живописные. Золото осени, зелень весеннего луга, серебро воды, мрамор стен, все это передает Навои с таким совершенством, что о нем можно сказать его же словами о китайском художнике Бани:

То, что Бани умел рисовать,
Неправильно картишей называть:

Из мертвого бумажного листа
Сняла самой жизни красота.

* * *

Алишер Навои стремился к тому, чтобы его книги были близки народу. У народа почерпнул он благородную мудрость и любовь к яркой сказочной фантастике. Навои считал делом своего творчества умение претворить старинные народные легенды и сказания в новые, более глубокие по идейному замыслу произведения:

А то, что сам народ воспел, к чему
В таком же виде подавать ему.

Скромный в жизни и чуткий к творчеству друзей и современников, Навои в заключение к „Фархаду и Ширин“ дал справедливую оценку своей высокой роли поэта, слагающего стихи на родном для тюркских народов языке:

Пусть Низами победоносный ум
Завоевал Берда, Ганджу и Рум.

Пусть был такой язык Хосрову дан,
Что он завоевал весь Индустан,

Пускай на весь Иран поет Джами,
В Аравии в литавры бьет Джами—,

Но тюрки всех племен, любой страны,
Все тюрки мной одним покорены!

Я войск не двигал для захвата стран,
Но каждый раз я посылал фирман—

Скажи: писал я дарственный диван
Не так, как государственный диван.

И от Ширази до степей туркмен,
От Хорасана до китайских стен,

Где б ни был тюрк, под знамя тюркских слов
Он добровольно стать всегда готов.

И эту повесть горя и разлук,
Страстей духовных и высоких мук,

Всем собственным невздам вопреки,—
Я изложил на языке тюрки...

Навои не переоценил своего выдающегося значения. Он не только сыграл крупнейшую роль в развитии узбекского языка и литературы, но оказал влияние и на развитие литератур многих народов Востока.

Творения Навои проникли в народные массы, и его сюжеты и образы нашли отражение в богатом фольклоре народов Средней Азии.

В окрестностях Ленинабада (Ходжента) именем героев поэмы Навои народ назвал гору—Фархад-таг и реку—Ширинсай.

Современный нам узбекский сказитель, народный поэт Фазыл Юлдашев поет свою поэму „Фархад и Ширин“. Он рассказывает о самоотверженной любви Фархада, о том, как он, преодолевая препятствия, достигает своей цели. Народный певец отвергает трагическую развязку, данную Навои. Ширин приезжает к Фархаду со своей теткой Михинбану, и возлюбленные соединяются, а Хосров и его приспешники посрамлены и частью уничтожены. Певец заключает поэму:

Своим трудам не требуя наград,
Любви Ширин добиться мог Фархад.

Ширин, признательная за труд Фархада, сочла его достойным себя.

Народ изменил финал поэмы Навои, придал ей оптимистическую развязку. Тут уместно вспомнить слова Горького: „Очень важно отметить, что фольклору совершенно чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно—рабский труд их был обесмыслен эксплуататорами, а личная жизнь бесправна и беззащитна. Но при всем этом коллективу как бы свойственно сознание его бессмертия и уверенность в победе над всеми враждебными ему силами“.

Народы Средней Азии сохранили много сказок, песен и легенд о Фархаде и Ширин, о Лейли и Меджнуне, и в этих народных вариантах герои нередко превращались из знатных представителей феодального общества в людей из народа.

Происходит своеобразный круговорот сюжетов, образов и понятий в процессе превращения произведений Навои в народные. Но ведь и сам Навои широко черпал материал из сокровищницы народной мудрости и вводил в свои поэмы рассказы, притчи, пословицы и поговорки, жившие в недрах народа. Разнообразны источники, из которых Навои брал сюжеты и темы. Легенды корана, арабский эротический роман, персидская лирическая поэзия давали богатый материал гениальному узбекскому поэту. Но наряду с этим Навои нередко вводил в свое творчество материал, почерпнутый из непосредственных жизненных наблюдений, из своего многообразного опыта. В таких случаях он охотно уснащал свой поэтический словарь народными выражениями, и это еще больше сближало поэта с читателями из народа.

Гуманизм Навои, уважение поэта ко всем народам, его идеи о свободе человеческой личности и о справедливости—все это поднимает творчество Алишера Навои над его родной культурой и его временем.

Алишера Навои можно поставить в ряд с великими народными писателями всех эпох и народов. Алишер Навои—первый поэт узбекского народа, завоевавший мировую известность.

Доктор археологии М. Е. МАССОН

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ГЕРАТА XV ВЕКА

• „Другого подобного города, как Герат, нет во всем населенном мире; во время Султан-Хусейна, благодаря его управлению и его заботливости, блеск и красота увеличились в десять, даже двадцать раз“.

Бабур, XVI в.

Вышедшая в 1946 г. статья А. М. Беленицкого об исторической топографии Герата XV века, несомненно, является ценной составной частью сборника статей „Алишер Навои“, посвященного Институтом востоковедения Академии Наук СССР его пятистолетнему юбилею¹. Основанная на большом числе первоисточников, она заключает в себе много еще нигде не опубликованных данных и вполне соответствует той характеристике, которая дана редакцией сборника в предисловии, отмечающем, что „предлагаемые здесь вниманию читателя исследования во всех затрагиваемых ими вопросах открывают новые стороны, до настоящего времени не освещавшиеся наукой“ (стр. 4).

Века, совпадающие с Ренессансом в Европе, при изучении их в части истории стран Среднего Востока будут еще долгие годы привлекать к себе внимание, а детальное освещение эпохи Тимура и тимуридов потребует совместных усилий большого коллектива специалистов. Для советских республик Средней Азии интерес статьи А. М. Беленицкого повышается в связи с пятистолетием со дня рождения Навои, предстоящим юбилеем, связанным с Улугбеком, а для Туркменской ССР еще и тем, что на ее территории в первой послевоенной сталинской пятилетке протекают крупные

¹ Алишер Навои, Сборник статей Института востоковедения АН СССР, М.-Л., 1946, стр. 175—202.

историко-археологические исследования Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), затрагивающей проблемы, связанные с историей всего Хорасана, между прочим и за период XV в. Таким образом, работа А. М. Беленицкого чрезвычайно своевременна.

Состоя из трех разделов, разбирающих вопросы о городских укреплениях, внутригородской планировке и пригородах Герата, статья эта во многом дает больше, чем обещает заглавие, так как в разных местах автор щедро дарит читателям свои переводы (а в одном случае и перевод, сделанный А. К. Боровковым на стр. 198—200) живописных выдержек из источников, которые многими будут приняты с большой благодарностью. Чтобы использовать заключенный в статье материал максимально плодотворно, целесообразно до появления более обстоятельного труда на ту же тему самого автора сделать к этой статье в порядке помощи читателям некоторые *addenda atque corrigenda*. Последние, вызванные в некоторых случаях возможно не очень тщательной выправкой текста при редактировании, тем более необходимы, что к сборнику не приложено перечня опечаток.

Начиная с „дополнений“ следует иметь в виду, что ни об одном из городов XV в. (особенно для второй половины этого столетия) в Хорасане и Мавераннахре (в том числе Самарканде и Бухаре) нет столько сведений, как о Герате, что весьма облегчит со временем выяснение его исторической топографии на месте. Пока же параллельного исследования по намеченным источникам и по натуре не осуществлялось, для понимания скелета города XV в. весьма важно сравнение его с описаниями за предшествующие столетия.

Учитывая отдельное указание греческими авторами Александрии Арианской, построенной Александром Македонским в долине Герируда, и древней местной столицы Артакоаны, которую В. Томашек, как и позднейшие мусульманские писатели-компиляторы, пытался отождествить с гератской цитаделью „Ихтияр-ад-дин“, нельзя считать абсолютно бесплодной предлагаемую мной попытку как-то освоить многочисленные, порой разноречивые предания о возникновении Герата, сохраненные средневековой исторической традицией и не привлечшие к себе внимания европейских исследователей. Если легенда, будто город, построенный Хызром или „богатырем двух миров“ Нариманом, получил благословение на процветание от пророка Мухаммеда во время его путешествия на небо, что его разрушил Александр Македонский на пути в Индию, или что, наоборот, он был построен этим царем по совету матери для защиты

населения кухендиза от нападения туркмен,—не содержат в себе интересных для историка крупниц реального знания, то наряду с ними есть немало других, могущих быть использованными даже для решения вопросов по исторической топографии. Так, например, историк не вправе пре небрегать преданиями, утверждающими, якобы Герат был заложен по одному варианту—на привольных просторах, а по другому—на месте давным-давно высохшего озера, которое в день „страшного суда“ зальет его выступившей из-под земли водой.

У Исфизари собрано и в известной мере хронологически систематизировано, не без неизбежных в такого рода материалах грубых анахронизмов, несколько таких древних легенд, из которых наиболее интересны те, что связывают возникновение первоначального укрепления в долине Герируда с деятельностью правившей в Балхе женщины Шамиран (Семирамиды), дочери Хуман Афридука. Руины Кала-и Шамиран (т. е. крепости Семирамиды), по данным авторов первой половины XIV в., находились к северу от Герата, где на вершине одной горки был и упоминаемый некоторыми авторами храм огнепоклонников, называвшийся в раннем средневековье Ширик. Этот храм вносил в казну Абдаллаха Тахирида большой налог и просуществовал до IX века включительно, когда был сожжен по наущению одного имама. Вне городской стены крепость Кала-и Шамиран, по Исфизари, оставалась и в XV веке, хотя, по данным более поздних авторов, она была якобы внутри Герата. Возможно, что Кала-и Шамиран соответствует Тепе Тали-Бангиан в 1 км к северу от города. Все это никак не отражено в работе А. М. Беленицкого.

От Кала-и-Шамиран отличали кухендиз, отстроенный позднее в правление Фарнуша, вассала легендарного Менучехра. В XIV в. до н. э. город якобы значительно разросся. В третий раз город отстраивался в течение шестнадцати лет при некоем христианском царе Азгагуше, примерно будто бы в III в. н. э., причем на четырех угловых башнях поставили по иконе. Последнюю деталь интересно сопоставить с другой легендой об основании города четырьмя христианскими апостолами¹.

¹ В Герате уже в 430 г. был епископ, а в 588 г.—митрополит. Несторианская митрополичья кафедра упоминается здесь и в IX в. В X в. загородный христианский храм был на полпути между Гератом и храмом огнепоклонников. Возможно, что он находился на месте руин здания, „основанием коего было подобие церкви“ и остатки которого были разрушены Навои, чтобы возвести здесь джума-мечеть для своего прославленного квартала с медресе Ихласие.

Один из вариантов сказаний о прошлом Герата дает такую последовательность: сперва был основан город Шамиран, а собственно Герат заложил Дарий, не успевший его достроить из-за борьбы с Александром Македонским. Последний уже довел дело до конца и заселил город; расцвет же его последовал при местном правителе Ашке (т. е. Аршакиде), названном сыном Дария. Наряду с этим, объяснение самого названия Герат искали в имени дочери мифического Зохака, передавшей свое имя основанному ею городу. Размеры досредневекового города определялись для древнего периода в 3 фарсаха; для поры же Азгагуша протяжение стен считалось в 12, 183 гяза.

Из всего этого можно сделать вывод, что по представлениям, какие сложились у населения и были записаны еще в средние века, в районе Герата имеются остатки более раннего по сравнению с ним значительного укрепленного пункта; сам Герат сложился позднее, но еще в домусульманскую пору, пережив расцвет в эпоху парфянского владычества, имел четырехугольный план, а в его истории до арабского завоевания уже было несколько этапов развития, сопровождавшихся иногда восстановлением города из руин.

При таком понимании нет оснований соглашаться с В. Томашеком, отождествлявшим Артакоану с цитаделью современного Герата, могущую, однако, претендовать на право считаться ядром Александрии Арианской. Что город пережил несколько периодов подъема и упадка, хорошо знает его население, считающее, будто теперешний Герат является седьмым по счету на этом месте.

Не подлежит сомнению, что эпоха тимуридов была временем наибольшего внешнего блеска в жизни Герата. Но для большей исторической перспективы необходимо учитывать, что он был одним из главных городов Хорасана уже при саманидах в X в., когда территория обжитой площади его пригорода, по данным арабских источников, имела до фарсаха в ширину и в длину. Наряду с сообщением об обычной городской стене раннесредневекового шахристана, имевшем четверо ворот, очень интересно известие, что весь город был окружен еще и внешней стеной, шедшей на расстоянии около 30 шагов от внутренней. Все эти стены были разрушены из-за мятежа жителей, но затем их восстановили. В XII в., благодаря именно крепости гератских стен, городом не могли овладеть гузы во время своего восстания против Санджара в 1154 г.

Для общей характеристики состояния города за последний период перед завоеванием его войсками Чингиз-хана, очень любопытные сведения имеются у авторов XIV в.

(Казвини и Муставфи), которые сообщают, вероятно, не с абсолютной точностью и не без некоторого преувеличения, будто в Герате при гуридах (XII в.) было до 12000 лавок, чуть ли не 6000 бань, караван-сараяв и мельниц-тигерманов, несколько сот школ, хонака и храмов, около полутора тысяч домов и свыше четырехсот тысяч жителей, считая, может быть, как и в XV в., Герат со всей его округой, т. е. „население пяти ворот и девяти булюков“.

В отношении данных о монгольском нашествии необходимо внести тот корректив, что „страшная бойня“, учиненная гератам монголами, не могла иметь места в 1220 г., как значится в статье А. М. Беленицкого (стр. 173), так как монголы впервые заняли Герат в 1221 г., когда перебили только гарнизон, поскольку жители сдались добровольно. Лишь в 1222 г. из-за восстания горожан, в связи с успехами Джелал-ад-дина, город после шестимесячной осады был разгромлен, засевавши в соборной мечети отряд наследника хорезмшахского престола был истреблен целиком, а большая часть населения была перебита или выселена.

Возрождение областей, по Герируду, началось вскоре же после пронесшихся грозой походов Чингиз-хана, но первое время шло очень медленно, хотя монгольские ханы иногда и проявляли некоторое внимание к нуждам сельского хозяйства. Известно, например, что в 1290 г., по распоряжению Газана, на Тежене построили плотину, чем было приведено „в цветущее состояние несколько селений“. Что же касается самого Герата, то важно было бы более решительно отметить и четко подчеркнуть, что пора его процветания, как главного города Хорасана, началась после монгольского завоевания еще до тимуридов, когда он при династии Куртов сделался в XIII в. их столицей. При этом возрождению его способствовало не только возобновление Куртамы в XIII столетии его сильных укреплений, как это вытекает из текста А. М. Беленицкого (стр. 176), сколько положение на пересечении путей между Западной Азией, Туркестаном, Китаем и Индией при отсутствии конкуренции со стороны находившихся тогда в страшном разорении Мерва и Балха. Что же касается самого восстановления гератских укреплений членами династии Куртов, то у А. М. Беленицкого нет оснований, излишне доверяя Исфизари, считать, что оно началось в 699 г. х. — даты, ошибочно, к тому же, переведенной автором: 1298 г. вместо 1299/1300 г. н. э. (стр. 176). По Решид-ад-дину, силу и крепость цитадели и стен Герата высоко оценивали воины Кутлугшаха, стоя под ними летом 696 г. х. (1297 г. н. э.), т. е. за три года до

упомянутых А. М. Беленицким работ по новой реконструкции при Фахр-ад-дина гератских укреплений. Показанию Рашид-ад-дина, как современника описываемого события, следует отдать преимущество перед данными писавшего чуть ли не двести лет спустя Исфизари.

А. М. Беленицкий упоминает о заботах Муизз-ад-дина Хусейна (который начал править не с 1330 г., как указано на стр. 176, а в 1331 г.) по возведению добавочной стены с востока и севера, протяжением в один фарсах, когда ожидалось нападение Казагана, не сумевшего, однако, несмотря на победу в поле взять укрепленный Герат. Но при понимании системы оборонительных сооружений, с которыми пришлось иметь дело весной 1381 г. главным силам армии Тимура, нужно учитывать упущенный автором факт, что в предыдущем году по распоряжению сына Муизз-ад-дина, Гияс-ад-дина Пир Али, в ответ на приглашение приехать на курултай в Самарканд, не только ремонтировали старые укрепления, но обнесли Герат добавочной стеной. Общее протяжение получившегося внешнего кольца стен считалось в два фарсаха, причем в него были заключены некоторые кварталы и сады, ранее не защищавшиеся. Именно под этой стеной в целом, а не под отрезком в один фарсах, как считает А. М. Беленицкий (стр. 177), пришлось простоять долгое время армии Тимура. Важна также и подробность, не приведенная автором, но упомянутая у Исфизари, что при осаде Герата Тимуром осажденные сами разрушили часть города, отстроенную при Муизз-ад-дине, поскольку защищать ее было затруднительно.

Для читателя было бы несомненно интересно узнать в этом месте, что в тогдашнем Герате имелись красивые здания, украшенные изразцами с орнаментами „хитон“, что сильная цитадель Герата, рядом с которой уже при Фахр-ад-дине появился Пиль-банд, получила еще при куртах свое поэтическое прозвище „Ихтияр-ад-дин“, т. е. „Выбор (или сила) веры“ — под каким именем она фигурирует в источниках эпохи Тимуридов, и что внутри цитадели имелись два дворца „Баргох“ и один дворец „Кошк“, из которых два были отстроены Гияс-ад-дином Хусейном. Полезно было бы концентрированно сообщить, хотя бы в кратком перечне, сведения о наиболее значительных архитектурных сооружениях, кроме знаменитой соборной мечети, которые застали в Герате воины Тимура, как, например, медресе Гиясийя в северо-восточной части города, хонака „Джадиди“ Муизз-ад-дина Хусейна, мавзоль над могилой этого правителя, хонака „Султанья“, построенная Мелик Султаном в середине XIV в., медресе „Пильбанд“ Фахр-ад-дина Курта у самой

крепости, стоящий при мечети минарет близ ворот Ирак и т. п. К тому же почти все они, за малым исключением, вошли в состав Герата эпохи тимуридов.

При характеристике первого момента после сдачи города Тимуру в мухарраме 783 г. х. (март—апрель 1381 г.), кроме увоза в Шахрисябз железных ворот, покрытых орнаментами и надписями, можно было бы добавить, что одновременно было уведено в Мавераннахр до двухсот именитых горожан, что новая стена города была совершенно разрушена, а в старой, согласно данным Шереф-ад-дина Али Иезди, не только сняты полотнища ворот, но и пробиты бреши, и, наконец, что возобновление стен было строго запрещено из опасения восстания, которое действительно и вспыхнуло в 1383 г. Именно, последствием его подавления было, с одной стороны, обложение населения крупной контрибуцией и устранение династии Куртов, а с другой,—создание эспланады перед цитаделью и уничтожение с восточной стороны перед ней стены на протяжении 50 гязов, дабы обеспечить крепость от обстрела с верхов этой стены.

Тимур сразу же оценил значение Герата. Этот город был сперва местопребыванием двора Мираншаха, назначенного правителем Хорасана еще в 1380 г. до завоевания этой области, а с 1397 г.—другого сына Шахруха, также бывшего наместником этой провинции. Видимо уже вполне рассчитывая на Герат, Тимур в 1404 г. даже переселил в него весь гарнизон, взятый им в персидской крепости Фируз-кух на границе с Мазандераном.

Новый этап в сооружении гератских укреплений действительно наступил в 807 г. х. (1405 г. н. э.). Вызван он был событиями, последовавшими за смертью Тимура. Опасаясь захватившего Самарканд внука „великого эмира“ Халил Султана, Шахрух приказал своему приближенному, эмиру Фируз-шаху, поспешить в Герат и срочно приступить к его укреплению, что и было выполнено. Десять лет спустя, в 818 г. х. (1415 г. н. э.), начата была переделка Ихтияр-ад-дина, причем новую цитадель сделали несколько большей по площади, чем прежняя, возможно включив территорию, именуемую теперь „Арки-нау“, у которой авторы конца прошлого столетия отмечали следы старого рва, служившего в их время свалочным местом для нечистот со всего города.

Из опущенных в статье А. М. Беленицкого подробностей (стр. 179) можно добавить, что работы были закончены в течение двух лет; что стены цитадели повышены по сравнению с прежней; что северный фас крепости примыкал к город-

ской стене, причем, имевшиеся здесь ворота выводили за город на площадь конского базара; что стихи надписи, выложенной из кашива и помещенной на одном из углов крепости, прославляли Шахруха; что в цитадели имелась специальная тюрьма в виде высокой башни и что Ихтияр-ад-дин на протяжении XV в. вообще был не только арком, имевшим оборонное значение, но и крепостью-тюрьмой, где содержались в заточении видные государственные узники.

Едва ли можно согласиться, что после переустройства цитадели в 818 г. х. гератские укрепления „в этом состоянии оставались до самого конца существования династии“ (стр. 178), т. е. до начала XVI в. включительно. Совершенно несомненно, что на протяжении чуть ли не столетия, протекшего до момента взятия Герата в 1507 г. узбеками Шейбани-хана, вносились разного рода изменения, в частности в связи со все большим распространением в армиях того времени огнестрельного оружия. Между прочим, одним из таких значительных мероприятий было устройство в 844 г. х. (1440/1 г. н. э.) рва вокруг Ихтияр-ад-дина, о чем пишет и сам автор (стр. 179).

Что касается городской стены „шахрбанд“, выведенной, повидимому, в основном по периметру бывшего шахристана, то по сравнению с „прежним временем“ в ней не только прибавились пять северо-восточные ворота „Дарваза-и Кипчак“, но несколько изменился и самый профиль, хотя сохранилась система двух оборонительных рубежей или двух колец укреплений, из которых внутреннее имело бойницы. Так как протяжение рубежей, согласно измерениям, сделанным по инициативе Исфизари, составляло 7300 шагов, а по данным Хафизы Абру—около 8000 гязов, при длине рва примерно в один фарсах, то представляется спорным приравнивание гератского фарсаха к 7,8 км (стр. 177). Повидимому, здесь, как и в Средней Азии, фарсах в то время соответствовал примерно шести с небольшим километрам. Столь не убедительным является и утверждение, будто бы „между отдельными воротами проход имел форму шеи верблюда“ (стр. 178). Термином „верблюжья шея“ (шутур гардан) в фортификации XV—XVI вв. обозначались значительные коленчатые выступы наружу отдельных отрезков крепостной стены, которые устраивались или на углах, или вдоль фасов, или, наконец, перед воротами для защиты последних, причем ворота в плане представляли изгиб, как бы напоминавший шею верблюда.

Такой самостоятельный и весьма крупный „шутур-гардан“ был, между прочим, в XV в. в северо-восточном углу Самаркандского хисара против группы мавзолеев Шах-зин-

да. Упомянутые же в тексте гератские штур-гарданы были связаны с предворотными укреплениями.

Что касается мнимой неясности текста Хафизы Абру о четырех башнях (стр. 179), отнесенной А. М. Беленицким за счет переписчика, внесшего якобы ошибочное повторение в тексте (прим. 5 на той же стр.), то ее в действительности нет. Речь идет о тех крупных угловых сооружениях (иморат)¹ которые, как достопримечательность, отмечал позднее и Бабур. Строителем двух башен по восточному фасу был Али-Асад, причем северо-восточной было специально присвоено его имя, а две другие по западному фасу были выстроены Баба-Ахмедом. Небезынтересна и опущенная А. М. Беленицким деталь о наличии особо отмечавшихся современниками двенадцати бурджей.

Как в переоцениваемом некоторыми специалистами и оставшемся незавершенным мероприятии Тимура по пробивке в 1404 г. более прямой трассы для улицы, отходившей от одних ворот Самарканда к центральному базару¹, так и „в новом плане перестройки“ бывшего шахристана Герата, выполнявшегося по воле Шахруха с 813 г. х², не было, собственно, каких-то принципиально новых планировочных решений, которые бы своим исполнением внесли коренные изменения в структуру веками сложившегося города и оправдали бы заключение автора, будто „внутренняя планировка его (Герата) стала совершенно иной“ (стр. 181).

В основном планировочная работа сводилась к выпрямлению главных уличных артерий между городскими воротами. В дальнейшем было проведено упорядочение базарных помещений, как в месте их пересечения, так и вдоль них, что само по себе для феодального города того времени, в условиях наличия права частной собственности на недвижимое имущество, было, конечно, немаловажным событием. Следовало бы добавить к его подробному описанию, что вдоль улицы, ведшей к воротам Кипчак, крупных базарных рядов не было.

¹ Намечалось провести эту уличную артерию через весь город до противоположных ворот, что было приостановлено из-за выпавшего большого снега, а затем это мероприятие осталось так и не завершенным до конца.

² Дата „перепланировки“ Герата 813 г. х. упомянута в статье дважды, причем один раз с переводом на европейское летоисчисление как 1411/2 г. (стр. 181), а второй—как 1411 г. (стр. 182). Между тем, 813 г. х. начался 6 мая 1410 г., почему 1412 г. совершенно отпадает, и правильнее было бы при отсутствии более или менее уточняющих сведений о производстве этих работ указать 1410—141 г.

Нет никаких оснований полагать, что от ворот Мелик к главному Чарсу шла прямая улица (стр. 181) и, наоборот, следует считать, что, как и в современном Герате, она делала изгиб в сторону Ихтияр-ад-дина, а затем уже под прямым углом к его южному фасу шла по направлению к центральному базару. Но даже если бы прямая улица действительно была (что мало вероятно), то все же базар Мелик, который тянулся к Чарсу от южного фаса цитадели, никак не мог разбить северо-восточный район Герата на две более или менее одинаковые части (как указано на стр. 181), поскольку сами одноименные ворота находились в северо-западной части города ближе к западному концу стены северного фаса. К самому же описанию базара Мелик можно было бы добавить, что на протяжении от Ихтияр-ад-дина до Чарсу он имел обширные боковые пассажи-тимы со входами, обращенными в сторону улицы. При упоминании же разного рода базаров излишне было бы хоть вскользь сказать несколько слов о невольничьем рынке, поскольку в XV в. в Герате работоторговля достигала весьма солидных размеров. Рабов доставляли сюда преимущественно из Туркестана и Индостана, реже—из других мест, причем среди них можно было зачастую встретить и негров. В эпоху Навои, по свидетельству современников, в некоторые годы в Герате продавалось до 20 000 рабов, причем цены на них стояли тогда отнюдь не дешевые, даже когда хлеб был не дорог (Исфизари).

Положение сада Баг-и-шахр, где находилась резиденция правителей и до тимуридов и где по приказу Тимура за несколько лет до его смерти выстроили дворец для Шахруха, определяется, вопреки мнению А. М. Беленицкого (стр. 184), довольно ясно современниками, из которых один отмечает расположение дворца этого сада в начале базара Чарсу, другой же фиксирует местоположение самого сада близ Ихтияр-ад-дина. Именно таково положение современного дворца и сада Чар-баг, лежащего несколько западнее соборной мечети и, повидимому, как-то соответствующего месту бывшего Баг-и-шахр, в нижнем конце которого и находился дворец Шахруха. Перевод даты сооружения последнего сделан в статье с дефектом, так как 801 г. х. соответствует не 1400 г. н. э. (стр. 183), а 1398—1399 г. н. э.

Из крупных сооружений внутри города самым замечательным была и остается до нашего времени огромная соборная мечеть. История ее на протяжении более трех столетий, по словам А. М. Беленицкого, „является как бы историей самого Герата“ (стр. 185), которую автор подносит читателю без заслуживающей того точности.

Считается, что постройка соборной мечети была начата в самом конце жизни гуридского правителя Гияс-ад-дина Мухаммеда, б. Сам, умершего в 599 г. х. (1203 г. н. э.). Исфизари видел в куфической надписи над айваном максуры дату 597 г. х. Если он не ошибся и если считать ее за дату начала постройки, то это будет соответствовать 1200/1 г. н. э. и скорее—1201 г., поскольку 597 г. хиджры начинался 12 октября и вряд ли, „на зиму глядя“, затеяли бы строительство грандиозного здания. Не дожидаясь его окончания и брат Гияс-ад-дина Мухаммеда—Шихаб-ад-дин, скончавшийся в 602 г. х. Завершить постройку удалось лишь при Гияс-ад-дине Махмуде, который был не сыном Шихаб-ад-дина (как утверждает на стр. 185), а его племянником, и умер в 607 г. х.

После того, по словам А. М. Беленицкого, при преемнике Гияс-ад-дине Махмуда—Фируз-шахе, произвели не то перестройку, не то ремонт мечети; затем она в течение целых десятилетий находилась якобы в запущенном состоянии до реставрации при Гияс-ад-дине Курте, вслед за чем через 40 лет при землетрясении упал ее пештак, в каковом виде мечеть и оставалась до 1498 г. (стр. 185).

Так как упомянутые А. М. Беленицким без всякой датировки реставрационные работы Гияс-ад-дина имели место в 720 г. х. (т. е. в 1320 г. н. э.), то, прибавив 40 лет, мы будем иметь 1360 год, как примерную дату мнимого землетрясения, после которого будто бы мечеть оставалась без должного ухода в течение почти 140 лет, охватывавших царствование Тимура, Шахруха и всех последующих тимуридов до султана Хусейна включительно.

В действительности дело обстояло не так. Фируз-шах отнюдь не был преемником Гияс-ад-дина Махмуда, а крупные ремонтные работы были осуществлены (и то лишь внешне) при Гияс-ад-дине Курте, причем наружную и внутреннюю отделку закончили только в правление его сына Муизз-ад-дина Хусейна или Малик-Хусейна (1331—1370), о чем ничего не сказано в статье А. М. Беленицкого. После того, уже в правление Шахруха, в соборной мечети производились новые работы, связанные отчасти с именем его вельможи эмира Саид Мирза-Джелал-ад-дина Фируз-шаха, скончавшегося в 848 г. х. (1444/5 г. н. э.). Через 40 лет после этого капитального ремонта, уже при султани Хусейне, произошло в Хорасане сильное землетрясение, от которого здание мечети очень пострадало: разрушился ревак над суфой максура-хана, где благочестивые прихожане совершали добровольные, сверх положенных, молитвы и над айваном которой Исфизари прочитал упоминавшуюся выше

дату. Арка пештака (портала главного здания мечети) являла собой как бы спину согбенного при совершении раката молящегося, настолько сильно отошли наружу ее устои. Отмечены и другие менее значительные повреждения, в том числе осыпавшийся белый алебастр наружной штукатурки.

В связи с таким плачевным состоянием соборной мечети и начались новые восстановительные работы, проходившие под наблюдением Алишера Навои. Мечеть при этом вовсе не была восстановлена и заново украшена в 1498 г., как отмечено у А. М. Беленицкого (стр. 185), равно как и ремонтные работы не были закончены в один год, что может показаться читателю на основании приводимой выдержки из текста Хондемира (стр. 186, строчка 6).

На самом деле, к реставрации приступили по одним данным—в рамазане 903 г. х. (апрель—май 1498 г.), а по другим—в шаабане того же года (т. е. в марте—апреле), начав с перекрытий и пештака. В связи с этим по обеим сторонам максуры-хана возвели для предотвращения распада устоев главного портала два боковых сооружения с высокими айванами, заложив под ними левые фундаменты. Благодаря частому присутствию на строительстве самого Навои и его всякого рода побуждениям (двойная оплата труда, раздача дорогих одежд, личный пример, разумеется практически не эффективный, так как Навои уже был дряхлым стариком) работы были завершены уже через шесть (по другим данным через шесть—семь) месяцев, причем ревак максура-хана сделали на 6—7 газов выше и красивее прежнего, украсив его орнаментами ислями и хитай из кашина. Для нового минбара с затратой большого труда доставили мрамор, специально купленный у владельца в вилайете Хавф, хотя под Гератом имелись собственные мраморные каменоломни. На декоративную отделку ушло много времени, и окончание основных работ Навои мог отметить большим угощением и раздачей премий лишь 14 шаабана 905 г. х.—15 марта 1500 г. После того, немного времени спустя, закончили и смазку глиной с саманом всех крыш мечети площадью около 14 джерибов, завершленную еще более торжественным пиршеством, на которое было отпущено 50 баранов и 9 лошадей.

Такова подлинная канва некоторых событий из истории этой городской мечети, для которой А. М. Беленицкий указывает 403 купола, 30 арок (равак) и 44 пирафа (стр. 186) (очевидно в число 403 входят малые куполки обеих этажей, окаймляющих двор галлерей).

Вдоль трех сторон двора мечети действительно расположено до 30 арок и можно насчитать до 40 наружных стол-

бов-устоев. Однако наряду с этим некоторые авторы указывают и цифры в 460 куполов, 130 раваков и 444 столба-устоя, что не противоречит известному теперь плану этой мечети, поскольку в нижнем этаже можно насчитать около 230 куполов, и, следовательно, примерно столько же было во втором. Двухрусность боковых галлерей — одна из особенностей гератской соборной мечети.

Быть может, излишне было бы отметить наличие при ней ее достопримечательности: огромного бронзового котла — сакоя. В его изготовлении и орнаментации в начале XIV в., судя по разобранному мной на нем самом фрагменту видимой по фотографии надписи, принимали участие некий факир-дервиш Султан-шах, сын Кафи и исфаханец Хасан, сын Али, сына Хасана, сына Али. Этот котел, как и теперь, привлекал к себе внимание и раньше, а члены китайского посольства XV в. усматривали в его форме нечто напоминающее древнекитайские сосуды тинг.

Не совсем верно и заключение А. М. Беленицкого о соборной мечети будто «в настоящее время, как видно, это — единственное здание, уцелевшее от прошлых веков внутри города» (стр. 186), так как в Герате несколько лет назад уже было установлено афганскими исследователями наличие хонаки и жилых помещений частного дома XV в.

При сообщении, что Шахрух к югу от цитадели построил хонаку и медресе «в самом начале своего царствования» (стр. 186), которое началось с 1405 г., можно было бы уточнить датировку, указав 813 г. х. (1410/11 г. н. э.). Здания эти не были «смежными», как указано у А. И. Беленицкого, а представляли собой ансамбль «кош», поскольку между ними была архитектурно оформлена площадь. По ошибке, со ссылкой на труд В. В. Бартольда «Улугбек и его время», без указания страницы, одно из этих зданий названо «мечетью», в течение всего XV в. являвшейся рассадником официальной идеологии» (стр. 186—187, примечание 1).

Неверно, будто внутри города в XV в. была только одна больница и что о существовании ее мы узнаем лишь из названия медресе «Дор-уш-шифа» (стр. 187). На самом деле в Герате тогда было несколько больниц, в том числе две построенные лицами, причастными к царствовавшему дому: вдовой сына Тимура Омар шейха Милькат-ага, ставшей затем женой Шахруха¹, и внуком Шахруха, по имени Мирза

¹ Имя ее в транскрипции Мульк-ага А. М. Беленицкий упоминает на стр. 197, в связи с построенной ею медресе в пригородной части, и называет ее просто «одной из царик» без всякой расшифровки времени ее жизни и происхождения, что для историков слишком недостаточно, поскольку в XV в. было очень много «царик» (по несколько у каждого

Лия-ад-Давля. Пропуск первой лечебницы тем более досаден, что она была возобновлена и приведена в хорошее состояние стараниями Алишера Навои, кому посвящен сборник с разбираемой статьей.

Неполно приведен и перечень зданий, группировавшихся около соборной мечети в северо-восточной части города (стр. 186). Кроме медресе Гиясийя, хонаки Джадиди и усыпальницы Мелика Хусейна, здесь же располагалось, западнее соборной мечети, не упомянутое совершенно в статье медресе Камал-ад-дина Гирани (899 г. х.). И вместе с тем, автор неправ, когда пишет, что «по всей вероятности внутри города помещалось и медресе, построенное... богачом Алейка Кукельташем» (стр. 187), так как это здание на самом деле было в пригороде Хиабан, что, кстати сказать, правильно отмечено несколькими страницами далее самим же А. М. Беленицким в третьем разделе той же статьи, озаглавленной «Пригороды Герата» (стр. 200, под № 12).

Читатель-неориенталист останется неудовлетворенным слишком лаконичной редакцией фразы: «Можно упомянуть еще мечеть Баг-и Шахр и медресе Пильбанд, местоположение которых определяется их названием» (стр. 187). Эта фраза, безусловно, нуждается хотя бы в кратком комментарии, раскрывающем, что Баг-и-шахр в переводе означает «Городской сад», находившийся к западу от соборной мечети, а термином «Пильбанд» (Слоновья ограда) или «Фильхана» обозначалось огромное строение, где рядом с цитаделью содержались боевые слоны, придававшиеся к гарнизону гератской крепости.

Еще с большим основанием читатель вправе сетовать на то обстоятельство, что автор, «не перечисляя в отдельности остальных религиозных учреждений», ограничился указанием их количества: 12 медресе, 3 мечети, 5 хонака, 3 больших мавзолея и, наконец, специальная библиотека (стр. 187). Дабы не получалось неверного представления, будто этими цифрами ограничивалось количество внутригородских гератских религиозных учреждений, следовало бы оговориться, что они приведены на основании подсчета, произведенного автором только по перечню Хондемира, который не отличается достаточной полнотой и к которому можно сделать добавления на основании сведений из других источников. В недоумении оставят и никак не расшифрованные слова «спе-

Тимуридского государя, а прозвище такое носило несколько лиц на протяжении указанного столетия. Упомянутая Милькат-ага была строительницей, кроме того, хонаки «Дор-ул-хадис», двух бань и одного рабата в 9 фарсах от Герата по дороге к Аму-дарье, о чем ничего не говорится в статье А. М. Беленицкого.

циальная библиотека", невольно порождающие вопросы, что это за "спецбиблиотека", по какой специальности были собраны в ней книги, при каком ведомстве она состояла и почему она попала в разряд "религиозных учреждений?". И только специалисты могут высказывать домыслы, не имеется ли в виду библиотека Байсункара с ее роскошными манускриптами или библиотека Султана Ахмеда Мирзы, славившаяся большим числом рукописей, поскольку Герат XV в. вообще обладал не одним хорошим библиотечным собранием книг. Впрочем, обе библиотеки ^{не} являлись "религиозными учреждениями". Вероятно, загадочным покажется и название хауза у фирузабадских ворот, зашифрованное в виде "хауз В везира" (стр. 188).

Пользование третьим интересным разделом, посвященным пригородам Герата, изложенным без приложения хотя бы самой схематической карты-плана (вообще очень уместной в такого рода работах), представит для читателей большое затруднение из-за нечеткости отражаемых в нем историко-географических представлений, приводящих к неверной локализации некоторых основных пунктов, которые бы могли помочь ориентироваться в топографии района. Недоразумение вызовет и никак не объясненный факт, что в перечне гератских булюков к левобережью Герируда отнесены три из них — Кумбаран, Гузара и Удван-у-тизан (стр. 189), а в следующем ниже комментарии называются Букрак, Казора (на стр. 191—Казора) и Удван-у-тизан (стр. 189—190). Серьезной препоной явятся и приводимые кое-где данные ориентировки по странам света, сообщаемые без учета, что в старинных описаниях выражения "севернее", "южнее" и т. д. прилагаются часто не для определения направления, а лишь для указания относительного положения в широтном или долготном смысле.

Лаконичное упоминание мимоходом при описании устройства султаном Хусейном Баги Джеханара, что "здесь (к северо-востоку от города. М.М.) был до того, как видно, небольшой сад, под названием Баги Мурад" (стр. 194), не объясняет, чей это сад, когда он был создан, и оставляет открытым уже поднимавшийся в литературе вопрос о тождестве этих обоих садов. Следовало указать, что Джеханара, чаще фигурирующий в письменных источниках под названием "Баги Мурад", оформлялся в конце жизни султана Хусейна. Известно, что когда в нем в начале XVI в. по распоряжению этого государя отстроили новый "Чарток", то ознаменовали это великолепным празднеством, на котором присутствовал между прочим шейх Камал-ал-дин Хусейн Хорезми. Из прочих, пропущенных А. М. Беленицким, под-

робностей заслуживает упоминание о надписях на стенах павильонов и других сооружений этого дворца-дачи, которые были выполнены "царем каллиграфов" прославленным Султаном Али. Много позднее в саду Баги-Мурад уже в 1524 г. при осаде Герата останавливался со своим отрядом Суюнидж-хан.

Как справедливо указано А. М. Беленицким, о кварталах, находящихся к северу от Герата, мы имеем "наиболее обильные данные" и "здесь появились лучшие постройки этого времени" (стр. 196). Это утверждение шестью строками ниже совершенно напрасно повторено с меньшей уверенностью во фразе, что "здесь, повидимому, находились лучшие из построек, воздвигнутых в этот век". Тем более досадно, что описание одного из главнейших архитектурных комплексов, связанного с именем жены Шахруха, Гаухаршад, дано крайне скупо в объеме 14 строк, к тому же не свободных от погрешностей.

Здесь, прежде всего, уместно было бы упомянуть знаменитого, зодчего Кавам-ад-дина Ширази и машака (настенного каллиграфа) Джафар-Джамала, а также сообщить, что здание хонаки при постройке предназначалось первоначально для помещения в нем предполагавшегося к перенесению из Мешхеда праха имама Реза и что при медресе уже в 837 г. х. (1433 г. н. э.) был похоронен сын Шахруха — Байсункар. Позднее при медресе были преданы погребению сам Шахрух, Мухаммед-Джуги, Мирза Абу-Саид и другие, в том числе и сама Гаухаршад. Зданий было не три, а два, так как мавзолей тимуридов входил, как часть, в состав медресе, что явствует и из текста Бабура. Наоборот, из текста последнего не видно, как пишет А. М. Беленицкий, чтобы "в качестве соборной мечети во время пребывания там Бабура служила медресе" (стр. 197), так как, вопреки приписываемому последнему упоминанию "хонака, мавзолея и соборной мечети" (Ibid), в Бабур-намэ слово "хонака" не приводится, а говорится именно о медресе с мавзолеем.

Фраза: "Абд-ар-Реззак Самарканди под 836 г. (1432/3 г.), рассказывая о завершении их постройки, пишет, что ... они не имеют ни подобных, ни равных" (стр. 197), — только вводит читателей в заблуждение относительно времени их сооружения, как это имело место и с некоторыми исследователями", (в том числе с В. В. Бартольдом — см. "Улугбек и его время, стр. 122. прим. 1). Между тем, как мне удалось установить, Абд-ар-Реззак в угоду стройности общего построения текста сплошь и рядом допускает перестановки в изложении событий, внося тем самым большую путаницу в хронологию. Прекрасным примером этого, наряду с расска-

зом о главнейших постройках Улугбека в Самарканде, могут служить, между прочим, два упомянутых гератских памятника Гаухаршад, возведенные отнюдь не в 836 г. х. По надписи на одном из минаретов, сооружение этого комплекса было начато в 820 г. х. (1417—18 г. н. э.), а закончено в 841 г. х. (1437/8 г. н. э.), т. е. на сооружение потребовалось 20 лет, что само по себе интересно для уяснения далеко не столь сказочно-быстрых темпов архитектурного строительства XV в. как это иногда и теперь неверно представляется некоторыми.

Наконец, весьма досадно, что в научной литературе снова воскрешаются давно опровергнутые суждения, основанные на неверном показании Хольдича (1901 г.), что от всей этой группы построек сохранился один мавзолей, „а от остальных зданий не осталось и следа“ (стр. 197). Между тем, „следов“ так много, что по ним бывшие на месте в 1924 г. представители СССР составили полное представление не только о контурах, но и о взаимном расположении памятников. Многие из этих „несохранившихся следов“ весьма внушительны, как, например, семь минаретов, из которых один имеет на внутренней лестнице свыше ста ступеней. Опубликованные сведения, многочисленные фотографии и даже планы реконструкции, изготовленные в 30-х годах этого столетия Е. Шредером, позволяют составить теперь хорошее представление о медресе султана Хусейна, медресе Гаухаршад с мавзолеем тимуридов и ее хонака.

В перечне построек, размещавшихся в знаменитом квартале Алишера Навои, повторяется широко вошедшее в обиход ошибочное представление, будто медресе и хонака называли „Халасийя“ (стр. 197). В действительности наименование Халасийя (т. е. „Свободное“, в смысле свободное от лицемерия или освобожденное от помышлений о материальных заботах) прилагалось к хонака, где останавливались и многие иногородние лица, приезжавшие учиться в медресе Навои (например, самаркандец Абд-ал-Мумин). Медресе же Алишера называлось „Ихлассийя“ (т. е. „Искренность“) в знак искренней преданности и верности ее строителя своему государю. Указанная под вторым номером „мечеть“ Кудсия (стр. 197) была не просто мечетью, а джума-мечетью для окрестных жителей прилегающего района на правом берегу канала Инджиль. Наконец, при перечислении построек Алишера во фразе „баня и больница назывались „сафайя“ или „шафайя“ (Ibid) слово „или“ должно быть заменено союзом „и“, так как название „сафайя“ (чистота) относится к бане, а „шафайя“ (здоровье)—к лечебнице.

Вообще весь перечень загородных построек приведен только по списку Хондемира, который далеко не так полон, как можно думать по его рекомендации А. М. Беленицким: „Ниже приводим полный список их“ (стр. 200). Полезно было бы извлечь данные об этом из трудов других авторов, хотя бы в отношении построек, местоположение которых известно и указывается достаточно определенно, как, например, медресе эмира Курбан-шейха (умершего в 843 г. х.) на Хиабане; медресе Фируз-шаха, где был погребен и сам строитель, находящееся рядом с медресе Гаухаршад и напротив ее хонака (взамен упомянутого на стр. 196 самаркандского медресе этого эмира) и др.

Про содержание списка недостаточно было сказать, что Хондемир „перечисляет более четырех десятков отдельных построек, как видно в большинстве случаев возникших во второй половине XV в.“ (стр. 200). Из чего это „видно“, остается неясным. Конечно, надо было попытаться как-то расшифровать, когда появилось то или иное сооружение, что далеко не безнадежно, поскольку большая часть названий связана с собственными именами. Так, почти анонимно звучащее для читателя название „Медресе эмира Чакмака-шахи“ (№ 7) иначе бы воспринималось при попутном сообщении, что Чакмак-шахи был одним из эмиров Шахруха и что в этом медресе жил и умер почти на положении изгнанника самаркандский шейх ул-ислам Бурхан-уд-дин, противник Ходжа-Ахрара.

Для кое-каких совершенно анонимных зданий на самом деле известны их строители. Например, медресе Пеш-бара (№ 39, стр. 201) было сооружено знатоком хадисов Мавляна Джалал-ад-дином Мухаммедом. Известно также, что оно было выстроено южнее джума-мечети. Про медресе Алейка Кукельташа (№ 12) можно было указать, что оно находилось на Хиабане, а строитель мечети у ограды базара Ирак, Гияс-ад-дин шах Мелик, должен быть рекомендован, как один из полководцев Тимура и Шахруха, строительная деятельность которого в первой половине XV в. не ограничивалась только Гератом, а захватывала Хорасан и даже Хорезм.

В редких случаях, когда приводится не одно только голое название памятника, но в сопровождении придаточного предложения, не всегда удачна редакция фраз. Например, под № 2 значится „Хазира эмира Султана Ахмед Чуканчи, напротив упомянутой крепости“, в то время, как на нескольких ближайших страницах не говорится ни о какой крепости, а в начале статьи речь идет о разных крепостях. Вообще же существенным недостатком, как списка памятников, так и всей статьи, является малое число приводимых дат,

что не дает возможности хронологически четко воспринимать сообщаемые сведения.

В качестве концовки статьи о Герате автор использовал некоторые данные об его северо-восточном предместье Гозургах, а вернее только о находящемся там здании, выстроенном по распоряжению Шахруха у могилы Ходжа Абдаллаха Ансари, поскольку о самом пригороде собственно ничего не говорится (стр. 201). Самое название пригорода, неверно передаваемое некоторыми современными европейскими исследователями, как „Гузаргах“ (у Вамбери Газергах“), в работе А. М. Беленицкого приводится иногда даже на одной странице (например 191) в нескольких вариантах, и далеко не каждый читатель сумеет догадаться, что речь идет об одном и том же термине: Гозургах (стр. 189, 191), Гозургах (стр. 191, 201) и один раз в соединении со словом Мазар Казиргах (стр. 191). Последний и единственно приемлемый вариант появился, повидимому, безотчетно и никак не ассоциировался у автора с мазаром Ансари. Между тем, уже В. В. Бартольд на основании текста Исфизари установил, что это наименование является искаженным от „Коразор-гох“ т. е. „место битвы“, под которым разумелось сражение, разыгравшееся под Гератом в 206 г. х. В силу такого толкования правильнее писать это название, как транскрибировал его и сам покойный академик: Казергах (или уж Козоргох). Это как будто близко и к современному местному произношению, поскольку на картах разбираемое наименование, прилагаемое ныне к селению с весьма популярными могилами Ансари и эмира Дост Мухаммеда, обозначается обычно, как Казаргах (иногда с искажением вследствие описки: Казарчах или Казаргах).

Сам Ходжа Абдаллах Ансари рекомендуется А. М. Беленицким как „поэт-мистик XII века“ (стр. 201.) На самом деле он жил в XI столетии, смерть его последовала в 481 г. х. (1088 г. н. э.), полное имя его было Абу Исмаил Ходжа Абдаллах Ансари. Известен он больше под прозвищем „гератского старца“, а значимость определялась, как в XV веке, так и в другие времена приписывавшейся ему ролью „пира Герата“, т. е. патрона-заступника города, что и следовало подчеркнуть или хотя бы упомянуть перед описанием самого памятника. Во всяком случае, заслуживает быть отмеченным факт, что дорога от городских ворот Кипчак до мазара Ансари называлась Казаргахским Хиабаном и представляла собой как бы аллею, обсаженную деревьями.

В связи с наличием опубликованного в труде Нидермайера, „Афганистан“ плана этого здания, можно было бы и не

следовать буквальному определению ориентировки его главного айвана, по Байрону, на восток (стр. 202), а более точно указать северо-восточное направление. Для статьи, посвященной юбилею Навои, непростительно опущение факта, что в 1499 г. у восточного края усыпальницы шейха Ансари Алишер построил хонаку. Здесь он в этом году собирал весной главных сейидов, казиев, шейхов, ученых богословов, которых после соответствующего угощения, просил оказать ему содействие на пути дервишизма и отшельничества.

В меньшей степени обязательными являются небезынтересные подробности, что белый мрамор для намогильника Ансари, установленного султаном Абул Касым Бабуром, был добыт вблизи Герата, что среди намогильных плит имеются сделанные из черного мрамора, добывавшегося из месторождения этого камня к северу от Кандагара, и что при мазаре сохранилась масса кошек, поскольку якобы шейх при жизни очень любил этих животных. Временами число их бывало около сотни. И безусловно, очень искусственно звучит заключительная фраза, будто памятник этот как нельзя лучше характеризует те обширные культурные связи (подразумевается—с Европой, Китаем и мусульманскими странами М. М.), которые поддерживал в тот век, т. е. в XV столетии, Герат“ (стр. 202). Основанием для такого вывода послужили слова Абд-ар-Реззака, что на могильнике Ансари, по переводу А. М. Беленицкого, „были высечены фигуры мусульманские, китайские и франкские“ (стр. 202).

В действительности в тексте Абд-ар-Реззака речь идет не о буквально китайских и прочих фигурах. Терминами „ислими“, „хитон“ и „фаранги“ обозначались как в XIV—XV вв., так и позднее, разные системы орнаментов чисто мусульманского искусства, что часто не учитывается европейскими авторами и что не раз уже приводило к досадным недоразумениям.

На этом кончается изложение А. М. Беленицким сведений по исторической топографии Герата XV в. Несмотря на большое число и разнообразие сообщаемых из первоисточников сведений, читатели вправе досадовать на весьма значительную неполноту описания Герата—столицы и крупного города, вместилища массы людей и разнообразных функций.

Хотя указаний точного числа населения в городе за XV в. как будто пока и не встречалось, но о количестве его можно судить по косвенным данным. Как отмечалось выше, в XII в. при Гуридах в Герате насчитывалось до полумиллиона жителей, а по другим сообщениям—до миллиона. По Хондемиру, монголы перебили в нем, включая его булюки, до

полутора миллионов человек. Еще более интересные данные относятся ко времени правления Шахруха, когда с реджаба по 15 зулькада 838 г. х, т. е. с февраля по июль 1435 г., в течение свыше четырех месяцев здесь свирепствовала чума. В городе и в булюках в некоторые дни смертность достигала 10000 человек. Из городских ворот выносили иногда до 4000 погребальных носилок-табут, не считая трупов, которые проносились без них. Всего в самом Герате, по официальным данным, якобы умерло 600 000, а в булюках—до 400 000 человек, не считая тех трупов, которые тайно были закопаны в домах или сброшены в ямы. Так как сведения эти представлялись должностными лицами, ведавшими устройством могил и выдачей саванов за казенный счет, могло иметь место для сокрытия следов злоупотребления и сознательное искажение числа действительно погибших от эпидемии. Но все же, даже принимая во внимание известное преувеличение статистических данных, совершенно несомненно, что Герат XV в. был исключительно многолюдным городом с населением в несколько сот тысяч и, видимо, более чем в полумиллиона человек.

Самый городской организм освещен А. М. Беленицким далеко не разносторонне. Приводя хотя и не полный, но довольно значительный перечень различных зданий общественного назначения, автор ничего не сообщает о жилой застройке, если не считать неверной по своему заключению фразы, будто „в самом городе, насколько можно судить по нашим источникам, частных жилищ знати... не было“ (стр. 183).

В действительности богатых жилых домов, принадлежавших в том числе и знати, а не только зажиточным горожанам, было очень много. Судя по данным, сообщенным членами китайских посольств, в этих домах имелись покрытые прекрасной резьбой двери и окна, украшенные к тому же золотом и драгоценными камнями. Китайцы отмечали, что выстроены они были из камня, напоминали высокие плоские террасы, разделялись внутри перегородками на несколько десятков помещений почти пустых, так как они были лишены мебели и лишь застланы коврами. Не к домам простолюдинов, несомненно более скромным и количественно более многочисленным, относится общее заключение китайских послов, что в Герате народ жил в XV в. очень роскошно; и не в окна домов рядовых горожан были вставлены те решетки с цветными стеклами, о которых упоминают письменные источники второй половины этого столетия.

Внимательного читателя не может не поразить молчание автора о таких обязательных элементах города, как площади, караван-сарай, тюрьмы, кладбища, из чего не следует, конечно, делать заключения, что их не было в Герате XV в. В частности, караван-сарай особенно много было в южной части города, а кладбища имелись как внутри города, так и вне его, в том числе, непосредственно за городскими воротами. Как и другие мусульманские города, Герат XV в. вмещал немало мусульманских святынь и мазаров, из которых некоторые пользовались большой популярностью, как например, мазары Биби-паста, Ходжа Таразу, Ходжа Маджад-дина, Ходжа Мухаммеда Абд-ал Велида, Сеид Хасана и др. Из усыпальниц еще более видных лиц следовало бы отметить хотя бы места погребений автора известной энциклопедии начала XIII в. Фахр-ад-дина Рази; макбарат самого Навои с северной стороны от построенной им джума-мечети; мазарат его знаменитого современника Джами; покрытый многими живописными изображениями и рисунками хатире в районе Кух-и-Мухтар, где в 30-х годах XV в. был похоронен знаменитый художник Бехзад, не говоря уже о многих других.

Была в Герате и обязательная во всяком крупном мусульманском городе мечеть Намазгох, которая полузабыта в статье А. М. Беленицкого, хотя кое-где мельком и упоминаются отдельные элементы ее комплекса, и которая в XV в. находилась к северу от Герата у Хаузи-Махиан (Рыбий пруд). Бабур прибавляет к названию этой мечети эпитет „мухтер“, т. е. „избранная“. Кух-и-мухтар называлась и та гора, около которой располагалась загородная мечеть Намазгох. Тут же около гератской Намазгох, у Чашма-и-Махион, устроил себе обитель двоюродный брат Алишера—Хайдар, ставший дервишем после крушения служебной карьеры, из-за сообщения, что приближенные султана уговаривали султанского стольника-бакаула примешать яд к пище Навои. В этой обители Хайдар был предан погребению после того, как его убили в лагере султана Хусейна в 1499 г., обвинив в подстрекательстве Хусрау-шаха к войне с султаном.

Видную роль во всяком феодальном городе играли так называемые лобные места, где совершались публичные казни, о чем нет даже намек в работе А. М. Беленицкого. В этом отношении надо было прежде всего отметить прославленные гератские базары, которые служили не только для торговли, но использовались и по другому назначению. По ним проводились и на них выставлялись для осмеяния осужденные, вывешивались головы убитых врагов, а иногда де-

монстрировались даже отдельные члены рассеченного на куски тела. Так поступили, например, в 1405 г. со злополучным претендентом на престол Тимура, его внуком султаном Хусейном, бежавшим к Шахруху и убитым по его распоряжению, причем кожу его головы, набитую соломой, отослали Пир-Мухаммеду. Самые публичные казни совершались обычно у ворот Малик или у подножья цитадели. Здесь между прочим в 1462 г. по распоряжению тимурида Абу Саида за лихоимство и взяточничество сварили в котле с водой сборщика податей для войск Ходжа Муизз-ад-дина. Одновременно по тому же обвинению у северных ворот города содрали кожу с его сотоварища и сослуживца менялы-саррафа Шейх-Ахмеда. Подобные казни производились и перед воротами гератской цитадели, где, например, в правление Султана Хусейна в 1498 г. была содрана кожа с живого подвергнувшегося опале везира Низам-ал-мулька. Казни еще большего числа осужденных из разных слоев населения происходили в самом Ихтияр-ад-дине.

По статье А. М. Беленицкого читатель не сумеет составить себе сколько-нибудь цельного представления о Герате, уже в силу того обстоятельства, что о подавляющей части его территории ничего не сказано. После сообщения общих сведений о планировочном скелете Герата, который определялся прямоугольником городских стен и двумя пересекавшимися в центре города под прямым углом улицами, автор только для района Ихтияр-ад-дина и северо-восточной части привел данные о некоторых находившихся здесь зданиях. О северо-западной четверти читатели узнают лишь, что там находились увеселительные заведения, а про две другие четверти, расположенные в южной части города, совсем ничего не говорится. Таким образом, самый Герат остается на три четверти „белым пятном“, чего не было бы, если бы уделялось внимание хотя бы распределению производства и торговли разными товарами.

Еще более скупо освещены пригороды, по которым дается некоторый перечень зданий лишь для северной части и совсем ничего не сообщается о пригородах, прилегающих с запада, юга и востока. Между тем, даже если идти только по линии упоминания одних архитектурных памятников, можно было бы привести данные о кое-каких из них, расположенных как раз в этих местах. Например, за воротами Ирак в XV в. размещалась медресе Низамия, а с восточной его стороны находились мечеть и интересный минарет. Последний был отстроен, как говорили тогда, при султани Санджаре гератским правителем Фаляк-ад-дином и упал в 814 г., задавив двенадцать человек, спавших во дво-

ре мечети. Строителем или вернее возобновителем последней был упоминавшийся полководец конца XIV—начала XV в. Гияс-ад-дин Шах Мелик. Дальше располагался дворец Аксарай, выстроенный тимуридом Абу-Саидом.

Было бы вполне уместно сообщить об усиленно разработавшихся в XV в. месторождениях белого мрамора к северо-востоку от Герата. Камень этот шел на изготовление колонн, надгробников, подставок для корана и других предметов, причем в Герате эпохи тимуридов была масса прекрасных изделий из него.

Имеют право на упоминание и расположенные вблизи отсюда минеральные источники, где тимурид Абу-Саид построил большое и высокое здание, дававшее некоторый комфорт искавшим здесь исцеления больным. Позднее, по распоряжению султана Хусейна, было отстроено для удовлетворения возросших потребностей еще и другое здание. У своеобразного курорта во второй половине XV в. имелись парки, сады, цветники и огороды.

Как и во многих других случаях, наши знания о прошлом Герата XV в. не отличаются желательной полнотой, и тут уже от самого исследователя зависит, откуда и как он сумеет привлечь и использовать хотя бы отрывочные факты, которые, суммируясь, позволят дать более полные и живые представления о городе далекого прошлого. Недостаточное использование А. М. Беленицким текста „Бабурнамэ“ лишало читателей возможности услышать о таких достопримечательностях Герата конца XV—начала XVI вв., как Джавоз-кагаз (бумажная мельница), Кух-идастан (Гора повестей), Тараб-хана (Дом увеселений, построенный за городом Абул Касым Бабуром и украшенный при султани Абу-Саиде настенною росписью с изображениями батальных сцен из жизни этого государя), и многие другие.

Историческая топография в современном понимании не должна ограничиваться выяснением общего скелета города и инвентарным перечнем отдельных его элементов, подносимых с той или иной степенью полноты. От исследователя мы вправе требовать и некоторых, хотя бы самых предварительных, обобщений и попыток создать не только силуэт, но и более живой образ города прошлого. Город—вместилище людей. И специалист по истории материальной культуры не должен упускать из виду их в общей массе или забывать о фиксации внимания на некоторых наиболее характерных фигурах эпохи. Наконец, XV в.—это целый период в жизни Герата с тремя разными по своему характеру этапами развития, что не подмечено в статье А. М. Беленицкого. Между тем, выяснение этой периодизации так

же является одной из задач исторической топографии городов, как дисциплины исторической.

В большей части ничего этого нет в рассматриваемой статье, но все это легко может появиться в процессе дальнейшего более углубленного исследования, которое автору под силу больше, чем многим другим. Необходимо только более широко охватить первоисточники, оставленные как современниками, так и более поздними авторами, даже компиляторами. Между тем, в работе совершенно опущены некоторые труды конца XIV—начала XV вв., начиная с „Зафар-намэ“ Шереф-ад-дина, а для второй половины XV в. не использовано еще одно сочинение Хондемира „Книга благородных качеств“ хотя бы в отрывках, приведенных в переводе М. Салье¹, а также мемуары Васифи.

Поскольку XV век ознаменовался обменом несколькими посольствами между Гератом и Китаем, нецелесообразно совершенно игнорировать сведения, заключенные в отчетах членов китайских миссий. Кроме более внимательного просмотра трудов В. В. Бартольда, при изучении Герата необходимо критически использовать как все первоисточники, так и работы Н. В. Ханькова, А. Вамбери, В. Л. Вяткина, А. А. Семенова, К. Риттера, Хаммера, Г. ле Стренджа, Е. Бретшнейдера, Е. Днца и еще многих других.

Нельзя, как это сделал автор, ограничиваться неполным использованием показаний Ферье (опущен его труд *Voyages et aventures en Perse*, 1870), Байрона (по резюме его доклада на III Международном конгрессе по искусству и археологии в Ленинграде в 1835 г.) и Иета (забыт его труд *Knurasan and Siston*, 1900); надо привлечь описания Герата, которые имеются у Махан Лала, Форстера, Кристи, Конолли, Мунши, Аббота, Маллесона, Гродекова, Гамильтона, Нидермайера и ряда других. Немало могло бы помочь изучение опубликованных планов Герата, а также известных в достаточном числе иллюстраций, хотя бы приложенных к труду Нидермайера „Афганистан“, 1920, или фото соответствующего тома *Survey of Persian Art*, являющихся приложением к далеко не безынтересному для историка Герата тексту работ Байрона, Поопа и Аккерман.

Использование в будущем комплекта записок Восточного отделения Русского археологического общества и Энциклопедии ислама подразумевается само собой и указывается только в порядке напоминания, поскольку они не нашли отражения в рассматриваемой работе. При этом весь-

¹ Салье М., Книга благородных качеств. Сборник „Родоначальник узбекской литературы“, Ташкент, 1940, стр. 177—214.

ма важно всесторонне раскрыть допущенные в вышеперечисленных материалах ошибки и извращения со стороны европейских исследователей.

Совершенно несомненно, что могущий появиться новый, менее сырой труд А. М. Беленицкого по выбранной им весьма благодарной теме, после того, как автор будет в той или иной форме реагировать на высказанные соображения, в большей мере оправдает те надежды, которые высказаны в предисловии сборника „Алишер Навои“, а именно, что он содержанием своих статей „окажется надежным помощником при всех дальнейших исследованиях“ (стр. 4).

Остается лишь от души пожелать в дальнейшем автору успеха, имея в виду при этом, что, несмотря на сделанные замечания, опубликованная статья, с учетом высказанных добавлений и коррективов, несомненно поможет многим ориентироваться на первых порах в вопросах исторической топографии Герата XV в. Безусловно, она не будет обойдена и теми, кому придется изучать этот город в историко-археологическом отношении по натуре.

Канд. истор. наук Я. С. ГУЛЯМОВ

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИИ АРХИТЕКТУРНЫХ АНСАМБЛЕЙ В ГОРОДАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ XV в.

В середине века, так же как и в античную эпоху, пышность и архитектурное великолепие городов выражались в благоустройстве торговых рядов, а также религиозно-культовых и дворцовых зданий. Представители господствующей верхушки, преследуя определенные политические цели, сооружали выдающиеся по своей архитектуре здания.

Особенно старался продемонстрировать могущество своей империи Тимур. Он воздвигал в Самарканде и своем родном городе—Кеше грандиозные здания и не считал лишним подчеркнуть истинную цель сооружения этих построек: так, например, по свидетельству Малихо, надпись на Шахрисябзском дворце Тимура—Ак-сарая гласила: „Если сомневаешься в нашей силе и могуществе, посмотри на наши постройки“¹.

При постройке зданий архитекторы того времени строго учитывали целесообразность создания архитектурных ансамблей в отдельных частях города. В большинстве случаев в таких ансамблях наблюдается сочетание различных религиозно-культовых зданий, а именно: мечетей для обычного или пятничного богослужения; хонако—заведений для религиозных обрядов дервишей суфийских сект; медресе—средневековых высших учебных заведений. История происхождения и назначение каждого из этих типов зданий достаточно освещены В. В. Бартольдом².

Довольно часто встречается включение в такие ансамбли погребальных сооружений—мавзолеев. Последние во многих

¹ Мухаммед Бади-бин Мухаммед-Шариф (Малихо)—Музакар-эл-асхаб, рук. ИВР АН УзССР № 4270, л. 306. Ман шаки фи вилоятино ва кароматино, фанзар ала иморатино.

² В. В. Бартольд. Погребение Тимура, ЗВОРАО, т. XXIII, вып. 1—2 стр. 5—8.

случаях сооружались под кровлей хонако или медресе. Таковы, например, хонако Сейф-эд-дина Бохарзи около Бухары, хонако Шейх-Мухтара в Хорезме XIII в. и другие.

Особенно большое внимание было уделено в эпоху Тимура сочетаниям погребальных сооружений с медресе. Одним из первых медресе, построенных в Самарканде при Тимуре, было медресе Ханым, расположенное против знаменитой соборной мечети Тимура. Оно было сооружено в честь матери его жены Сарай-Мулк-Ханым, поэтому медресе вместе с прилегающим к нему урочищем носило название Медресе Ханым. Сохранившиеся до сих пор руины мавзолея Биби-Ханым являются составной частью упомянутого медресе, на что указывает Клавихо¹ и особенно Малихо, который пишет: „одним из поступков Абдулла-хана (шейбанида) в Самарканде было то, что он так разрушил медресе Ханым, находившееся против соборной мечети, построенной Эмир Тимуром Кураганом, что от него, кроме мавзолея Ханым², ничего не осталось“³.

Принцип сочетания религиозно-культовых зданий с погребальными сооружениями особенно четко выступает в медресе Мухаммед-Султана (внука Тимура) в Самарканде. По описанию Малихо, медресе занимало восточную часть теперешнего двора Гури-Эмира. Оно было двухэтажным и содержало 29 худжр (келий). В четырех углах медресе были расположены помещения, перекрытые куполами; из них северо-западное и юго-западное, обращенные окнами во двор Гури-Эмира, были усыпальницами (Гур-хана). Остальные два помещения северо-восточное и юго-западное—были аудиториями (дарсхана).

Согласно указаниям вакуфного документа, в медресе должны были жить и обучаться слушатели, по два в каждой худжре; при них состояли четыре мударриса (преподаватели). Кроме них, в медресе проживали десять чтецов корана. В обязанность последним вменялось постоянное чтение корана за упокой душ почтенных лиц, погребенных в Гури-Эмире⁴.

Таким образом, в функции медресе входило, кроме обучения студентов светским и богословским наукам, также и обслуживание имеющих при нем погребений.

¹ Клавихо Руи Гонзалес-де. Путешествие ко двору Тимура в Самарканд, перевод И. И. Серезневского, СПб, 1861, стр. 201.

² Это была, повидимому, усыпальница женского поколения последних реальных ханов из монгольской династии. По свидетельству Клавихо, там первой погребена мать Биби-Ханым. Сведениями о погребении там самой Биби-Ханым (Сарай-Мулк-Ханым) мы не располагаем.

³ Малихо, Музакар-эл-асхаб, раздел о мечети Каян из экземпляра Бухарской библиотеки.

⁴ Малихо, Музакар-эл-асхаб, 398.

Малихо упоминает еще о двух таких медресе в Шахрисябзе (Кеше). Шахрисябз, — говорит он, — в настоящее время (которое соответствует 1103 г. хиджры или 1691—92 г. н. э.) находится так же, как и Самарканд, в разрушенном состоянии. Там много построек чагатайских правителей. Одна из них — соборная мечеть — построена счастливым мучеником Мирза-Улугбеком. Могилы Шейха-Куляла находится рядом с ней. Тут же было медресе, которое называлось Дариттиловат; в нем помещается мавзолей Эмир-Тарагая (отца Тимура).

Было еще другое медресе с мавзолеем Мирза-Джахангира, сына Сахибкирана (Тимура). Оно находилось около мавзолея Имам-Мухаммеда Шейбани (Хазрат-Имам. Я. Г.) и называлось Дорис-саядат. Это медресе было разрушено Абдулла-ханом вместе с мавзолеем Мирза-Джахангира¹.

Мы здесь подчеркиваем двойственный характер функций медресе при Тимуре, допуская погребения в медресе, что было характерно также и для хонако.

В европейской и особенно в русской исторической литературе много писалось об архитектурном ансамбле Гури-Эмир. Еще до открытия полной рукописи сочинения Малихо² многие крупнейшие специалисты русского востоковедения (Н. И. Веселовский³, В. Л. Вяткин⁴, В. В. Бартольд⁵ и др.) делали попытки согласовать указания первоисточников относительно Гури-Эмира и установить место первоначального погребения Тимура и Мухаммед-султана. Первый из авторов — Клавихо, посетивший эти постройки при жизни Тимура, оставил нам весьма неясные сведения.

В пятницу 30 октября (1404 г.) — пишет он, — царь (Тимур) выехал в город и остановился в доме с мечетью. Это здание было построено по приказанию царя для погребения тела своего внука Мухаммед-Султан-Мурасса (Мирзо), который заболел и умер в Турции после того, как царь победил турка (Султана Баязида) и взял его в плен. Царь очень любил его, поэтому приказал построить в честь его эту мечеть, дом и мавзолей... Мечеть (часовня) четырехугольная, очень высокая, она изнутри и снаружи украшена золотом, лазурью, изразцами и стеклом. После того, как внук царя умер в Турции, царь приказал перевезти его тело в Самарканд и похоронить там, а также велел правителю Самарканда построить эту мечеть и мавзолей⁶.

¹ Малихо, Музаккар-эл-асхаб, 306.

² См. ниже.

³ Предисловие к альбому „Гури-Эмир“.

⁴ Справочная книга Самаркандской области, VIII, 301.

⁵ В. В. Бартольд. ЗВОРАО, т. XXIII, вып. I—II, Погребение Тимура.

⁶ Путешествие ко двору Тимура в Самарканд, стр. 314—315.

Таким образом, Клавихо упоминает три постройки, возведенные по приказу Тимура для Мухаммед-Султана, т. е. мечеть, дом и мавзолей, но описывает только мечеть и совершенно умалчивает о мавзолее.

По его описанию, мечеть была четырехугольной, и ее постройка была закончена до его (Тимура) приезда.

Шереф-аддин-Али Иезди отрывочно, между другими сообщениями, упоминает об этих строениях и называет их по-разному: то у него речь идет о доме, то о медресе, а иногда о хонако. Вот что он пишет: „Тимур в месяце мухарреме 807 г. (1404 г.) прибыл в Баги-Чинар и оттуда отправился в город, остановился в медресе Мухаммед-Султана, которое было построено недавно, и Тимур еще не видел его. Отсюда он отправился в загородные сады.¹ Из Баги-Баланда он направился в город и остановился в доме Мухаммед-Султана и велел рядом с медресе Мухаммед-Султана построить высокое, как небесный свод, купольное здание (маркад). По его приказу перед фасадом (Дар пешгах-и-соха) хонако Мухаммед-Султана, непосредственно у южной суфы хонако, воздвигнули „подобное небу здание. Панель здания сделали из мрамора и украсили орнаментами из золота и лазури, для погребения устроили склеп (сардоба). Разрушив множество домов на прилегающем участке, разбили там прекрасный сад“².

Из этих слов Шереф-эддина выясняется, что до постройки Гури-Эмира там было три здания, связанных с именем Мухаммед-Султана (дом, медресе и хонако). После этого Шереф-эддин в двух местах упоминает о хонако Мухаммед-Султана. Например, после смерти Тимура его жена с царевичами и слугами, приезжая в Самарканд, посещает хонако Мухаммед-Султана, где был похоронен Тимур (высокопоставленные женщины и царевичи со слугами, въезжая в город, останавливались в хонако Мухаммед-Султана, где был похоронен Сахиб-киран)³.

Халиль-Султан, спустя два дня после того, как он овладел самаркандским престолом, посетил хонако Мухаммед-Султана, где был похоронен Тимур. Отсюда явствует, что прах Тимура и Мухаммед-Султана первоначально были погребены в хонако, построенном Мухаммед-Султаном. Описание Клавихо четырехугольной „часовни“, где был похоронен Мухаммед-Султан, и сообщение Шереф-эддина о хонако свидетельствуют о существовании другого здания, кроме современного Гури-Эмира.

¹ Шереф-эддин Иезди, Зафер-намэ, Калькутта, ч. II, стр. 705.

² Шереф-эддин Иезди, Зафер-намэ, Калькутта, ч. II, стр. 591.

³ Шереф-эддин Иезди, Зафер-намэ, Калькутта, ч. II, стр. 526.

По Ибн-Арабшаху. Тимур был похоронен рядом с Мухаммед-Султаном в его медресе¹. Бабур также пишет, что могилы Тимура и его потомков, правивших в Самарканде, находятся в медресе Мухаммед-Султана².

Первые исследования о Гури-Эмире произведены русским востоковедом Н. И. Веселовским, который в своем предисловии к альбому „Гури-Эмир“ несколько подробнее останавливается на вопросе о месте первоначального погребения Тимура.

Н. И. Веселовский, имея в виду сообщения Клавихо и Шереф-эддина, утверждает, что Тимур и Мухаммед-Султан первоначально были похоронены в хонако, но при этом он отождествляет хонако с Ак-сараям, находящимся к юго-востоку от Гури-Эмира. Существующий мавзолей Гури-Эмир рассматривается им как мечеть Тимура, превращенная впоследствии в мавзолей, в связи с перенесением прахов Тимура и его потомков.³

В. Л. Вяткин, критикуя выводы Н. Веселовского, справедливо доказывает, что Гури-Эмир построен первоначально как мавзолей. Но он также отождествляет хонако Мухаммед-Султана с Ак-сараям и предполагает, что Тимур и Мухаммед-Султан первоначально были погребены именно в Ак-сараям.

В. В. Бартольд в специальной статье „О погребении Тимура“, несмотря на все усилия, не смог сделать более или менее правильных выводов. Этому препятствовала нечеткость сведений, указанных в первоисточниках.

Ниже мы хотим сообщить о новом, еще не использованном в науке первоисточнике, привлечение которого вносит ясность и четкость в историю общей планировки строений Гури-Эмира.

Мы имеем в виду сочинение Мухаммед-Бади-бин Мухаммед-Шерефа, родом из Самарканда, известного под поэтическим псевдонимом Малихо. Произведение его (Музаккар-эл-асхаб) представляет собой антологию (тезкира) таджикских поэтов—современников автора. Приводя биографические данные об отдельных лицах, Малихо попутно останавливается на некоторых исторических событиях и на сведениях, касающихся исторической топографии Самарканда, Бухары, Шахрисябза, а также приводит некоторые данные об архитектурных памятниках. Сведения относятся ко времени между 1669 и 1692 г.

¹ Ажонбулм-эл-Мақдур фи ахбори Тимур. Каир. 1888, стр. 174.

² Бабур-намэ, изд. Бевериджа, стр. 46.

³ Н. И. Веселовский, Предисловие к альбому „Гури-Эмир“, стр. 16.

Касаясь деятельности Муллы Вали, сына Муллы Замана, которого Аурагзеб (1659—1707) назначил мутавааллием Гури-Эмира, Малихо подробно останавливается на описании этого памятника.

Отец автора, Мухаммед-Шереф, был одним из мударисов медресе Мухаммед-Султана в Гури-Эмире.

„Эмир-Тимур,— пишет автор,— после смерти Мир-Саид-Бараке построил для него это купольное сооружение, известное под названием Гури-Эмир. Известное медресе находится подле этого высокого сооружения-мавзолея Мир-Саид-Бараке. Эмир-Тимур при постройке мавзолея проявил всю свою щедрость. Будучи поклонником Саид-Бараке, Тимур и его потомки похоронены под ногами Саида...“

Дальше автор подробно останавливается на вакуфных условиях медресе и Гури-Эмира, на мероприятиях местных правителей и, наконец, на заботах Аурагзеба о Гури-Эмире и на злоупотреблениях Муллы Вали. Малихо описывает Гури-Эмир в следующем виде: „На юго-западной окраине города Самарканда, между гузарем Ак-сарай и мавзолеем Шейх Бурхан-эддина Сагарджи, прозванного Руха-абад, на прямой дороге от базара, расположенного на гузаре Ахмад-Салтан, построено большое купольное здание, имеющее арки на четырех сторонах. Вход в мазар через арку, обращенную лицом к югу. С этой стороны мастера времени из камней, подобных стеклу, устроили мощеную дорогу, аллею (шахрах) на расстоянии около одного окрика (на'равф). В западной стороне аллеи имеется кирпичная мечеть с деревянным потолком. В восточной стороне аллеи расположен прекрасный сад с великолепным хаузом и тенистыми деревьями. В конце дороги выстроен высокий портал, декорированный золотыми и изразцовыми узорами (описываются паруса, ниши, сталактиты портала).

Под аркой портала имеются стальные ворота, открытые навстречу посетителю, подобно дверям счастья. На двух устоях арки входного портала сделана надпись в стихах.

Через этот портал дорога ведет во двор Гури-Эмира. Длина этого двора равна ширине на его западной стороне, расположенной против медресе; бросаются в глаза остатки постройки хонако, которое в настоящее время разрушилось окончательно.

Мавзолей Хазрети-Мир (Саид-Барака) и Эмир-Тимура расположен на южной стороне двора, против входного портала.

Под высокой аркой мавзолея со стороны двора имеется вход; входы имеются и по бокам высокой арки. Один из них сейчас закрыт, а раньше через него входили в мавзолей (речь идет о входе из южного айвана). Второй из них, дей-

ствующий в настоящее время, построен в 827 г. (1424 г.) Улугбеком.

Панель мавзолея с внутренней стороны сплошь облицована (выше человеческого роста) плитками из прозрачного камня. При Мирза Улугбеке из такого же камня вокруг надгробьев была устроена решетчатая ограда.

Вокруг этого мавзолея сохранились надгробья и руины мавзолеев потомков и приближенных Тимура.¹

Дальше Малихо описывает медресе Мухаммед-Султана.

Из описания Малихо выясняется:

1. Мавзолей Гури-Эмир является частью архитектурного ансамбля, состоящего из медресе, хонако Мухаммед-Султана, мавзолея Гури-Эмира и ряда надгробьев-мавзолеев, принадлежащих потомкам и приближенным Тимура.

2. Со стороны мавзолея Рух-абад т. е. с севера на юг до современного входного портала Гури-Эмира существовала прямая аллея, вымощенная белыми камнями.

Через металлические ворота посетитель входил во двор Гури-Эмира, окруженный зданиями: в южной части двора против входа так же, как и сейчас, находился мавзолей Гури-Эмир; в западной части этого почти квадратного двора было расположено хонако Мухаммед-Султана; восточную часть занимало медресе Мухаммед-Султана. Из описания Малихо явствует также, что непосредственно вблизи Гури-Эмира, с наружной стороны, находились второстепенные погребальные сооружения, к числу которых следует отнести руины самаркандского Ак-сарая.

Вопрос о месте первоначального погребения Тимура и Мухаммед-Султана, повидимому, не нуждается в каких-либо особых уточнениях, поскольку институт и хонако и медресе по своему принципу не запрещают в них погребений; кроме того, из слов Малихо ясно, что еще при нем два западные помещения медресе Мухаммед-Султана функционировали как мавзолей или усыпальницы.

Сведения Малихо полностью разъясняют причины разногласий среди наших востоковедов. Оказывается, все авторы первоисточников правы в своих описаниях и сообщениях.

Действительно, Мухаммед-Султан, построив медресе и хонако, повидимому, архитектурно оформил двор Гури-Эмира. Он оградил его с юга и севера высокой красивой стеной из жженого кирпича. Получился замкнутый двор с высокими минаретами в четырех углах.

Ради сохранения архитектурного стиля в южной стене,

¹ Музакар-эл-асхаб, ук. рукопись, стр. 297—303.

против входного портала была устроена суфа, к которой вплотную примыкает мавзолей Гури-Эмира, что в свою очередь находит объяснение в сообщении Шереф-эддина.¹

Когда Тимур вернулся из похода в Турцию, Мухаммед-Султан был погребен в построенном им самим хонако. Тимур же приказал построить для Мухаммед-Султана большой пышный мавзолей. Когда умер сам Тимур, постройка мавзолея еще не была закончена, и Тимура похоронили в хонако рядом с Мухаммед-Султаном. По словам Шереф-эддина², спустя некоторое время, повидимому, в начале правления Шахруха, из Андохя привезли прах Саида-Барака и похоронили его в упомянутом вновь выстроенном мавзолее, куда перенесли также прах Тимура и Мухаммед-Султана.

Слова Бабура и Иби-Арабшаха о погребении Тимура и его потомков в медресе Мухаммед-Султана не лишены основания, ибо название медресе включало весь комплекс трех сооружений и даже вакуфы были оформлены на медресе.³ Медресе Мухаммед-Султана, как одно из первых сооружений, подобно медресе Ханым, было более популярно, чем другие.

Одновременно с хонако функционировали, как места погребения, два угловых помещения фасада здания медресе Мухаммед-Султана. Юго-восточное из них, в основном, сохранилось. В нем находится несколько надгробных мраморных плит. Проф. А. А. Семенов любезно сообщил автору, что им была прочитана надпись на одной из этих плит, которая свидетельствует о погребении здесь Мухаммед-Джахангира—номинального хана из династии чингизидов, провозглашенного ханом при Халиль-Султане.

Археологическими исследованиями летом 1943 г. в северо-восточном углу двора Гури-Эмира установлено место северной усыпальницы (гурхана) медресе Мухаммед-Султана. Тут же рядом были вскрыты остатки входа в северо-восточный минарет. А место северо-западного минарета было установлено еще в 1926 г. инженером М. Ф. Мауэром и техником Соловьевым, принимавшим также участие и в работах 1943 г. Вскрыта также часть фундамента южной стены медресе на расстоянии около 10 м. По техническим причинам работа по установлению восточной границы медресе была отложена на будущее время.

Западная часть двора, где находилось хонако Мухаммед-Султана, была вскрыта частично М. Ф. Мауэром в 1926 г.

¹ Дар пешгоҳ соҳа и хонақоҳ муттасил ба сифаи жануби куббаи фалак мисол бар анрохтед, стр. 596.

² Зафар-намэ II, стр. 119.

³ Малихо, Музакар-эл-асхаб, л. 301.

Тогда еще было известно, что вскрытые фундаменты относятся к постройкам времени Тимура. При археологических работах 1943 г. была вскрыта только южная часть фасада хонако и определена лишь линия фасада. В дальнейшем здесь должны быть произведены большие археологические исследования. Надо отметить, что первоначальное оформление двора, т. е. постройка входного портала южного айвана и четырех минаретов, а также ограждение двора декоративной стеной (забором) было произведено не Улугбеком, а Мухаммед-Султаном.

Улугбек внес впоследствии некоторые изменения в Гури-Эмир. Они заключались в том, что (по словам Малихо) вход в мавзолей Гури-Эмир был сначала устроен из южной суфы, но после того, как прах Саида-Барака был перенесен сюда из Андхоя и погребен на этом месте, его могила очутилась у прохода, что казалось унижением его достоинства. Поэтому Улугбек закрыл вход из южной суфы и установил вход в мавзолей с восточной стороны, при этом к мавзолею пристроили существующую входную галерею.

Архитектурный ансамбль шахрисябзских памятников весьма сложен и до сих пор еще серьезно не обследован. Кроме Ак-сарая, центром строительной деятельности Тимура являлись мавзолей Хазрат-Имама Шейбани, шейха Шамс-эддин Куляля, соборная мечеть Улугбека и Гумбази Саидон.

Основываясь на свидетельствах Малихо, Шереф-эддина Иезди и Клавихо, можно ориентировочно сделать заключение о существовании там двух смежных ансамблей. Шереф-эддин указывает, что Тимур построил в Шахрисябзе большое богоугодное здание (Букъа)—гробницу, к западу от которого находятся могила шейха Шамс-эддин Куляля и могила отца Тимура, Эмир-Тарагая.

Справа и слева от этого здания (Букъа) он построил гробницы и мавзолей для Мирза-Джахангира и для других царевичей. Каждый из приближенных Тимура заботился о том, чтобы его тело, где бы он ни умер, было перевезено сюда; гробницы строились заранее, и на кладбище вокруг главной гробницы (Букъа) отводились места каждому соответственно его положению. Эти места обозначались военным термином „мурджал“ „как места отрядов или отдельных воинов во время битвы.“¹

Клавихо пополняет наши представления о них; он пишет, что видел там большую „мечеть“, построенную Тимуром, но еще незаконченную; в ней была особо „большая часовня“, где был похоронен отец Тимура, и другая часовня,

тоже „очень большая“, которую Тимур строил для себя, „желая быть там похороненным“.

Тимур проезжал там за месяц до Клавихо и велел переделать дверь, показавшуюся ему слишком низкой (над этим еще работали при Клавихо). В той же „мечети“ был похоронен старший сын Тимура Джахангир, и мечеть и „часовня“ были очень богато и великолепно отделаны золотом, лазурью и изразцами: вокруг мечети располагался большой двор с деревьями и водоемами“¹.

Упоминание медресе Дорит-тиловат с мавзолеем Тарагая у Малихо и мечети с часовней Тарагая у Клавихо убеждает нас в достоверности сообщений Малихо: можно предполагать, что Дорит-тиловат представляло собой медресе типа медресе Ханым или медресе Мухаммед-Султана в Самарканде. Нельзя допустить, что это могла быть мечеть, как пишет Клавихо, ибо сочетание мавзолея с мечетью совершенно не практиковалось. Также нельзя принять ее за хонако, ибо погребение светских лиц при хонако не допускалось. Погребение Тимура и Мухаммед-Султана в хонако последнего надо рассматривать как явление временного порядка. Кроме того, не было надобности строить хонако рядом с хонако Шамс-эддина Куляля, превращенного сейчас в мечеть.

Таким образом, этот ансамбль, или возможно, западная группа ансамбля, сначала состоял из хонако шейха Шамс-эддина с его надгробьем и из медресе Дорит-тиловат с мавзолеем Тарагая, построенным Тимуром в 1374 г.²

В 1435-1436 г. Улугбек построил против медресе соборную мечеть Кок-Гумбаз³ и этим как бы дополнил ансамбль.

Восточная группа ансамбля, повидимому, состояла из большой гробницы с примыкающими к ней отдельными мавзолеем, например, мавзолеем Мирзы-Джахангира и многими другими. Гробница непосредственно примыкала к ранее существовавшему мавзолею Имама-Мухаммеда Шейбани (Хазрет-имам), ибо на южной стене последнего, с наружной стороны сохранились ложные арки и другая внутренняя отделка грандиозного, пышного сооружения.

В 30 м к юго-востоку от Хазрет-имам летом 1933 г. мною и т. Миргиязовым был вскрыт склеп под большой улицей. Склеп выстроен из белого мергелистого известняка с большим архитектурным искусством. В плане он имеет центрическую форму с четырьмя глубокими нишами, края

¹ Курсив В. В. Бартольда, ук. статья, стр. 5.

² Бартольд В. В., Цит. стат., стр. 4.

³ Умняков И. И. Архитектурные памятники Ср. Азии, Ташкент, 1928, стр. 21.

¹ Рукопись ИИВР АН УзССР, № 1514, л. 230 текст.

ниш окаймлены красивыми фигурными надписями коранического происхождения, высеченными на камне. Такие надписи высечены и на стенах. В центре склепа стоит большой каменный саркофаг с останками погребенного. Большая каменная крышка саркофага с четырьмя металлическими кольцами была опрокинута на бок. Вход в склеп находился в западной части южной стены. Наши оттиски с надписями на крышке саркофага вышли неудачными. Проф. А. А. Семенов любезно сообщил нам, что прочел эту надпись по фотографии, сделанной несколько позже. По его утверждению надпись содержит указание на погребение здесь Мирзы-Джангира, старшего сына Тимура.

Утверждение Малихо о существовании здесь медресе Дарис-Сеядат вызывает сомнение. Во-первых, он не видел его; во-вторых, сообщения его очевидцев и современников (Клавихо, Шереф-эддина, Бабура и др.) более убедительно характеризуют указанное здание как большую гробницу. Очень возможно, что при постройке здания была учтена потребность в помещении с кельями для чтецов корана, которых было много и которые постоянно там проживали.

Третий архитектурный ансамбль тимуридского Самарканда составляла площадь Ригистан. Первоначально там было сооружено медресе Улугбека и построенное Улугбеком же большое хонако (там, где сейчас медресе Шир-дор); несколько позже Эмир-Али-эд-дин Алек Кукалдаш—главный советник Улугбека (возможно, молочный брат Шахруха) дополнил ансамбль постройкой большой соборной мечети. Она замыкала площадь Ригистан с юга. Существующий план Ригистана является результатом большой строительной деятельности в XVII в. при Ялангтуш Баходуре, который воздвиг медресе Шир-дор на месте бывшего хонако Улугбека и постройкой медресе Тилля-Кари замкнул Ригистан с севера.

При Алишере Навои в эпоху расцвета Герата также замечалось стремление придерживаться принципа ансамбличности архитектурных сооружений. К сожалению, мы не располагаем достаточным материалом для их характеристики.

Это стремление особенно ярко выразилось в деятельности Навои, например, в его постройках на берегах канала Инджиль. Он построил медресе Ихлосия и против него хонако Халосия и купольное сооружение для чтецов корана.

Навои говорит в Вакфия, что он старался увязать их друг с другом¹. Интересно подчеркнуть отношение Навои к своему хонако, побудившее дать ему название Халосия (избавление).

Известно, что еще с древних времен дервишизм на мусульманском Востоке традиционно противопоставлял себя со своим институтом хонако представителям средневековой богословской и светской науки с их медресе.

Реакционный дервишизм тяжелым бременем на протяжении длительного периода давил народы и их прогрессивных правителей. Считаться с дервишизмом приходилось всегда и всюду. Каждый, кто интересовался медресе и поощрением в нем науки, обязательно сталкивался с претензиями дервишей на постройку для них хонако. Поэтому часто встречается фраза: „для суфиев построил хонако, а для людей науки построил медресе“¹.

Это выпало и на долю Навои, который построил медресе в знак искренней преданности (Ихлас) науке и соответственно дал ему название „Ихлосия“ (знак искренности); кроме того, он построил также хонако, дав ему от чистого сердца название „Халосия“ (знак избавления) как символ избавления от неприятностей, беспокоивших его сердце.² Отсюда понятно, почему так интересовались постройками хонако Улугбек и Навои, хотя оба они не были атеистами.

Из данных „Вакфия“ и некоторых сведений, собранных в статье А. М. Беленицкого³, можно, хотя и очень туманно, установить описанную традицию архитектурных ансамблей также в постройках Алишера Навои (вдоль канала Инджиль) и в других пунктах Герата. Этот город великолепием своего архитектурного облика в конце XV в. много обязан строительной деятельностью Алишера Навои, вдохновлявшего на это своих современников.

¹ Джамии, Ва нафахот ул уне, цит., 1892, Ташк., 211. Аз баран суфия биной хонақоҳи кард ва аз баран талабан или биной медресе.

² Навои, Вакфия, Баку, 1926, стр. 43.

³ „Историческая топография Герата XV в.“, сборн. „Алишер Навои“. Москва-Ленинград, 1946.

¹ Навои, Вакфия, Баку, 1926, стр. 43.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Канд. истор. наук *Р. Г. Гулямов*. К изучению эпохи Навои 5
2. Канд. истор. наук *Р. Н. Набиев*. Из истории политико-экономической жизни Мавераннахр XV в. 25
3. Член-корр. АН УзССР, доктор филос. наук *В. Ю. Захидов*.
Некоторые социально-политические взгляды Навои 50
4. Действ. член АН УзССР *М. Т. Айбек* и проф. *А. Дейч*. Мир идей Алишера Навои 83
5. Доктор археологии *М. Е. Массон*. К исторической топографии Герата XV в. 120
6. Канд. истор. наук *Я. Г. Гулямов*. К вопросу о традиции архитектурных ансамблей в городах Средней Азии XV в. 146

Отв. редактор *М. Т. Айбек*.

Тех. редактор *Г. Т. Кобылковский*

Р-03380. Сдано в набор 9/IV 48 г., подписано
к печати 5/V-48 г., Форм. бум. 60×92 1/16.
Печ. лист. 10, уч.-авт. 10. Тираж 2000.
Цена в переплете 14 руб.

Ташкент, тип. Из-ва АН УзССР.
Зак. № 1277-48 г.

14 p.

p

522/28